

ISSN 2227-1538
eISSN 2307-4590

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И МОЛОДЕЖЬ

И.В. Самаркина, А.Б. Сазантович, Т.Т. Гогишвили
МОЛОДЕЖЬ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

О.А. Коряковцева
КТО НУЖЕН РОССИИ: «МОЛОДАЯ ЭЛИТА»
ИЛИ СОЦИАЛЬНО АКТИВНЫЙ ГРАЖДАНИН?

Г.П. Щедрова
КОНСТРУИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ
И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ РОССИИ

И.В. Юрченко, В.М. Юрченко, М.В. Донцова
ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
МОЛОДЕЖИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ

Главный редактор ШУМИЛОВ Андрей Владимирович кандидат политических наук, доцент Соредактор СКОВИКОВ Алексей Константинович кандидат политических наук, доцент Ответственный секретарь НИКИФОРОВА Ирина Владимировна Перевод ОРЛОВА Елена Геннадьевна Учредитель / Издатель НИИ общественных и политических наук	Научная редакция 16+ АЛЕКСЕЕВ Сергей Валерьевич кандидат политических наук, доцент АРУТЮНОВ Антон Георгиевич научный сотрудник БУРДА Михаил Александрович кандидат политических наук, доцент ЕФРЕМОВ Олег Юрьевич кандидат философских наук, доцент КАСИМОВ Евгений Витальевич кандидат исторических наук, доцент ШЕВЧЕНКО Екатерина Сергеевна кандидат политических наук
Председатель Редколлегии номера САМАРКИНА Ирина Владимировна доктор политических наук, профессор Редакционная коллегия АВЦИНОВА Г.И. – доктор философских наук, профессор (Москва) БОЛЬШАКОВ А.Г. – доктор политических наук, профессор (Казань) БОРЩЕВСКИЙ Г.А. – доктор политических наук, профессор (Москва) БРОННИКОВ И.А. – кандидат политических наук, доцент (Москва) ВАТЫЛЬ В.Н. – доктор политических наук, профессор (Гродно) ГРИШИН О.Е. – кандидат политических наук, доцент (Москва) ГУСЕЛЕТОВ Б.П. – доктор политических наук, доцент (Москва). ИЛЬМЯРВ М. – доктор истории, PhD (Таллин) КАПИЦЫН В.М. – доктор политических наук, профессор (Москва) КЕРЯН Г.М. – доктор политических наук, профессор (Ереван) КОЗЛОВА Н.Н. – доктор политических наук, профессор (Тверь) КОРЯКОВЦЕВА О.А. – доктор политических наук, профессор (Ярославль) КУРИЛЛА И.И. – доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург) ЛЕДЯЕВ В.Г. – доктор философских наук, профессор (Москва), доктор политики, PhD (Манчестер)	ЛЕОНТЬЕВА О.В. – кандидат политических наук, доцент (Тирасполь) МИНЕЕВА Е.К. – доктор исторических наук, профессор (Чебоксары) НАСИМОВА Г.О. – доктор политических наук, профессор (Алматы) ОМЕЛЬЧЕНКО Н.А. – доктор исторических наук, профессор (Москва) ПАСТУХОВА Л.С. – доктор педагогических наук, кандидат политических наук, доцент (Москва) ПРОРОК В. – доктор философии, PhD (Прага) РЯБОВА Т.Б. – доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург) САМАРКИНА И.В. – доктор политических наук, профессор (Краснодар) СЕРГЕВНИН В.А. – PhD, доктор юриспруденции (Макомб) СОКОЛОВ А.В. – доктор политических наук, доцент (Ярославль) ТУРОВСКИЙ Р.Ф. – доктор политических наук, профессор (Москва) ХОРИНА Г.П. – доктор философских наук, профессор (Москва) ЧЕРНЫШОВ Ю.Г. – доктор исторических наук, профессор (Барнаул) ШИРОКОВ О.Н. – доктор исторических наук, профессор (Чебоксары) ЮРЧЕНКО С.В. – доктор политических наук, профессор, (Симферополь)

Editor in Chief SHUMILOV Andrei Executive Secretary NIKIFOROVA Irina Translate ORLOVA Elena Design PAVLUNIN Dmitriy Publisher Institute of Social and Political Sciences	Co-Editor SKOVIKOV Alexey Editors ALEKSEEV Sergey ARUTYUNOV Anton BURDA Mihail EFREMOV Oleg KASIMOV Evgeniy SHEVCHENKO Ekaterina
Chairman of the Editorial board SAMARKINA Irina Prof. Editorial Board AVTSINOVA Galina Prof. (Moscow) BOLSHAKOV Andrey Prof. (Kazan) BORSHCHEVSKY Georgiy Prof. (Moscow) BRONNIKOV Ivan Assoc. Prof. (Moscow) VATYL Viktor Prof. (Grodno) GRISHIN Oleg Assoc. Prof. (Moscow) GUSELETOV Boris Assoc. Prof. (Moscow) ILMJARV Magnus PhD (Tallinn) HORINA Galina Prof. (Moscow) KAPITSYN Vladimir Prof. (Moscow) KERYAN Garik Prof. (Yerevan) KORYAKOVTSOVA Olga Prof. (Yaroslavl) KOZLOVA Natalia Prof. (Tver) KURILLA Ivan Prof. (Saint-Petersburg) LEONTEVA Olga Assoc. Prof. (Tiraspol)	LEDYAEV Valeriy Ph.D. (Manchester), Prof. (Moscow) MINEEVA Elena Prof. (Cheboksary) NASIMOVA Gulnar Prof. (Almaty) OMELCHENKO Nikolay Prof. (Moscow) PASTUHOVA Larisa Assoc. Prof. (Moscow) PROROK Vladimir. PhD (Prague) RIABOVA Tatiana Prof. (Saint Petersburg) SERGEVNIN Vladimir Prof. (Macomb) SHIROKOV Oleg Prof. (Cheboksary) SAMARKINA Irina Prof. (Krasnodar) SOKOLOV Aleksander Assoc. Prof. (Yaroslavl) TUROVSKY Rostislav Prof. (Moscow) CHERNYSHOV Yriy Prof. (Barnaul) YURCHENKO Sergey Prof. (Simferopol)

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И МОЛОДЕЖЬ

И.В. Самаркина, А.Б. Сазантович, Т.Т. Гогишвили МОЛОДЕЖЬ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕССОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ И РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ	6
О.А. Коряковцева КТО НУЖЕН РОССИИ: «МОЛОДАЯ ЭЛИТА» ИЛИ СОЦИАЛЬНО АКТИВНЫЙ ГРАЖДАНИН?	27
Г.П. Щедрова КОНСТРУИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ РОССИИ	42
И.В. Юрченко, В.М. Юрченко, М.В. Донцова ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ	54
В.В. Стомин ОБРАЗ БУДУЩЕГО МОСКВЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ	72
А.А. Атаманенко КОМИКС КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ О БУДУЩЕМ	98
И.Е. Майоров ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИМИДЖА РОССИИ ЧЕРЕЗ СТУДЕНТОВ РКИ В ГЕРМАНИИ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	109

СТАТЬИ

Л.Я. Прокопенко

ГЕНДЕРНЫЙ ПАРИТЕТ В ПОЛИТИКЕ В РУАНДЕ:
ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОТИВОРЕЧИЯ, РОЛЬ КВОТ

134

В.А. Васильева, М.А. Кашина, С. Ткач

ПОВЫШЕНИЕ ЗНАЧИМОСТИ ОТЦОВСКОЙ РОЛИ КАК НЕДООЦЕНЕННЫЙ
РЕСУРС РЕГИОНАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ
ДЕПОПУЛЯЦИИ

153

С.В. Рогачев

РОССИЯ – ЦИВИЛИЗАЦИЯ: УПРЕЖДЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РИСКОВ
СТАНОВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗЛОМА

181

Наши авторы

196

The contents

В журнале отражены личные взгляды авторов,
которые могут не совпадать с позицией редакции журнала «PolitBook».

ТЕМА НОМЕРА

**И.В. Самаркина,
А.Б. Сазантович,
Т.Т. Гогишвили**

**I. Samarkina,
A. Sazantovich,
T. Gogishvili**

МОЛОДЕЖЬ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕССОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ И РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ

YOUTH IN A TRANSFORMING POLITICAL SPACE: A RETROSPECTIVE ANALYSIS OF THE PROCESSES OF POLITICAL SOCIALIZATION AND RESOCIALIZATION

Аннотация

В статье представлены результаты исследования условий и факторов устойчивости политической картины мира молодежи, оказавшейся в ситуации кардинальной трансформации политического пространства. Авторы на основании анализа автобиографических интервью ищут ответ на исследовательский вопрос: что именно обусловило устойчивость базовых компонентов политической картины мира взрослых, сформированных в детском и подростковом возрасте?

Концептуальная модель исследования построена на основе политико-психологического, идентитарного и пространственного подходов, интеграция которых дает аналитический инструментарий для осмысления процессов формирования политической картины мира в процессе политической социализации, становления гражданской идентичности и трансформации этих представлений в условиях изменения политического пространства.

Эмпирическую базу исследования составили 30 глубинных автобиографических интервью с гражданами РФ, получившими российское гражданство после 2014 года, проживающих на территории субъектов, вошедших в состав России

Abstract

The article presents the results of a study of the conditions and factors of stability of the political worldview of young people who find themselves in a situation of radical transformation of the political space. Based on the study of autobiographical interviews, the authors are looking for an answer to the research question: what exactly caused the stability of the basic components of the political worldview of adults formed in childhood and adolescence?

The conceptual model of the study is based on political-psychological, identitarian and spatial approaches, the integration of which provides analytical tools for understanding the processes of forming a political picture of the world in the process of political socialization, the formation of civic identity and the transformation of these ideas in the context of changing political space.

The empirical basis of the study consisted of 30 in-depth autobiographical interviews with citizens of the Russian Federation who obtained Russian citizenship after 2014, living in the territories of subjects that became part of Russia after 2014, collected as part of the state task "Strategies and practices of political resocialization of new citizens in the con-

после 2014 года, собранных в рамках выполнения государственного задания «Стратегии и практики политической ресоциализации новых граждан в условиях расширения политического пространства РФ» (2024, конкурс ЭИСИ, Министерства образования и науки РФ в рамках государственного задания FZEN-2024-0013).

Авторами определены три траектории изменения политической картины мира: цикличная политическая ресоциализация, линейная политическая ресоциализация, политическая адаптация без политической ресоциализации. На основе ретроспективного анализа, определены факторы, которые способствовали сохранению устойчивости сформированной в детстве гражданской идентичности в траектории политической адаптации: институциональный, психологический и деятельностный.

Осмысление уникального опыта социализации, ресоциализации и адаптации людей к динамичным изменениям политического пространства дает ключ к пониманию содержания и технологий работы с российской современной молодежью в широком спектре политик: образовательной, семейной, молодежной.

Ключевые слова:

политическая ресоциализация, политическая социализация, политическая адаптация, политическая картина мира, гражданская идентичность, молодежь, новые граждане Российской Федерации.

text of the expansion of the political space of the Russian Federation" (2024, EISI competition, Ministries education and Science of the Russian Federation within the framework of the state assignment FZEN-2024-0013).

The authors have identified three trajectories of changing the political picture of the world: cyclical political resocialization, linear political resocialization, and political adaptation without political resocialization. Based on a retrospective analysis, the following factors were identified that contributed to maintaining the stability of the civic identity formed in childhood in the trajectory of political adaptation: institutional, psychological and activity.

Understanding the unique experience of socialization, resocialization and adaptation of people to the dynamic changes of the political space provides the key to understanding the content and technologies of working with Russian modern youth in a wide range of policies: educational, family, youth.

Key words:

political resocialization, political socialization, political adaptation, political worldview, civic identity, youth, new citizens of the Russian Federation.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-2-6-26>

Исследование выполнено в рамках исследовательского проекта «Стратегии и практики политической ресоциализации новых граждан в условиях расширения политического пространства РФ» (2024, конкурс Экспертного института социальных исследований в сфере общественно-политических наук, Министерства образования и науки РФ, Российской академии наук) в рамках государственного задания FZEN-2024-0013.

Поиск оснований устойчивости личности и сообществ в ускоряющемся, динамичном, трансформирующемся мире сегодня является одним из ключевых вопросов политики и одной из ключевых тем научного дискурса.

Для современного российского общества, которое в последнее десятилетие мобилизовано в поисках ответов на внешние и внутренние вызовы и переживает процессы значительной ценностной трансформации это особенно актуально. В контексте всей внутренней политики, но в особенности от-

носителю работы с молодежью, поиск устойчивых оснований идентичности, в особенности – гражданской идентичности, видится сверхактуальной задачей: «Конечно, страна будет меняться, и люди будут меняться, но сохранение идентичности лежит в основе будущего страны»¹.

В отечественной политической науке в последние несколько десятилетий произошло формирование оригинальной научной школы идентитарных исследований и утверждение данного научного направления в качестве самостоятельной субдисциплины политической науки, которая имеет огромное практическое значение: «Политическое значение идентитарных изысканий состоит в обосновании необходимости переориентации современного мышления как преимущественно потребительского на императивы политики ответственного развития, опорой которого выступает позитивная идентичность» (Гаман-Голутвина, 2024).

Как найти основания устойчивости в трансформирующемся мире? Поиск ответа на этот вопрос, в том числе, лежит в исследованиях процессов, происходящих в микромире человека, который оказался в центре политической (институциональной, ценностной) турбулентности. В последний раз столь масштабные геополитические и внутриполитические трансформации и их отражение в политической картине мира граждан российские ученые имели возможность исследовать в конце XX века, в период постсоветских трансформаций, и этот опыт отражен в серии интересных научных публикаций (Шестопад, 2005; Зверев; Селезнева, 2008). Вместе с тем, нынешняя ситуация, с учетом изменившихся геополитических и внутриполитических факторов, стала причиной иной по траектории ценностной динамики общества и имеет существенно иной масштаб и вектор.

Указанная проблема имеет и очень конкретный практический аспект, поскольку требует очень взвешенного, дифференцированного и сбалансированного подхода к выбору и проектированию технологий конструирования и реализации целого спектра политик: от образовательной политики, в фокусе которой находятся дети и молодежь, социальной политики и политики идентичности, в фокусе которых находятся все группы населения, до инфраструктурной политики и подготовки кадров для работы в системе управления российского общества.

¹ Стенограмма совещания Президента РФ с членами Правительства РФ. 4 апреля 2024 года (2024). URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-soveschaniya-vladimira-putina-s-chlenami-pravitelstva-04-04-2024.html>.

Таким образом, социальная проблема, лежащая в основе исследования, состоит в необходимости формирования устойчивых оснований гражданской идентичности молодежи в условиях динамичных социально-политических трансформаций политического пространства РФ, многоуровневых и многовекторных процессов политической социализации и политической ресоциализации. Научная проблема, лежащая в основе исследования, состоит в необходимости разработки объяснительной модели трансформации политической картины мира личности в трансформирующемся социуме.

Степень изученности проблемы в научной литературе. В отечественной и зарубежной науке сложился существенный пул исследований, в фокусе которых находится человек, его политические представления и их динамика под влиянием внутренних и внешних факторов.

Не углубляясь существенно, отметим отдельно исследования политической социализации, традиция которых сложилась и продолжает развиваться с 1960-х гг. по настоящее время (Шестопал, 2000; Головин, 2004; Щербинин, 2009; Самаркина, Башмаков, Кузьменко, 2024). Современные исследователи процессов политической социализации продолжают традицию ее теоретического осмысления (Смирнов, 2020; Федоров, 2018; Морозов, 2022); рассматривают политическую социализацию в контексте глобальных социальных процессов (Шевченко, 2017; Лебедев, 2023; Тихомиров, Смирнова, 2021; Ефимова, 2016). В фокусе актуальных исследований политической социализации находится молодежь и формирование ее гражданской идентичности (Селезнева, Азарнова, 2020; Шестопал, 2013; Ядова, 2020; Самаркина, Башмаков, 2021).

Анализ научного дискурса по тематике ресоциализации позволяет выделить несколько ключевых исследовательских сюжетов, отражающих специфику и многоплановость происходящих процессов. Современные исследования ресоциализации в поле социальных наук сегодня ориентированы на интегративный подход, соединяющий объективные и субъективные факторы (Лемищак, 2014). Психологический аспект процессов ресоциализации исследуется как реакция приспособления личности к новым условиям существования, выстраивания взаимоотношений с социальной средой и адаптации к ней с позиции психофизиологических параметров (Реан, Кудашев, Баранов, 2006).

Отечественные исследования политической ресоциализации ориентированы в первую очередь на осмысление процессов в постсоветской России

(Бродовская, 2012; Милорава, 2017), в самом масштабном из них показано как граждане усваивали новые ценностные ориентации и образцы поведения, адаптировались к социокультурным, экономическим и политическим изменениям в обществе, предлагавшем новый контекст развития (Шестопа, 2005). Теоретико-методологические основы исследования феномена политической ресоциализации и подходы к ее содержательному изучению систематизированы И.В. Самаркиной (Самаркина, 2006).

Сложился пул исследований различных аспектов политической картины мира, ее содержания и трансформации в новых геополитических условиях (Колосов, Бородулина, Вендина и др., 2003; Замятин, 1998; Тульчинский, 2023; Фельдман, 2013; Щербинин, 2000).

Таким образом в политической науке и смежных социально-гуманитарных дисциплинах сложился пул исследований, в фокусе которых находятся политико-психологические аспекты бытия человека и сообщества в условиях трансформации политического пространства. Однако, во всем этом многообразии существует необходимость системного анализа условий и факторов, определяющих устойчивость политических представлений в текущей реальности.

Методология и методы исследования. Исследование политической картины мира и факторов, определяющих ее устойчивость в контексте трансформирующегося политического пространства, требует интеграции нескольких методологических подходов.

Политико-психологический подход (Э. Эрикссон, Р. Харре, Е.Б. Шестопа, А.В. Селезнёва, Т.В. Евгеньева, А.Л. Зверев, Т.Н. Пищева и др.) в контексте исследования необходим для осмысления содержания, результатов, институтов, технологий и факторов политической социализации и ресоциализации. Аналитический и эмпирический инструментарий политико-психологического подхода позволяет выявить структуру и осмыслить содержание политической картины мира (Самаркина, 2017) взрослых граждан РФ, составляющей когнитивное ядро формирования гражданской идентичности. Важной концептуальной позицией этой теоретической модели является структурирование образов политической картины мира на уровни, последовательно формирующиеся в процессах первичной и вторичной политической социализации: образы и представления о Родине, государстве, власти (формирующиеся в процессах первичной политической социализации) составляют ядро политической картины мира.

В этом контексте важным слагаемым концептуальной модели является также идентитарный подход, который позволяет держать исследовательский фокус на главном результате процессов социализации и ресоциализации – формировании гражданской идентичности. Идентитарный подход содержательно определяет концепт гражданской идентичности и его взаимосвязи с национальной, региональной (субнациональной) и этнической идентичностями в контексте политических процессов. В интерпретации авторов исследования гражданская идентичность состоит в самоидентификации индивидов с ценностями своей страны, политической культурой макросообщества. В основе гражданской идентичности находится усвоение человеком ценностей конструктивного участия в социальных взаимодействиях, демократических свобод и политической гражданской солидарности (Д. Харт, К. Ричардсон, Б. Вилкенфелд, Л.М. Дробижева, В.А. Тишков, И.С. Семененко). Гражданская идентичность охватывает собой не только политическую, но и этническую, и эмоциональную составляющие; формируется в результате процессов целенаправленной социализации и ресоциализации индивидов, а не только их стихийного жизненного опыта.

Еще одним компонентом концептуальной модели исследования процессов политической ресоциализации является пространственный подход как методология анализа, позволяющая учитывать процессы трансформации политического пространства как значимый контекст актуальных социально-политических процессов. В исследовании мы описаемся на интерпретацию политического пространства как «поля политики» (П. Бурдьё), фиксирующего дистанции и различия в поле политических отношений.

Для исследования политико-психологического контекста расширения политического пространства важна также интерпретация последнего как пространства интерсубъективного (А. Шюц), то есть существующего только благодаря способности людей формировать общую картину мира как в объективной реальности, так и в субъективном пространстве политики. В этой связи важно отметить, что способом существования интерсубъективного по своей природе политического пространства является коммуникация, а его содержание определяется совокупностью символов, его составляющих, маркирующих пространство и указывающих участникам место в политической иерархии.

Изменения политического пространства (например, его расширение, трансформация) требуют специального процесса «обучения» ориентации в

политическом пространстве не только для новых поколений участников политической жизни (молодой когорты), но и для всех «взрослых поколений», поскольку локализация индивида в политическом пространстве связана с формированием когнитивных конструкций (мы/они), то есть формированием картины мира и идентичности и необходимостью адаптации этих конструкций в связи с изменениями всего мира политики.

В авторской интерпретации политическая ресоциализация трактуется как процесс изменения ядра (представлений о Родине, государстве и власти) и базовых (ключевые когнитивные, аффективные и поведенческие установки относительно политической системы), формирующихся в процессах первичной политической социализации, компонентов политической картины мира под влиянием многоуровневой системы факторов и институтов; а политическая адаптация – как процесс политической социализации во взрослом возрасте, корректирующий содержание политической картины мира в соответствии с изменениями, происходящими в окружающем политическом пространстве, но не затрагивающий содержание ядра политической картины мира.

Цель исследования – выявление факторов, которые определяют устойчивость политических представлений молодежи, сформированных в процессе первичной политической социализации.

Эмпирическую базу исследования составили 30 глубинных автобиографических интервью с гражданами РФ, получившими российское гражданство после 2014 года, проживающих на территории субъектов, вошедших в состав России после 2014 года, собранных в рамках выполнения государственного задания «Стратегии и практики политической ресоциализации новых граждан в условиях расширения политического пространства РФ» (2024, конкурс Экспертного института социальных исследований в сфере общественно-политических наук, Министерства образования и науки РФ, Российской академии наук в рамках государственного задания FZEN-2024-0013).

Исследование содержания и трансформаций политической картины мира представителей нескольких поколений граждан, жизненные траектории которых разворачивались в ситуации трансформаций политического пространства (после распада СССР в 1991 году, в процессе воссоединения Крыма и Севастополя с Россией в 2014 году, вхождения новых регионов в состав России в 2022 году) дает основания для осмысления факторов, которые определяют устойчивость политических представлений и ценностей,

устойчивость политической картины мира, сформированной в процессе первичной политической социализации.

В 2024 году нами было проведено исследование процессов политической ресоциализации взрослых, принявших гражданство России после 2014 года методом глубинного автобиографического интервью. Анализ транскриптов интервью позволил выделить, как минимум, три основные траектории изменения политической картины мира новых граждан России, демонстрирующие разные типы политико-психологических, основным критерием дифференциации этих траекторий был определён характер изменений представлений о Родине, своей стране, своем государстве, власти, составляющие ядро политической картины мира, сформированных в период первичной социализации: цикличная ресоциализация, линейная ресоциализация и политическая адаптация (социализация).

Траектории трансформации политической картины мира новых граждан России

Первая траектория характеризуется поэтапным изменением представлений и образов, которые составляют ядро политической картины, в первую очередь представлений о своей стране (СССР – Украина – Россия) и метафорично описывается участниками исследования как возвращение в свою страну. Эту траекторию изменения политической картины мира демонстрируют информанты, период первичной социализации которых приходился на последние десятилетия существования советской политической системы (1960-е – 1980-е гг.): *«Родилась я, и молодость моя прошла в Советском Союзе, а потом у нас родилась независимая Украина»* (женщина, 1965 г.р., Антрацит, ЛНР). Своей страной в настоящее время представители этого поколения считают Россию (как реинкарнацию СССР): *«в реку два раза не войти и Советский Союз больше не наступит, конечно... но теперь есть уверенность в защищенности, которая была тогда, в СССР и будет теперь, в России»* (женщина, 1965 г.р., Антрацит, ЛНР).

На протяжении жизненной траектории этого поколения выявлены как минимум три этапа существенных изменений политической картины мира, касающихся содержания идентитарного ядра (представлений о Родине, власти, государстве): постсоветский (после 1991 года): *«Гласность и перестройка нас всех шокировала»* (женщина, 1972 г.р., Донецк); этап «оранжевых» трансформаций (первое десятилетие 2000-х гг.) и современный этап (в

зависимости от региона проживания – 2014, 2022): *«Я ухитрилась быть гражданином четырех государств не сходя с места. Я счастлива, что теперь я в России»* (женщина, 1965 г.р., Антрацит, ЛНР).

Эту траекторию трансформации политической картины мира мы определяем как цикличную политическую ресоциализацию, в результате которой происходило неоднократное изменение представлений о своей стране, власти и государстве, в процессе которого нынешняя конструкция ядра политической картины мира устойчива, характеризуется возвращением к представлениям о своей стране, власти и государстве, сформированным на первичном этапе политической социализации с рефлексией актуального политического контекста.

Вторая траектория трансформации политической картины мира описывает процесс линейной политической ресоциализации, характеризуется однократным изменением представлений о своей стране (была Украина – стала Россия) и метафорично описывается как принятие другой страны как своей. Эту траекторию трансформации политической картины мира демонстрируют участники исследования, первичная политическая социализация которых пришлось на 1990-е гг. или самое начало 2000-х. Информанты, представляющие это поколение новых граждан России, в детстве своей страной (Родиной) считали Украину: *«Своей страной в детстве считала Украину, точнее – Крым, он ведь был автономной республикой при Украине. Я до сих пор люблю украинский язык, для меня это язык милозвучный, на нем говорят мои бабушка и дедушка, на нем прошло все мое детство»* (женщина, 1992 г.р., Крым).

Многие представители этого поколения рассматривали и даже активно готовились к смене гражданства, при этом ориентировались на Европу: *«Я готовила себя к тому, что уеду в Европу, как многие мои ровесники...хотела поменять страну...»* (женщина, 1986 г.р., Мариуполь).

Ключевым событием, которое стало катализатором значимых изменений в уже сформированной политической картине мира, большинство информантов этого поколения новых граждан России считают события 2014 года, которые коснулись каждого из них: *«Я сидела в подвале и молилась, папа с мужем были на работе, а над головой летели ракеты, грады и было очень страшно. Это было 8 августа, а 10 у меня день рождения... я рыдала и думала, что не доживу и не понимала, в чем же мы виноваты, почему они решили нас убить?»* (женщина, 1995 г.р., Луганск); *«решение сменить гражданство было принято в 2014 году, когда украинская власть решила нас об-*

тянуть колючей проволокой и сказала, что мы никчемные алкоголики, а дети наши должны сидеть в подвалах» (женщина, 1989 г.р., ЛНР).

Эту траекторию трансформации политической картины мира мы определяем как линейную политическую ресоциализацию, в результате которой произошло значимое изменение представлений о своей стране, власти и государстве, а сложившуюся нынешнюю конструкцию ядра политической картины мира можно охарактеризовать как неустойчивую, формирующуюся, характеризующуюся кардинальной трансформацией представлений о своей стране, власти и государстве, сформированных на первичном этапе политической социализации с рефлексией актуального политического контекста.

Третья траектория описывает процесс усложнения политической картины мира, который не затрагивает содержания представлений составляющих идентитарное ядро (своя страна – СССР и Россия как его преемница), то есть процесс политической адаптации к изменяющейся политической системе, трансформации политического пространства в рамках вторичной политической социализации во взрослом возрасте.

Масштаб и характер исследований, которые проводились и проводятся в настоящее время по этой тематике, пока не позволяют оценить масштаб представленности этих траекторий среди граждан новых территорий. Вместе с тем, наше исследование показывает, что устойчивость политической картины мира не является поколенческой характеристикой, эта траектория представлена в жизненных историях участников разных поколений: как старшего (1960-1970-х гг. рождения): *«Моя страна осталась там, в 1991 году, а ее преемницей стала Россия» (мужчина, 1970 г.р., Херсон)* так и более молодого (1980-1990-х гг. рождения): *«мы все эти годы жили на территории не нашего государства, но имели по странности, его паспорт» (женщина, 1987 г.р., Луганск).*

В нашем исследовании не ставилась задача выявления количественной представленности, масштабов проявления разных траекторий трансформации политической картины мира. Вместе с тем можно сделать вывод о том, что сохранение устойчивой конструкции идентитарного ядра политической картины мира на протяжении всей жизни в условиях многократного, противоречивого, иногда полярного изменения политического контекста и содержательной конструкции политической системы, не является единичным примером или случайностью. Очевидно, что мы имеем дело с одной из типичных, но массово не распространенных траекторий трансформации индиви-

дуального субъективного пространства политики, которая крайне интересна и дает возможность выявить факторы, которые способствуют формированию устойчивых представлений ядра политической картины мира, то есть оснований гражданской идентичности. Эта исследовательская задача очень важна в контексте процессов динамично изменяющегося политического пространства, прежде всего для того, чтобы понимать механизмы и технологии, которые обуславливают устойчивость сформированных в период первичной политической социализации представлений (прежде всего о своей стране, о Родине), составляющих фундамент политической картины мира.

Анализ транскриптов глубинных интервью информантов, демонстрирующих эту траекторию, позволил выявить ряд факторов, которые сформировали устойчивость политической картины мира молодежи несмотря на мощное влияние факторов внешней среды, связанных с трансформацией окружающего политического пространства.

Семья как пространство межпоколенческой коммуникации и рефлексии

Семья, как известно, является ключевым институтом политической социализации, выполняя функции обеспечения безопасности (физической и психологической), и таким образом, косвенно влияя на восприятие всего окружающего мира, в том числе политики, а также выполняя функцию трансляции и интерпретации информации о мире политики. Участники исследования описывают свое детство в семье как счастливое, заложившее основные человеческие и политические ценности на всю оставшуюся жизнь: *«У нас было счастливое детство, было построено на прямом общении между старшим и младшим поколением, мы крутились вокруг своих родителей, нам было все интересно... если родители брали тебя на работу, это был праздник... Детство было абсолютно связано с политическим строем нашей страны ...»* (мужчина, 1970 г.р., Херсон).

Родители и другие старшие члены семьи были в детстве авторитетом: *«Мой отец – это человек, который дал мне своей жизнью, своим образом мышления, тот стержень, который есть во мне сейчас»* (мужчина, 1972 г.р., Мариуполь) и именно они были значимыми агентами формирования таких представлений о своей стране (даже у поколения, которое Советский Союз не застало): *«Большое влияние оказали бабушки и дедушки, которые рассказывали и очень сильно погружали в эпоху Советского Союза, где никогда*

не выделяли какие-то республики как хорошие или плохие и не выделяли како-то язык как хороший или плохой... Мы разные – и в этом наша сила, вот о чем они нам рассказывали... Конечно, это кардинально отличалось от ценностей, которые стали потом транслироваться украинскими властями...» (женщина, 1987 г.р., Луганск).

Тесный контакт и влияние самого старшего живущего поколения (бабушек и дедушек, иногда прабабушек) значимо придает устойчивость и стройность модели социализации в семье: *«сначала волей – неволей, а потом уже более осознанно, слушали бабушек и дедушек, их оценки происходящего, а дедушки наши были в основном участниками Великой Отечественной войны, это люди, которые могли судить о происходящем в мире совсем под другим углом, более широким и специфичным... если они, например, говорили о том, что же себе позволяют эти немцы уже в обновленной Германии, то к этому нужно было прислушаться...» (мужчина, 1970 г.р., Херсон)*

Очень важными для формирования устойчивых представлений в период первичной политической социализации оказались практики семейной рефлексии происходящих событий, эмоциональная поддержка семьи в период сложных и травматичных политических трансформаций: *«Тотальная украинизация и навязывание всего украинского было неприемлемо для нас и очень сильно ущемляло нас в правах... в семье это обсуждалось... когда это началось, я помню, мама нам, совсем еще молодым, говорила: «Читайте и переводите документы», потому что на уровне разговорного языка мы украинский знали и понимали, а язык документов более сложный, в нем трудно понять и не потерять смыслы... да, с этим было много трудностей, которые мы в семье обсуждали... еще и потому, что терять родной язык, на котором семья говорила испокон веков не хотелось... а потом пришла оранжевая революция с Ющенко, и это конечно тоже обсуждали в семье» (женщина, 1989 г.р., Донецк).*

Субъектность агентов первичной социализации как фактор формирования устойчивости политической картины мира молодежи

Важным паттерном поведения взрослых (как агентов политической социализации) в семье была их субъектная позиция как в трансляции информации: *«Папа всегда держал нас в курсе новостей, смотрел все передачи политические, обсуждал с нами... мне в силу возраста это было не очень интересно, но общую канву того, что происходит в государстве, мы знали...» (женщина, 1987 г.р., Луганск),* так и в реальных политических действиях: *«Родители,*

бабушка и дедушка всегда посещали все выборы, активно участвовали, ничего не пропускали... Это была обязательная история для нашей семьи, никто и никогда не думал отказываться» (женщина, 1989 г.р., Донецк).

Высокая степень агентности в условиях первичной политической социализации в семье определялась с одной стороны, устойчивыми представлениями взрослых, с другой стороны, тесным эмоциональным контактом в семьях, и с третьей, субъектностью и демонстрацией основанных на ценностях установок и моделей общественного, в том числе, политического поведения: *«Эффективное воспитание, в том числе и политическое, это то, которое ребенок видит своими глазами, та логика и тот ход мыслей, которые применяют люди, которые живут в непосредственной близости от юной личности. Поэтому, я считаю, нужно бороться за полноценную семью... в ней вырастают полноценные граждане...» (мужчина, 1970 г.р., Херсон)*

Очень важно, что эта модель формирует механизм преемственности и трансляции такого же агентного поведения теперь уже взрослых людей в собственной семье, следующему поколению: *«Ребенка с самого раннего детства вожу на выборы. Он был с нами на референдуме в 2014 году, совсем маленьким еще, меньше года... бабушка тогда переживала, говорила: «Зачем? Ведь опасно там, могут быть провокации...», но я считала, что в этот исторический момент для нас, для Крыма, для России, мы все должны быть вместе и он должен быть с нами)» (женщина, 1987 г.р., Луганск); «Сыну сейчас 11 лет, он уроженец Крыма... Не могу сказать, что он сильно вовлечен в политическую жизнь... но он знает об устройстве нашего государства, про три ветви власти, про президента... как сувенир после смены в лагере с гордостью привез домой бюст Путина! Мы в семье и новости обсуждаем с мужем, смотрим новости, понятное дело... СВО в семье обсуждаем, у нас парни из семьи там служат, конечно, звонят, приезжают, эту тему и все что с ней связано в семье мы обсуждаем...» (женщина, 1989 г.р., Донецк)*

Группа сверстников в подростковом возрасте выступала ключевым институтом политической социализации, транслирующим конгруэнтные семье ценности, нормы в непосредственном личностном взаимодействии: *«В моем детстве было четко понятно, что, выходя на улицу надо уважать своих товарищей, нельзя грубить, обижать, потому что просто дадут в морду, так мы учились взвешивать свои слова и отвечать за свои поступки...» (мужчина, 1970 г.р., Херсон)*

Практики подкрепления субъектной позиции молодежи в рамках институтов политической социализации как фактор, влияющий на устойчивость политической картины мира

Участники исследования, демонстрирующие модель устойчивой политической картины мира, как уже отмечалось выше, являются представителями разных поколений, соответственно, школьный период политической социализации у них протекал в принципиально разных условиях: для одних в советской школе, для других – в украинской, которые транслировали очень разный, а иногда и противоположный социализирующий контент.

Вместе с тем, в воспоминаниях участников исследования общим, независимо от возраста и содержания транслируемого в школе контента является их собственная субъектная, деятельная позиция, которая проявлялась в формах, соответствующих возрасту: *«Я была общественником в хорошем смысле этого слова. Мне было важно, что происходит на моей улице, в моем городе... если есть возможность, организовать какую-то акцию – делала: высаживали березы, деревья, цветы...хотелось, чтобы в моем городе был порядок, чистота, чтобы нам же было хорошо проводить время, гулять, любоваться ... »* (женщина, 1987 г.р., Луганск), а также деятельность, в основе которой лежали ценности, сформированный в семье: *«Мы делали много интересных проектов в городе... Мы помогали ветеранам, в то время были живы еще много ветеранов, за каждым классом был закреплен ветеран. И герои наши – шахтеры, поэтому мы тоже помогали им и чествовали ветеранов шахтерского дела. Мальчишки косили траву, готовили дрова на зиму, топили печи. Девчонки помогали с уборкой в комнатах, готовили еду»* (женщина, 1989 г.р., Донецк).

Институциональные форматы, которые объединяли подростков, были разные. Для старшего поколения это был формат трех ступеней детских и молодежных общественных организаций коммунистической направленности: *«Я был октябренком сначала, это такая детская организация с политической основой. Следующей ступенькой была пионерская организация, потом Комсомол, Коммунистический союз молодежи... для каждой организации предполагался свой уровень политических знаний, истории, внутренней политики государства, ценностей и активности – участие в политинформациях, праздниках, митингах... А потом (уже во взрослом возрасте) – вступление в Коммунистическую партию, но это был путь для самых достойных и активных людей»* (мужчина, 1970 г.р., Херсон); для следующего поколения, это были

форматы школьного самоуправления: «я была президентом школы, мы много чего делали ...», творческих коллективов: «многие из нашего класса входили в состав городского коллектива «Капельки», мы часто выступали в городе, представляли город и даже область на разных конкурсах и фестивалях, и конечно, всегда участвовали в значимых для города событиях, например, в Дне шахтера (последнее воскресенье августа) – всегда было много активностей для молодежи, а вечером – большой городской концерт» (женщина, 1987 г.р., Луганск).

Информанты отмечают, что уже в возрасте 18-20 лет имели стройные, внутренне не противоречивые представления о политике, и, главное, способность критически анализировать, рефлексировать события, которые происходили: «Когда в 1991 году мы полунасиленным путем были переданы Украине, у меня было ощущение, что что-то пошло не так. Но я не мог тогда понять, что и насколько. То есть я понимал, что мы чего-то серьезного лишились, хотя еще по инерции у нас оставались прозрачные границы внутри бывшего Советского Союза. Но при этом мы уже ощущали, как подняли головы националисты всех мастей ... Было ощущение какой-то пустоты, потери... когда ты стараешься не думать, не чувствовать, потому что, если анализировать, понимаешь, что перспективы никакой нет» (мужчина, 1970 г.р., Херсон), и были способны активно отстаивать свою позицию: «Я помню к нам приходили в вуз представители всех политических сил: и голубых Януковича, и оранжевых. И те и другие предлагали студентам апельсины, деньги, плюшки разные, просто чтобы мы вышли на митинги и постояли. Для нас это было смешно и дико, никто не соглашался. Но потом мне многие рассказывали, что для студентов это была просто форма заработка» (женщина, 1989 г.р., Донецк).

Профессиональная деятельность и жизненная траектория всех участников исследования во взрослом возрасте характеризуется их активной включенностью в общественные и политические практики: «в 2022 году, когда все произошло (русская армия вошла в Херсон), как только ситуация в городе стабилизировалась, я собрался, подошел к военнослужащим на блокпосту, мне помогли найти комендатуру, я туда пошел и решительно заявил, что хочу и могу помогать становлению русской власти на Херсонской земле... создали общественный совет при военно-гражданской администрации Херсонской области, работаем...сейчас занимаемся работой Общественной палаты области... а живу – в пункте временного размещения вместе

с эвакуированными, потому что мой дом пока остался на том берегу...» (мужчина, 1970 г.р., Херсон)

Несмотря на то, что информанты, рефлексирова свой жизненный путь, говорят о том, что их представления о мире, политике претерпевали изменения, ключевые, значимые для формирования гражданской идентичности представления остались неизменными: *«Мы были маленькими гражданами большого советского государства, а теперь мы взрослые граждане великой России» (мужчина, 1970 г.р., Херсон), «крымчане и жители Донбасса при Украине жили автономно, мы всегда считали себя русскими и других вариантов не рассматривали» (женщина, 1987 г.р., Луганск), а сама идентичность по сути своей является инклюзивной: «на Донбассе никогда не было национальной линии: эти (национальности) поддерживаем, эти – нет, наоборот, воспитывали интернационализм – всем места хватит» (женщина, 1989 г.р., Донецк).*

Поведенческие установки взрослых, чья политическая картина мира оказалась устойчивой в ситуации геополитических трансформаций можно охарактеризовать как гражданско-активистские: *«мы – люди страны, мы влияем на нее и можем вносить коррективы, поправки, влиять на мнение других, высказывая свою точку зрения, свою позицию, свое отношение к событиям...» (женщина, 1987 г.р., Луганск); «если это правильная страна, то народ играет решающую роль» (мужчина, 1970 г.р., Херсон).*

Несмотря на разные поведенческие установки информантов во взрослом возрасте (политический деятель и нейтральный наблюдатель происходящих политических событий), когнитивные аспекты политической картины мира информантов можно охарактеризовать как глубокие и системные знания о политике, аффективные аспекты характеризуются высоким уровнем доверия к политическим институтам и политическим лидерам, признанием значимой роли как простых граждан, так и политических лидеров в политике, а ценностный спектр сконцентрирован на традиционных ценностях.

Смену гражданства (принятие российского гражданства) информанты оценивают эмоционально позитивно, но скорее как формальность, которая закрепила юридически их представления о том, что они (вслед за старшим поколением их близких) являются «гражданами большой великой страны».

Среди факторов, которые обусловили устойчивость политической картины мира к попыткам ее изменить в политической системе Украины информанты относят: авторитетное влияние семьи (нескольких старших поколе-

ний), которое проявлялось, в том числе, в том, что в семье обсуждались темы, связанные с политикой; сформированная еще в детстве активная субъектная позиция в общественно-политической жизни, лидерская включенность в общественные проекты в детстве и юношеском возрасте; влияние значимых институтов политической (служба в Советской Армии) и профессиональной (журналистская деятельность; педагогическая деятельность) социализации.

Субъективное пространство политики, то, что «происходит в головах у людей» является важной частью реальной политики. В настоящее время происходят важные трансформации этого пространства (и субъективного, и реального), понимание которых крайне необходимо, чтобы процесс трансформации и институционализации был относительно управляемым.

В рамках нашего исследования когорты взрослых выявлены три наблюдаемые сегодня траектории трансформации политической картины мира, две из которых – цикличная и линейная ресоциализация – отражают существенные изменения в политических представлениях и установках относительно политической системы; а одна является примером трансформации представлений, не затрагивающих идентитарное ядро политической картины мира. Следует отметить, что описанные траектории только в основных контурах и не исчерпывающе определяют направления трансформации политической картины мира людей, которые волею судьбы оказались в разломах политического и социокультурного пространства. В поле российских исследователей попали только те информанты, которые пожелали участвовать в исследовании (соответственно, не попали информанты – носители не конвенциональных относительно России, проукраинских установок). Продолжение исследований в этом направлении позволит более детально описать их спектр и дифференциацию.

Вместе с тем, проблематика политической ресоциализации и политической адаптации граждан касается не только взрослых и старшей молодежи новых территорий России, а выходит за пределы присоединенных территорий, поскольку развернувшиеся после 2014 (а в особенности – после 2022 года) события, в которые вовлечены многие российские семьи, являются значимым (зачастую, травматичным) фактором, влияющим на изменения установок относительно политической системы во взрослом возрасте.

Литература

Бродовская, Е. В. (2012). Влияние посткоммунистической трансформации системы идентичностей на процесс политической ресоциализации граждан: анализ базовых тенденций. *Ценности и смыслы*, 21(5), 37-50.

Гаман-Голутвина, О. В. (2024). Концепт идентичности: движение от абстрактного к конкретному. *Полис. Политические исследования*, 33(3), 177-191. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.03.12>.

Головин, Н. А. (2004). Теоретико-методологические основы исследования политической социализации. Издательство Санкт-Петербургского университета.

Ефимова, С. Д. (2016). Политическая социализация в условиях социального неравенства. СЧИ.

Замятин, Д. Н. (1998). Политико-географические образы и геополитические картины мира (Представление географических знаний в моделях политического мышления). *Полис. Политические исследования*, 48(6), 80-91.

Колосов, В. А., Бородулина, Н. А., Вендина, О. И., Галкина, Т. А., Заяц, Д. В., & Юр, Е. С. (2003). Геополитическая картина мира в средствах массовой информации. *Полис. Политические исследования*, (3), 33-49. <https://doi.org/10.17976/jpps/2003.03.04>.

Лебедев, М. А. (2023). Трансформации политической социализации в эпоху цифровизации. Сибирское отделение РАН.

Лемищак, Е. М. (2014). Интеграционный подход к определению термина «ресоциализация». *Балтийский гуманитарный журнал*, (2), 24-27.

Морозов, Д. И. (2022). Политическая культура как результат социализации: сравнительный анализ. ННГУ.

Реан, А. А., Кудашев, А. Р., & Баранов, А. А. (2006). Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика. Прайм-ЕВРОЗНАК.

Самаркина, И. В. (2006). Политическая ресоциализация: актуальный контекст исследования. *Южно-российский журнал социальных наук*, (4), 139-147.

Самаркина, И. В., & Башмаков, И. С. (2021). Локальная идентичность: механизмы конвертации в конструктивные социально-политические практики молодежи. *Полис. Политические исследования*, (2), 99-112. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.07>.

Самаркина, И. В., Башмаков, И. С., & Кузьменко, Н. П. (2024). Формирование гражданской идентичности в системе образовательной политики в условиях трансформации политического пространства. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*, 18(3), 133-143. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-03-133-143>.

Селезнева, А. В., & Азарнова, А. А. (2020). "Рождение гражданина": политико-психологический анализ гражданственности российских старшеклассников. *Полис. Политические исследования*, (5), 101-113. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.08>.

Смирнов, А. В. (2020). Политическая социализация в современном обществе: теоретические аспекты и практические результаты. Наука.

Тихомиров, А. Г., & Смирнова, Л. Р. (2021). Политическая социализация и межкультурная коммуникация: опыт России и зарубежья. МГИМО.

Тульчинский, Г. Л. (2023). Смысл власти и власть смысла: прагматическая социология политической власти и смыслообразования. *Полис. Политические исследования*, (6), 180-188. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.06.13>.

Федоров, С. Н. (2018). Социология политической социализации молодежи: вызовы времени. УралГУ.

Фельдман, О. (2013). Человеческое поведение и политика. *Полис. Политические исследования*, (6), 26-37.

Шевченко, Т. К. (2017). Механизмы политической социализации в условиях глобализации. *Дальний Восток*.

Шестопад, Е. Б. (2000). Психологический профиль российской политики 1990х. *Роспэн*.

Шестопад, Е. Б. (2005). Политическая социализация и ресоциализация в современной России. *Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз»*, (4), 48-69.

Шестопад, Е. Б. (2013). Введение в рубрику. Человеческое измерение политики. *Полис. Политические исследования*, (6), 6-8.

Шестопад, Е. Б., Зверев, А. Л., & Селезнева, А. В. (2008). Политическая социализация российских граждан в период трансформации. *Новый Хронограф*.

Щербинин, А. И. (2000). "Я русский бы выучил только за то..." (Изучение языка как средство конструирования картины тоталитарного мира в сознании советских школьников. *Полис. Политические исследования*, (1), 124-141.

Щербинин, А. И. (2009). Конструирование образа (на примере выстраивания концепта Родины). *АРТМАРКЕТИНГ*, 28(4), 19-27.

Ядова, М. А. (2020). Поколение миллениалов в российском обществе: в поисках другой молодежи. *Полис. Политические исследования*, (6), 181-188. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.14>.

References

Brodovskaya, E. V. (2012). Vliyaniye postkommunisticheskoy transformatsii sistemy identichnostey na protsess politicheskoy resotsializatsii grazhdan: analiz bazovykh tendentsiy [The influence of post-communist transformation of identity systems on the process of political resocialization of citizens: Analysis of basic trends]. *Tsennosti i smysly*, 21(5), 37-50.

Feldman, O. (2013). Chelovecheskoe povedenie i politika [Human behavior and politics]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 6, 26-37.

Fedorov, S. N. (2018). Sotsiologiya politicheskoy sotsializatsii molodezhi: vyzovy vremeni [Sociology of political socialization of youth: Challenges of the time]. *Uralskii gosudarstvennyi universitet*. (In Russ.)

Gaman-Golutvina, O. V. (2024). Kontsept identichnosti: dvizhenie ot abstraktnogo k konkretnomu [The concept of identity: Moving from abstract to concrete]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 33(3), 177-191. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.03.12> (In Russ.)

Golovin, N. A. (2004). *Teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovaniya politicheskoy sotsializatsii* [Theoretical and methodological foundations of political socialization research]. Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. (In Russ.)

Efimova, S. D. (2016). *Politicheskaya sotsializatsiya v usloviyakh sotsial'nogo neravenstva* [Political socialization in conditions of social inequality]. Severno-Kavkazskii institut. (In Russ.)

Zamyatin, D. N. (1998). *Politiko-geograficheskie obrazy i geopoliticheskie kartiny mira (Predstavlenie geograficheskikh znaniy v modelyakh politicheskogo myshleniya)* [Political-geographical images and geopolitical pictures of the world (Representation of geographical knowledge in models of political thinking)]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 48(6), 80-91. (In Russ.)

Kolosov, V. A., Borodulina, N. A., Vendina, O. I., Galkina, T. A., Zayats, D. V., & Yur, E. S. (2003). *Geopoliticheskaya kartina mira v sredstvakh massovoy informatsii* [Geopolitical picture of the world in mass media]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 3, 33-49. <https://doi.org/10.17976/jpps/2003.03.04> (In Russ.)

Lebedev, M. A. (2023). *Transformatsii politicheskoy sotsializatsii v epokhu tsifrovizatsii* [Transformations of political socialization in the era of digitalization]. Sibirskoe otdelenie RAN. (In Russ.)

Lemishchak, E. M. (2014). *Integratsionnyy podkhod k opredeleniyu termina "resotsializatsiya"* [Integration approach to defining the term "resocialization"]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal*, 2, 24-27. (In Russ.)

Morozov, D. I. (2022). *Politicheskaya kul'tura kak rezul'tat sotsializatsii: sravnitel'nyy analiz* [Political culture as a result of socialization: Comparative analysis]. Nizhegorodskiy gosudarstvennyi universitet. (In Russ.)

Rean, A. A., Kudashev, A. R., & Baranov, A. A. (2006). *Psikhologiya adaptatsii lichnosti. Analiz. Teoriya. Praktika* [Psychology of personality adaptation. Analysis. Theory. Practice]. Praym-EVROZNAK. (In Russ.)

Samarkina, I. V. (2006). *Politicheskaya resotsializatsiya: aktual'nyy kontekst issledovaniya* [Political resocialization: Current research context]. *Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk*, 4, 139-147. (In Russ.)

Samarkina, I. V., & Bashmakov, I. S. (2021). *Lokal'naya identichnost': mekhanizmy konversatsii v konstruktivnye sotsial'no-politicheskie praktiki molodezhi* [Local identity: Mechanisms of conversion into constructive socio-political practices of youth]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2, 99-112. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.07> (In Russ.)

Samarkina, I. V., Bashmakov, I. S., & Kuzmenko, N. P. (2024). *Formirovanie grazhdanskoy identichnosti v sisteme obrazovatel'noy politiki v usloviyakh transformatsii politicheskogo prostranstva* [Formation of civic identity in educational policy system under political space transformation]. *Evraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika*, 18(3), 133-143. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-03-133-143> (In Russ.)

Selezneva, A. V., & Azarnova, A. A. (2020). *"Rozhdenie grazhdanina": politiko-psikhologicheskiiy analiz grazhdanstvennosti rossiyskikh starsheklassnikov* ["Birth of a citizen": Political-psychological analysis of civic consciousness among Russian high school students]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 5, 101-113. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.08> (In Russ.)

Shestopal, E. B. (2000). *Psikhologicheskiiy profil' rossiyskoy politiki 1990kh* [Psychological profile of Russian politics in the 1990s]. ROSSPEN. (In Russ.)

Shestopal, E. B. (2005). Politicheskaya sotsializatsiya i resotsializatsiya v sovremennoy Rossii [Political socialization and resocialization in modern Russia]. *Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki "Politiya. Analiz. Khronika. Prognoz"*, 4, 48-69. (In Russ.)

Shestopal, E. B. (2013). Vvedenie v rubriku. Chelovecheskoe izmerenie politiki [Introduction to the section. Human dimension of politics]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 6, 6-8. (In Russ.)

Shestopal, E. B., Zverev, A. L., & Selezneva, A. V. (2008). Politicheskaya sotsializatsiya rossiyskikh grazhdan v period transformatsii [Political socialization of Russian citizens during the transformation period]. *Novyy Khronograf*. (In Russ.)

Shcherbinin, A. I. (2000). "Ya russkiy by vyuchil tol'ko za to..." (Izuchenie yazyka kak sredstvo konstruirovaniya kartiny totalitarnogo mira v soznanii sovetskikh shkol'nikov ["I would learn Russian just for..." (Language study as a means of constructing a picture of a totalitarian world in the minds of Soviet schoolchildren)]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 1, 124-141. (In Russ.)

Shcherbinin, A. I. (2009). Konstruirovaniye obraza (na primere vystraivaniya kontsepta Rodiny) [Image construction (on the example of building the concept of Motherland)]. *ARTMARKETING*, 28(4), 19-27. (In Russ.)

Shevchenko, T. K. (2017). Mekhanizmy politicheskoy sotsializatsii v usloviyakh globalizatsii [Mechanisms of political socialization in the context of globalization]. *Dal'niy Vostok*. (In Russ.)

Smirnov, A. V. (2020). Politicheskaya sotsializatsiya v sovremennom obshchestve: teoreticheskie aspekty i prakticheskie rezul'taty [Political socialization in modern society: Theoretical aspects and practical results]. *Nauka*. (In Russ.)

Tikhomirov, A. G., & Smirnova, L. R. (2021). Politicheskaya sotsializatsiya i mezhkul'turnaya kommunikatsiya: opyt Rossii i zarubezh'ya [Political socialization and intercultural communication: Experience of Russia and abroad]. *MGIMO*. (In Russ.)

Tul'chinskiy, G. L. (2023). Smysl vlasti i vlast' smysla: pragmasemantika sootnosheniya politicheskoy vlasti i smysloobrazovaniya [The meaning of power and the power of meaning: Pragmasemantics of the relationship between political power and meaning formation]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 6, 180-188. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.06.13> (In Russ.)

Yadova, M. A. (2020). Pokolenie millenialov v rossiyskom obshchestve: v poiskakh drugoy molodezhi [Millennial generation in Russian society: In search of different youth]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 6, 181-188. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.14> (In Russ.)

Для цитирования: Самаркина, И. В. Молодежь в трансформирующемся политическом пространстве: ретроспективный анализ процессов политической социализации и ресоциализации / И. В. Самаркина, А. Б. Сазантович, Т. Т. Гогишвили // PolitBook. – 2025. – № 2. – С. 6-26. – DOI 10.24412/2227-1538-2025-2-6-26

О.А. Коряковцева

O. Koryakovtseva

**КТО НУЖЕН РОССИИ:
«МОЛОДАЯ ЭЛИТА»
ИЛИ СОЦИАЛЬНО
АКТИВНЫЙ ГРАЖДАНИН?**

**WHO DOES RUSSIA NEED:
A "YOUNG ELITE" OR
A SOCIALLY ACTIVE
CITIZEN?**

Аннотация

На фоне глобальной политической нестабильности, разрушения системы традиционных ценностей и размывания исторической памяти усиливается кризис гражданской идентичности у молодежи в России. Эти процессы негативно отражаются на социализации и самоопределении подрастающего поколения, что делает проблему формирования гражданственности у молодежной элиты особенно актуальной для государственной политики.

В рамках исследования применены методы количественного и качественного анализа, в том числе контент-анализ социологических опросов, экспертных интервью и данных ежегодного мониторинга ценностных ориентаций студенческой молодежи. Отдельное внимание уделено анализу регионального кейса Ярославской области как примера системной молодежной политики.

Полученные данные свидетельствуют о снижении интереса молодежи к участию в общественно-политической жизни, доминировании личностных и потребительских установок. Ценности служения, долга, ответственности и коллективизма теряют значимость. Молодежь ориентирована преимущественно на карьерный успех, материальное благополучие и эмоциональный комфорт.

В ответ на данные вызовы предлагается формирование единой государственно-общественной системы воспитания, ориентированной на развитие гражданской идентичности. Особую роль автор отводит механизму выявления и подготовки молодых лидеров на уровне субъектов РФ, включая развитие молодежного самоуправления, проектной деятельности и кадровых программ.

Для устойчивого цивилизационного развития России необходимо интегрировать мо-

Abstract

Against the background of global political instability, the destruction of the system of traditional values and the erosion of historical memory, the crisis of civic identity among young people in Russia is intensifying. These processes have a negative impact on the socialization and self-determination of the younger generation, which makes the problem of the formation of citizenship and the youth elite especially relevant for public policy.

The research uses methods of quantitative and qualitative analysis, including content analysis of opinion polls, expert interviews, and data from the annual monitoring of student value orientations. Special attention is paid to the analysis of the regional case of the Yaroslavl region as an example of a systemic youth policy. The data obtained indicate a decrease in the interest of young people in participating in socio-political life, the dominance of personal and consumer attitudes. The values of service, duty, responsibility, and teamwork are losing importance. Young people are mainly focused on career success, material well-being and emotional comfort.

In response to these challenges, it is proposed to form a unified state-public education system focused on the development of civic identity. The author assigns a special role to the mechanism of identifying and training young leaders at the level of the constituent entities of the Russian Federation, including the development of youth self-management, project activities and personnel programs.

For the sustainable civilizational development of Russia, it is necessary to integrate young people into the processes of state building. The formation of a socially responsible youth elite requires a strate-

лодежь в процессы государственного строительства. Формирование социально ответственной молодежной элиты требует стратегического подхода, основанного на традиционных духовно-нравственных ценностях, партнерстве государства и общества, а также поддержке инициатив «снизу».

gic approach based on traditional spiritual and moral values, partnership between the state and society, and support for initiatives from below.

Ключевые слова:

молодежь, гражданская идентичность, социальная активность, молодая элита, ценности, молодежная политика, региональное развитие.

Key words:

youth, civic identity, social activism, young elite, values, youth policy, regional development.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-2-27-41>

В связи с изменением мировой социально-политической действительности проблема воспитания молодых граждан России актуализируется. Нестабильность международных отношений и все более обостряющиеся процессы глобализации порождают экзистенциальный кризис личности, особенно у подрастающего поколения XXI века, которое формируется в ситуации смешения различных политических, философских и гражданских взглядов (Сковиков, 2010). Процессы становления, самоопределения и социализации личности сегодня крайне осложнились, поскольку происходит постепенное размывание исторической памяти и разрушение системы как общечеловеческих, так и национальных традиционных ценностей. Очевидно, что цивилизационный код России сохранится при условии динамичного развития социального, политического и культурного пространства страны на основе традиционных духовно-нравственных ценностей.

Следует помнить: в наш информационный век на процесс самоидентификации личности, связанной с поиском самого себя и становлением гражданского мировоззрения, во многом влияют практически безграничные социальные сети. Значит, в процессе работы с молодежью задачи воспитания гражданина необходимо решать, опираясь на традиционную российскую ценностную систему, в которой отражена самобытность России: многовековое единение народов, честное служение общему великому Отечеству и в то же время бережное сохранение национальных культур и традиций.

Гражданская позиция личности проявляется не в словах, а в активной общественной, политической и профессиональной деятельности, в понимании и реализации своего долга гражданина, как говорили раньше, «на благо Отчизны». К сожалению, многочисленные социологические исследования

убеждают, что мотив общественной пользы у современной молодежи ослаблен, видится стремление не столько к общему Благу, сколько к собственному благополучию и личной карьере.

В основу данного исследования положен комплексный подход, сочетающий теоретический анализ и эмпирические методы. Теоретическая база сформирована на основе изучения научных трудов отечественных и зарубежных авторов, посвященных проблемам гражданской идентичности, ценностных ориентаций молодежи и механизмов формирования политической элиты. Особое внимание уделено анализу нормативно-правовых документов.

Эмпирическая часть исследования опирается на данные социологических опросов, проведенных среди молодежи, а также на анализ существующих практик формирования молодежной элиты в регионах России (Селезнева, 2016; Шумилов, 2006). Для обработки данных использовались методы количественного и качественного анализа, что позволило выявить ключевые тенденции в ценностных ориентациях молодого поколения и оценить эффективность современных механизмов их вовлечения в общественно-политическую деятельность.

Кроме того, в работе применен сравнительно-исторический метод, который дал возможность проследить эволюцию подходов к рекрутированию элиты в разные периоды развития России — от советского времени до современности. Это позволило выделить как устойчивые закономерности, так и новые вызовы, связанные с процессами глобализации и цифровизации общества. Таким образом, методологическая основа исследования обеспечивает всесторонний анализ проблемы, сочетая теоретические обобщения с практическими данными, что способствует выработке обоснованных рекомендаций для государственной молодежной политики.

В результате анализа ряда исследований ценностных ориентаций современной молодежи мы можем представить некоторые результаты:

- главной ценностью большинство (65%) считают здоровье, как физическое, так и психическое;
- «любовь» является ценностью только для 30%;
- материальный достаток важнее интересной работы.

В анкете был вопрос «Какие качества личности Вы цените?». Ответы также нас удивили:

- 43% ответили, что образование, воспитание для них не важны;

- более 60% сказали, что честность, ответственность, долг, обязательность – это не значимые для них личностные качества;
- достаточно низкий уровень терпимости по отношению к другим (менее 15%).

В том же отчете представлен портрет успешного «Я», успешного представителя активной молодежи. Мы уже не удивляемся этим результатам:

- Успех для представителей молодого поколения россиян связан с материальной ответственностью и карьерой;
- 92% респондентов считают незначимым мнение коллектива;
- 81% в профессиональном и личном общении не учитывают статус и возраст собеседника;
- 71% испытуемых не рассчитывают на свой коллектив, и отношения в коллективе им безразличны.

В ответах на вопрос «Как вы предпочитаете проводить досуг?» - чтение, учеба, самообразование, творчество не являются приоритетными форматами досуга современной молодежи. Развлечения больше привлекают молодых людей, чем самосовершенствование, личностный рост и самореализация.

И еще важный результат, который был получен в ходе проведенного исследования: родители и педагоги разделяют традиционные семейные ценности, но не передают их своим детям и воспитанникам. Теряется и ослабевает преемственность поколений.

Осмысливая результаты комплексного исследования, проведенного в рамках национального проекта, мы пришли к следующим выводам:

1. Современная активная и инициативная молодежь имеет представления о традиционных духовно-нравственных ценностях, но в повседневной своей жизни руководствуется прагматическими установками;
2. Важную роль в жизни нового поколения приобрели материальные ценности;
3. Молодые лидеры отличаются высоким уровнем индивидуализма, этим объясняется их нежелание иметь активную гражданскую позицию;
4. У этой группы наблюдается достаточно низкий уровень доверия к взрослым и своему коллективу, авторитет и репутация теряют значение;
5. Особое место стали занимать личные границы личности и эмоционально-психологический комфорт.

И тем не менее подростки и молодежь есть основная адресная группа образовательной и молодежной политики, так как именно в них – будущее нашей страны.

Безусловно, цивилизационное развитие России требует активной социально-полезной деятельности всех граждан, но будущее априори – в руках молодых. Следовательно, учитывая неутешительные результаты проведенных исследований, на основе уже принятых федеральных нормативно-правовых документов необходимо срочно выстраивать единую государственно-общественную систему становления и формирования самосознания и гражданственности молодежи России. При этом следует определить конкретные обязанности государственных, политических и общественных структур, задействованных в этом процессе. Для выстраивания подобной системы воспитания всем её «создателям», на наш взгляд, необходимо обратить внимание на:

- общее понимание содержания принятой нормативно-правового обеспечения деятельности;
- единое понимание традиционных общероссийских духовно-нравственных ценностей как основы воспитания гражданина;
- учет многообразия языков, национальных традиций и особенностей, вероисповедания, региональной специфики;
- системное развитие имеющегося в российской цивилизации единого духовно-нравственного и культурного (в том числе - языкового) фундамента;
- совместное принятие критериев и отслеживание результативности работы единой государственно-общественной системы воспитания гражданина России.

Цивилизационное становление и развитие России исторически опиралось на общенародную систему ценностей и культуру, объединившую многонациональное и многоконфессиональное общество в сплоченное государство. Многовековое культурное богатство и высокий духовный потенциал, сформировавшиеся на основе традиционных общероссийских духовно-нравственных ценностей, позволили России и в современном XXI веке предъявить мировому сообществу ряд лучших достижений в гуманитарной, технической и информационно-коммуникационной сферах деятельности. Вот в чем, по нашему мнению, заключается российский цивилизационный феномен, который являет собой фундамент, способствующий воспитанию Гражданина сегодняшней России.

Следовательно, одной из значимых общественно-политических задач становится обеспечение активной включенности молодого поколения в процесс решения конкретных наиболее острых насущных общественных, политических и государственных проблем. Но для успешного выполнения данной глобальной задачи становится важным создание механизма рекрутирования и формирования молодой руководящей политической элиты прежде всего на уровне субъекта Российской Федерации. Таким механизмом может стать специальная система комплексной подготовки и развития кадрового потенциала региональной общественно-политической элиты из числа наиболее активной молодежи, реально занимающейся социально направленной деятельностью. Система подготовки предполагает: во-первых, разработку новых эффективных форм политического образования и воспитания; во-вторых, их широкое применение в процессе формирования и развития когнитивных и инновационных способностей, ценностной системы и гражданской идентичности молодежного кадрового ресурса; в - третьих, включение молодых претендентов в практическую деятельность общественно-политических организаций, партий, движений, региональных молодежных правительств и парламентов и их инкорпорацию на власть в региональные политические элиты.

Очевидно, что укрепление независимой государственной политики России должно опираться на последовательно проводимый курс эффективной кадровой политики (Никовская, 2011). А значит, приоритет приобретает подбор кадрового состава государственных и муниципальных служащих, у которых сформирована гражданская идентичность и чувство долга и личной ответственности за порученный участок государственной деятельности. Данные специалисты должны не только осознать преобладание духовного над материальным, но и реализовывать этот принцип в своём профессиональном поведении. Нравственный путь ответственных специалистов выстраивается с пониманием целей общества и государства и направлен на общественное созидание.

По нашему мнению, развитие кадрового потенциала России происходит в неразрывной взаимосвязи и взаимозависимости кадрового обеспечения национальной безопасности и социально-экономического развития страны.

Нормативно-правовую основу данных процессов обеспечивают Конституция Российской Федерации, федеральные законы «О безопасности» и «О стратегическом планировании в Российской Федерации», Указ Президен-

та Российской Федерации №809 от 9 ноября 2022 года «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», другие нормативные правовые документы федерального и регионального уровней.

Одна из проблем подготовки управленческих кадров – формальный подход, а зачастую и имитация процесса обучения. В чем это проявляется? Проведение фестивалей, конкурсов, карнавалов и иных зрелищных мероприятий явно подменяет обучение и практическую подготовку профессиональных кадров. Программы развития лидерских качеств и команды, которые успешно позиционируются в проектной сфере, зачастую презентуют нереализуемые продукты. Участники эффектно проходят «веревочные» испытания, смело прыгают с высоты, обычно демонстрируя рекламный патриотизм, который не наполнен смыслом и реальными делами на благо региона и страны.

Нашу государственную систему подготовки кадров наводнили коучи и бизнес-тренеры, прошедшие подготовку в недружественных странах, подменяющие традиционные российские духовно-нравственные ценности постоянным поиском какой-то выгоды. В настоящее время наше общество и государство ощущают острый дефицит компетентных, нравственных специалистов со сформированной гражданственностью, так как сегодня в органах власти достаточно много поверхностно образованных и непрофессиональных работников. Обычно, говоря о профессионале, мы понимаем, что он компетентно отвечает на вопросы: «знаю как, могу это сделать, хочу и готов послужить стране и обществу». А у нас получается: «всё знаю, но ничего не умею и не готов ...».

Успешная сдача единых государственных экзаменов (ЕГЭ) и основных государственных экзаменов (ОГЭ) не гарантирует высокий уровень образованности. Сам подход (тестирование) давно морально устарел и не отвечает интересам кадрового обеспечения национальной безопасности. В университеты приходят выпускники с хорошими балловыми показателями, но не умеющие думать, внятно формулировать мысли, эффективно взаимодействовать, отличающиеся повышенной критичностью к другим людям, но не к себе, а главное – с низким показателем гражданской идентичности. Определенный вред подготовке управленческих кадров наносит тотальная киберзависимость детей, подростков и взрослых от компьютерных игр и бесконечного использования развлекательного контента сенсорных телефонов. Уход

личности в виртуальную реальность лишает человека саморазвития как Гражданина и как субъекта социально значимого труда. Вот почему затронутая нами тема сегодня является исключительно актуальной.

Очевидна явная потребность общества и государства в высококвалифицированных государственных кадрах, которые будут эффективно работать, сохраняя дискурсивно-оценочную и нравственную личностную основу. Как найти подобные кадры?

Для удовлетворения данной потребности необходимо решить ряд проблем в системе государственного образования. Формальная аттестация, явно декоративные мероприятия, излишняя отчетность образовательных организаций, базирующаяся на рейтинговых показателях и количестве мероприятий, заслоняют насущные проблемы образования: уровень профессионализма учителя, преподавателя, научного работника; недостаточный социальный пакет и уровень доходов научно-педагогического сообщества; бюрократизация труда современного работника образования и крайняя необходимость развития государственно-общественной системы воспитания молодых граждан России.

Мы, работающие «на местах», остро ощущаем эти проблемы: каждую неделю требуется какой-либо отчет, проводится какой-либо конкурс, меняются стандарты, вводятся новые дисциплины, имеется явный недостаток учителей и преподавателей по математике, физике, химии, русскому языку и т.д. Но сегодня важно иное! Умело и вовремя поданная информация, красивые фотографии, дипломы и т.п., поскольку все это создает ситуацию якобы успеха и демонстрацию якобы достойного уровня работы как сотрудника, так и организации.

Очевидно, что имитация успехов, достижений и рейтингов – это провал кадровой политики, который может привести в тупик. Ослабляется связь гражданского общества и государства, происходит утрата доверия. Вот почему все государственные и муниципальные служащие, особенно руководящий состав, должны обладать важнейшим профессионально важным качеством – чувством долга и личной ответственности за тот участок деятельности, который им поручено возглавлять.

На наш взгляд, особенно важно, чтобы в систему принципов, на которых основывается государственная кадровая политика, входили гражданственность, патриотизм, долг и ответственность, активная социальная деятельность, что явится условием кадровой национальной безопасности.

Понимая, что основной состав современной элиты – это поколения «Х» и «Y», у которых заниженный показатель гражданской идентичности и завышенный индивидуализм, предлагаем в процессе их профессионального становления создавать условия для формирования их гражданских качеств. А это значит, что в приоритетные направления государственной кадровой политики должен быть включен и методы и формы работы, направленные на формирование гражданственности и развитие российской идентичности на всех уровнях образования и воспитания молодого поколения, начиная с семьи и дошкольных образовательных организаций и заканчивая трудовыми коллективами на предприятиях и системой дополнительного профессионального образования.

В системе мер по развитию современной социально-политической элиты должны быть «Правила корпоративной этики для государственных и муниципальных служащих», в которых предусмотрены механизмы повышения уровня их социальной активности, гражданственности, патриотизма и ответственности. Сегодня происходит смещение центра тяжести в государственной кадровой политике в сторону кадровой безопасности. Это вызвано изменением трудовых отношений, где наблюдается сокращение доли трудоспособного населения со сформированной гражданской позицией, явная активизация внешней миграции, отставание уровня профессиональной компетентности работающих граждан от современных запросов рынка труда, недостаточная работа по формированию обоснованной кадровой стратегии и явное снижение интереса к государственной службе у высококвалифицированных специалистов (Чирикова, 2009).

Для успешной работы по созданию кадрового молодежного ресурса в регионе предварительно необходимо:

- выявить плюсы и минусы в функционировании действующей политической элиты;
- изучить общественное мнение по проблеме формирования молодёжной элиты;
- определить факторы и условия, влияющие на процесс становления социально ответственной и компетентной молодой региональной элиты;
- провести анализ социокультурных свойств российской региональной властной элиты как субъекта гражданской ответственности;

- а главное – всемерно способствовать становлению и динамичному личностному росту социально и граждански активного поколения молодых граждан России.

Следует понимать, что эффективность государственной молодежной политики в регионе должна определяться активной социальной деятельностью молодежи и её широким практическим, в том числе и руководящим, участием в рамках стратегии развития региона и реализации собственных молодежных инициатив. В результате изучения теории и практики становления и развития молодежной политики в Ярославской области нами были определены общие принципы, способствующие эффективной работе по подготовке региональной молодой элитарной общественно-политической команды: использование всех возможных для региона ресурсов с целью осуществления успешной самореализации и социализации подрастающего поколения; партнёрская совместная деятельность государственных и общественных институтов региона по воспитанию патриотизма, формированию гражданской ответственности и социальной активности молодых граждан.

Так что же такое «молодая элита»? Отдельные молодые социально-политические лидеры или активные молодые граждане России? В сегодняшней исторической ситуации понятие молодёжной элиты очень широко. На наш взгляд, все активные молодые граждане России, стремящиеся практически вести страну в будущее по пути её цивилизационного развития, являются, по большому счёту, «социально-политической элитой». Какими же, на наш взгляд, качествами и способностями должны обладать рекрутируемые представители «молодой элиты»? В этом отношении мы придерживаемся классических концепций.

Аксиологические концепции указывают на следующие качества и способности личности: наличие особого ресурса, нравственность, забота о благе подданных, справедливость, патриотизм, духовный ресурс, культура, понимание народных чаяний, способность служить образцом для подражания.

Функциональные концепции подчеркивают способности к руководящей деятельности: государственное мышление, операционализация, мобильность, технологичность, профессиональные знания, организаторские способности, интеллектуальные возможности, технократизм мышления, умения и навыки руководящей деятельности, менеджеризм, креативность (Понеделков, 2010).

К сожалению, в современном обществе, несмотря на обладание переносными способностями, далеко не каждый представитель молодого по-

коления попадает в круг элиты. Существует практика жёсткого отбора в элиту, которая как имела свои особые критерии в советское время, так имеет их и сегодня.

В советский период отбор проводился только в рамках существующей системы: кандидатуры продумывались элитарным сообществом руководителей заранее; от кандидата требовалось определённое происхождение, знание марксистско-ленинской идеологии, верность партии, преданность вождю, декларация связи с народом и безусловного представления интересов трудящихся на всех уровнях (Смирнова, 2010). В начальный постсоветский период многое изменилось: претендентам следовало принадлежать либеральным кругам и быть членом определённой команды; владеть идеологией утилитаризма, сохранять верность лидеру; представлять интересы финансовой олигархии и в то же время декларировать соблюдение прав человека. Одновременно можно говорить о случайности и некоторой бессистемности в отборе молодой элиты и о проявлении таких факторов, как скупка должностей, коммерциализация и криминализация процесса формирования и обновления социально-политической элиты.

Современная элита сохраняет в целом закрытый характер, и не каждый молодой гражданин может ощутить себя частью «молодой элиты» России, хотя и отдаёт свои силы на благо страны. Передел ресурсов происходит внутри элиты и делает её закрытой для «посторонних», она пополняется в основном «своими» людьми. В процессе рекрутирования и отбора становится очевидной тенденция российской элиты к прагматизму, закрытости, авторитарности и технократизму. Важная характеристика демократической элиты – мобильность создаёт риск снижения в её составе уровня «хозяйственников», аграриев, женщин и молодежи, что в итоге приводит к преобладанию политического фактора в механизме становления и функционирования элиты, а не социального и экономического (Хуэйшань, 2018). Места в представительных органах власти, в муниципалитетах часто занимают бизнесмены, преследующие свои, а не государственные или общественные интересы. Население обычно недостаточно информировано о деятельности региональной элиты, решения часто принимаются в кулуарах власти под влиянием лоббирующих групп. Серьёзными проблемами становятся коррумпированность и бюрократизация управления. По убеждению А.И. Соловьёва, элиты никогда не были социальной структурой, профессиональная деятельность которой определяется нормами общественной морали, нравственности и националь-

ными интересами (Соловьев, 2015). Корпоративная порука и общность групповых культурных, а часто и финансовых ценностей будут преобладать над представительством гражданских интересов.

Согласимся с О.В. Гаман-Голутвиной, Я.А. Пляйсом что, если элита способна формировать базовые ценности, осуществлять взаимодействие власти и граждан, участвовать в определении и реализации долгосрочных целей государства и общества, она является подлинной демократической элитой, в противном же случае формируется псевдоэлита (Гаман-Голутвина, 2016; Пляйс, 2010).

Новое время требует «рождения» новой, молодой элиты гражданской направленности. Проанализированный нами опыт Ярославского региона в сфере молодежной политики доказывает, что «для расширения молодежной элитарной команды до всероссийских размеров» необходимо наличие таких значимых механизмов формирования и каналов рекрутирования молодой региональной политической элиты, как: проведение эффективной государственной молодежной политики в регионе; создание особой системы выявления и подготовки общественно деятельных кадровых ресурсов социально-политической элиты; организация активной практической деятельности молодежи в рамках стратегии развития региона и системной реализации молодежных инициатив; создание ощущения «элитарности», принадлежности к всероссийской социально-политической элите, творчески реализующей общественные и государственные интересы, у каждого молодого гражданина России. Эффективность работы указанных механизмов формирования и каналов рекрутирования молодой региональной социально-политической элиты обеспечивается целым рядом региональных законов и правовых актов, совместно разработанных и принятых молодежными организациями и властными структурами региона на субъект-субъектных (паритетных) началах.

На основании личного опыта работы в сфере молодежной политики и научного осмысления проблем можно сделать следующие выводы:

1. Сегодня в Российской Федерации сформировались объективные условия для институционализации гражданских инициатив, а значит, и для активизации практической социальной деятельности молодого поколения;
2. К особенностям формирования политической элиты из молодежного актива следует отнести целенаправленное обучение, наличие работающих на протяжении длительного периода органов молодежного самоуправления, обеспечение преемственности в их работе, с одной стороны, разработка и

совершенствование инфраструктуры и механизмов государственной поддержки молодежных инициатив с учетом инновационных разработок и практической реализации, с другой;

3. Региональные и сущностные особенности молодежных инициатив определяют взаимосвязанные этапы становления молодежной политики:

- развитие молодежного самоуправления (создание системы молодежных советов);
- организация проектной деятельности молодежных активистов (например, реализация программы «Молодежное Правительство»);
- создание «работающего» комплекса нормативно-правового обеспечения отрасли;
- развитие кадрового потенциала региона с использованием образовательных ресурсов сфер молодежной политики и высшего образования;
- совершенствование механизмов поддержки молодежных инициатив.

Только создание комплексной системы, объединяющей молодых людей для активного участия в общественно-политической жизни региона, страны позволяет, с одной стороны, сделать молодежь субъектом («элитой») не только в профессиональном и личностном развитии, но и в решении молодежных проблем, проблем региона и территории, а с другой стороны, - обеспечить преемственность и формирование новых социально-политических муниципальной и региональной элит.

Для развития молодежных инициатив главным, на наш взгляд, становится создание условий для активного процесса самореализации молодежи как элитной команды граждан, ведущих Россию по пути цивилизационного развития, где федеральные и региональные власти выполняют функцию ресурсного донора, регулятивную и стимулирующую функции.

К особенностям формирования и поддержки молодежных инициатив следует отнести: целенаправленное обучение и практически ориентированную активизацию молодежи и кадрового резерва, создание органов самоуправления в каждом муниципальном образовании, обеспечение преемственности в их работе, с одной стороны, создание и совершенствование инфраструктуры и механизмов государственной поддержки молодежных инициатив с учетом инновационных разработок и их практической реализации, с другой.

Становится очевидным, что социальная активизация подрастающего поколения, формирование и развитие нового кадрового потенциала региона

посредством поддержки молодежных программ возможно при следующих условиях:

- социальная деятельность осуществляется как долгосрочный, системно-организованный и динамичный процесс, реализуемый поэтапно в рамках вариативных программ, ориентированных на различные интересы участников;
- определены общественно значимые механизмы формирования и каналы рекрутирования молодой социально-политической элиты на уровне субъекта Российской Федерации;
- обеспечиваются социально-правовые гарантии реализации молодежных проектов на основе партнерской поддержки властных структур и делегирования молодым людям реальных полномочий и ответственности.

Литература

De Landtsheer, C., Hollander, Sh., & Maene, P. (2021). Brexit and political personality: The psychological profiles of Boris Johnson and Jeremy Corbyn. *Polis. Political Studies*, 6, 122-136. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.06.09>.

Гаман-Голутвина, О. В. (2016). Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке. *Политическая наука*, 2, 38-73.

Никовская, Л. И., & Якимец, В. Н. (2011). Публичная политика в регионах России: типы, субъекты, институты и современные вызовы. *ПОЛИС. Политические исследования*, 1, 89.

Пляйс, Я. А. (2010). Россия в поисках новой элиты. *Мир и политика*, 12, 67-81.

Политическая элита современной России: проблемы становления и развития. (2021). (Л. Г. Титова, Ред.). ЯрГУ.

Понеделков, А. В. (2010). *Политическая наука в элитологическом измерении*. Изд-во СКАГС.

Селезнева, А. В. (2016). Российское общество в постсоветский период: динамика ценностных изменений элиты и граждан. *Политическая наука*, 5, 149-169.

Сковиков, А. К. (2010). Политическая и правящая элиты современной России: взаимодействия и противоречия. *Политика и общество*, 10, 15-23.

Смирнова, А. Л., Шумилов, А. В., & Шумилова, О. В. (2014). Исторический опыт участия молодежи Чувашии в инновационной деятельности (1970-1980 гг.). *Современные проблемы науки и образования*, 6, 1474.

Соловьев, А. И. (2015). *Правящая элита России: к вопросу о механизмах и технологиях политического господства*.

Хуэйшань, Ш. (2018). Типологический анализ элиты как страты общества. *Теория и практика общественного развития*, 9, 25-35. <https://doi.org/10.24158/tipor.2018.9.5>.

Чирикова, А. Е. (2009). Региональные элиты в современной России: концептуальные дискуссии и политическая практика. *Россия и современный мир*, 1, 154-171.

Шумилов, В. К. (2006). *Современная студенческая молодежь: вызовы модернизации*. Изд-во Чувашского ун-та.

References

- De Landtsheer, C., Hollander, Sh., & Maene, P. (2021). Brexit and political personality: The psychological profiles of Boris Johnson and Jeremy Corbyn. *Polis. Political Studies*, 6, 122–136. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.06.09>.
- Gaman-Golutvina, O. V. (2016). Politicheskie elity kak ob"ekt issledovanij v otechestvennoj politicheskoy nauke [Political elites as an object of research in Russian political science]. *Politicheskaya Nauka*, 2, 38–73. (In Russ)
- Nikovskaya, L. I., & Yakimets, V. N. (2011). Publichnaya politika v regionakh Rossii: Tipy, sub"ekty, instituty i sovremennye vyzovy [Public policy in Russian regions: Types, actors, institutions, and modern challenges]. *POLIS. Politicheskie Issledovaniya*, 1, 89. (In Russ)
- Plyajs, Ya. A. (2010). Rossiya v poiskakh novoj elity [Russia in search of a new elite]. *Mir i Politika*, 12, 67–81. (In Russ)
- Ponedelkov, A. V. (2010). Politicheskaya nauka v elitologicheskom izmerenii [Political science in elitological dimension]. Izdatel'stvo SKAGS. (In Russ)
- Selezneva, A. V. (2016). Rossijskoe obshchestvo v postsovet'skij period: Dinamika tsennostnykh izmenenij elity i grazhdan [Russian society in the post-Soviet period: Dynamics of value changes among elites and citizens]. *Politicheskaya Nauka*, 5, 149–169. (In Russ)
- Skovikov, A. K. (2010). Politicheskaya i pravyashchaya elity sovremennoj Rossii: Vzaimodejstviya i protivorechiya [Political and ruling elites in modern Russia: Interactions and contradictions]. *Politika i Obshchestvo*, 10, 15–23. (In Russ)
- Smirnova, A. L., Shumilov, A. V., & Shumilova, O. V. (2014). Istoricheskij opyt uchastiya molodezhi Chuvashii v innovatsionnoj deyatel'nosti (1970–1980 gg.) [Historical experience of youth participation in innovation in Chuvashia (1970–1980)]. *Sovremennye Problemy Nauki i Obrazovaniya*, 6, 1474. (In Russ)
- Solovev, A. I. (2015). Pravyashchaya elita Rossii: K voprosu o mekhanizмах i tekhnologiyakh politicheskogo gosподstva [The ruling elite of Russia: On the mechanisms and technologies of political domination]. (In Russ)
- Titova, L. G. (Ed.). (2021). Politicheskaya elita sovremennoj Rossii: Problemy stanovleniya i razvitiya [The political elite of modern Russia: Problems of formation and development]. YarGU. (In Russ)
- Chirikova, A. E. (2009). Regional'nye elity v sovremennoj Rossii: Kontseptual'nye diskussii i politicheskaya praktika [Regional elites in modern Russia: Conceptual debates and political practice]. *Rossiya i Sovremennyy Mir*, 1, 154–171. (In Russ)
- Shumilov, V. K. (2006). Sovremennaya studencheskaya molodezh': vyzovy modernizatsii [Modern student youth: Challenges of modernization]. Izdatel'stvo Chuvashskogo universiteta. (In Russ)
- Hui-shan, Sh. (2018). Tipologicheskij analiz elity kak strat obshchestva [Typological analysis of the elite as a social stratum]. *Teoriya i Praktika Obshchestvennogo Razvitiya*, 9, 25–35. <https://doi.org/10.24158/tipor.2018.9.5>. (In Russ)

Для цитирования: Коряковцева О.А. Кто нужен России: «молодая элита» или социально активный гражданин? / О.А. Коряковцева // PolitBook. – 2025. – № 2. – С. 27–41. – DOI 10.24412/2227-1538-2025-2-27-41.

Г.П. Щедрова

G. Shchedrova

**КОНСТРУИРОВАНИЕ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ:
ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ
И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ
РОССИИ**

**CONSTRUCTING A
POLITICAL IDENTITY:
FOREIGN EXPERIENCE
AND PROSPECTS FOR
RUSSIA**

Аннотация

Анализируются ключевые аспекты развития политической идентичности в условиях глобального мира, а именно в контексте глобализации, цифровизации и растущего влияния социальных сетей.

Цель исследования – определить, каким образом политическая идентичность функционирует в условиях глобального мира, и предложить авторскую модель российской идентичности в глобальных реалиях.

Исследование основано на сравнительном анализе политических институтов и процессов, с использованием новейшей политологической литературы, отражающей современный взгляд исследователей на проблему идентичности. Метод моделирования позволил выделить общие и частные параметры в комплексной модели российской политической идентичности. Также мы используем результаты опроса российской студенческой молодёжи.

Результаты исследования показывают, что современному гражданину присуща не одна, а несколько идентичностей, среди которых можно выделить этническую, локальную, партийную, сетевую и другие. Именно от соотношения в сознании людей этнического и гражданского (государственного) аспектов идентичности зависит политическое поведение. Мы полагаем, что оптимальным вариантом является доминирование гражданского аспекта идентичности в системе ценностей человека. Отмечено, что уникальность российской идентичности на современном этапе связана с тем, что Россия – единственная страна в мире, за последние десятилетия включившая в себя значительные территории.

Abstract

The authors analyze the key aspects of political identity development in the global world, particularly in the context of globalization, digitalization, and the growing influence of social networks.

Objective: The study aims to determine how political identity functions in the global world and to propose an original model of Russian identity within global realities.

Methods: The research is based on a comparative analysis of political institutions and processes, utilizing the latest political science literature that reflects contemporary scholars' perspectives on identity issues. The modeling method was used to identify general and specific parameters within the complex model of Russian political identity. We also use the survey results of Russian student youth.

Results: The research shows that a modern citizen possesses multiple identities, including ethnic, local, party, and network identities, among others. The balance between ethnic and civic (state) aspects of identity in people's consciousness determines their political behavior. We argue that the optimal approach is the predominance of the civic aspect in an individual's value system. It is noted that the uniqueness of Russian identity at the current stage lies in the fact that Russia is the only country in the world that has incorporated significant territories over the past decades.

Conclusions: The Russian identity model is characterized as complex. It is emphasized that the integration model for residents of new regions should include

Модель российской идентичности была охарактеризована нами как комплексная. Подчёркнуто, что модель интеграции жителей новых регионов должна включать не только экономические и политические шаги, но и культурно-просветительские мероприятия. Сформулирован прогноз успешного завершения интеграции новых территорий в российские реалии и формирование у населения этих регионов общероссийской идентичности.

not only economic and political measures but also cultural and educational initiatives. A forecast is formulated for the successful completion of new territories' integration into Russian realities and the formation of an all-Russian identity among their population.

Ключевые слова:

политическая идентичность, российская идентичность, модель, интеграция, глобальный мир.

Key words:

political identity, Russian identity, model, integration, global world.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-2-42-53>

Политические процессы в современном мире характеризуются наличием новых вызовов, в условиях которых трансформируется привычный порядок жизни современного общества, что приводит к изменениям во внутренней и внешней политике. Одним из проявлений современных трансформаций в политической системе является изменение сущности политической идентичности. Последняя в современном мире становится все более сложным и многослойным явлением. В условиях глобализации, цифровизации и растущего влияния социальных сетей традиционные политические категории эволюционируют, уступая место более динамичным и персонализированным формам самоидентификации. Гражданин больше не ограничен рамками одной идеологии или партийной принадлежности, а его политические взгляды формируются под влиянием множества факторов: исторического контекста, культурных особенностей, медийного дискурса и личного опыта. В результате политическая идентичность все чаще оказывается не статичной, а гибкой и контекстуальной, отражая сложность современных общественных и политических процессов. Это приводит как к усилению поляризации, так и к возникновению новых форм политической солидарности, основанных на ценностях, а не только на традиционных институтах.

Согласно политологическому глоссарию, идентичность – это осознание личностью своей принадлежности к определенной группе, своего статуса и роли. Под идентификацией же понимают «один из механизмов социализации личности, посредством которого приобретаются или усваиваются нормы, идеалы, ценности, роли представителей тех социальных групп, к которым

принадлежит данный индивид» (Шегаев & Полозов, 2015, с. 88). Таким образом, мы можем утверждать, что идентичность неразрывно связана с принадлежностью человека (гражданина) к группе (семье, трудовому коллективу, этносу, политической партии или движению, государству и т.д.).

Методология исследования включает ряд методов, обеспечивающих комплексное изучение проблемы. Так, системный анализ позволил рассмотреть феномен идентичности в условиях политической системы, в частности, в контексте взаимодействия государства и гражданского общества. С помощью сравнительного метода были изучены попытки консолидации политической системы в разных странах. Институциональный подход позволил рассмотреть влияние политических институтов, в частности партий, на формирование политической идентичности. Также были использованы результаты опроса, проведённого Н.В. Розенберг и М.К. Карповой относительно восприятия студенческой молодёжью России государственных символов. Важную роль в исследовании сыграл метод анализа документов, в частности, был проанализирован и интерпретирован с точки зрения политической науки Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

В условиях существования почти в каждой стране многочисленных этнических, социально-демографических, профессиональных, политических и иных групп ключевое значение имеет формирование идентичности современного гражданина. Однако стоит отметить, что идентичность часто формируется с помощью дихотомии «свой – чужой» («мы – они»). Иными словами, происходит противопоставление членов группы тем индивидам, которые членами данной группы не являются. По мнению О.В. Поповой, значимый «другой» в политической сфере может и не являться единичным объектом, при этом отношение к «другим» может варьироваться от нейтрального до враждебного (Попова, 2018, с. 175). Соглашаясь с данным тезисом, отметим, что образ врага часто становится одним из способов консолидации представителей определённой группы, что может привести к деструктивным последствиям (вспомним геноцид в Руанде в 1994 году и вооружённые конфликты в Югославии в 1990-е гг.). Отмечая не последнюю роль «мифов-угроз» в создании национальной идентичности, Г.В. Пушкарёва отмечает, что прочная связь гражданина и нации не может основываться только на страхах и

опасениях. Исследовательница отмечает важность притягательных черт и позитивных чувств, связанных с образом нации (Пушкарёва, 2017, с. 169).

Этническая идентичность, по нашему мнению, является особенно сильной в силу ряда причин: этносы возникли до создания современных национальных государств, а этнические связи часто пересекаются с родственными. Соответственно, во многих странах наблюдается этнизация политической идентичности, даже несмотря на наличие развитых государственных институтов. Говоря об этнизации политики в контексте развития nation-state, исследователи фиксируют более или менее удачные попытки консолидации всей политической системы вокруг титульного этноса. Как отмечает П. Осколков, подобная политика наблюдается во многих независимых государствах. Например, в Эстонии большое значение в политической коммуникации придаётся этнической мифологии (в широком понимании). В Ливии во времена джамахирии бессменный лидер М. Каддафи во время официальных визитов носил традиционную одежду и останавливался в собственном бедуинском шатре, раскинутом неподалёку от места встречи (Осколков, 2021, с. 134). Можно также отметить современных политических лидеров крупных государств, подчёркивающих свою этничность в одежде, к примеру, премьер-министра Индии Н. Моди.

Этническая идентичность часто (но далеко не всегда) пересекается с региональной. Граждане ассоциируют себя с определённым штатом, республикой, провинцией, автономным сообществом и т.д. Примером совпадения этнической и региональной идентичности является движение за независимость Каталонии в Испании. В США весьма развита политическая идентичность на уровне штатов: наблюдая за результатами выборов, мы можем увидеть стабильность политических предпочтений жителей Калифорнии (поддержка демократов), Техаса (поддержка республиканцев) и других штатов. Довольно сильна региональная идентичность и в России, что проявляется в политическом дискурсе. Так, политические деятели регионального уровня используют средства вербализации региональной идентичности в сетевом общении, что отмечается М.В. Никифоровой и Е.А. Нахимовой. Например, топоним «Урал» и оттопонимическое обозначение «уральцы», активно используемые губернатором Свердловской области Е.В. Куйвашевым, являются «не столько показателями геопространственной (природно-ландшафтной) идентификации, сколько метонимическими обозначениями» самой области и её жителей соответственно (Никифорова & Нахимов, 2023, с. 114).

Важно отметить также феномен локальной (городской) идентичности. Мы живём в эпоху, когда большая часть жителей планеты проживает в городах (в некоторых развитых странах городское население численно доминирует уже больше столетия). Следовательно, в современных городах формируется городская идентичность, связанная с устойчивыми представлениями жителей города о своей связи с местом проживания, отношением к нему и заинтересованностью политической деятельностью на муниципальном уровне. Городская идентичность представляет собой локальную форму территориальной идентичности, фиксирующую представление человека о себе как о жителе определенного города, содержащую ценностно-рефлексивное восприятие населённого пункта. Одной из социально-психологических предпосылок развития такой идентичности является фундаментальная потребность индивида в безопасности, так как в ситуации нестабильности проще происходит идентификация с конкретным, четко ограниченным и ясно представимым объектом, каковым является город (Горнова, 2019, с. 104–105). При этом мы полагаем, что в современном мире наблюдается «размывание» городской идентичности из-за массовых миграций населения. Таким образом, среднестатистический житель крупного города (столицы или областного центра) может иметь «двойную» городскую идентичность, отождествляя себя с городом, в котором он родился или в котором живут близкие люди.

В современном мире невозможно обойти вниманием сетевую идентичность. Л.А. Фадеева интерпретирует её как идентичность в интернет-пространстве и одновременно соотносение пользователя с тем или иным коммуникативным сообществом или сетевой моделью поведения (Фадеева, 2011, с. 67–69). Для современного гражданина участие в сетевой коммуникации является одним из способов «определения себя в отношении не просто к определенной общности, но к самому способу формирования такой общности» (Григорян & Ханджян, 2024, с. 177). Можем отметить, что сетевая идентичность характеризуется призрачной анонимностью, позволяющей гражданину высказывать определённые мнения (особенно без указания реальных личных данных), которые он мог бы не решиться высказать в личном общении. При этом важно подчеркнуть, что анонимность эта является кажущейся, т.к. определить, кто именно оставил тот или иной комментарий в сети, можно практически всегда. Для нас представляется особенно важным то, что сетевая идентичность имеет ярко выраженный социально-политический

аспект, формируясь, среди прочего, через взаимоотношения пользователей в сообществах по интересам.

Одним из наиболее доступных для современного гражданина способов выражения политической идентичности является его самосоотнесение с определенной политической силой. В идеале человек голосует за политическую партию по причине того, что знаком с её политической программой, поддерживает её и уверен в том, что именно она наиболее последовательно защищает его интересы. Поддержка той или иной политической силы часто зависит от социального происхождения, материального положения, этнической принадлежности и личных моральных убеждений. Примерами довольно устойчивой партийной идентичности является поддержка гражданами США двух наиболее влиятельных политических акторов: Демократической и Республиканской партий. Почти все более или менее известные люди поддерживают одну партию на протяжении десятилетий. Похожая ситуация наблюдается и в Великобритании с Лейбористской и Консервативной партиями соответственно. В странах с менее стабильной и более атомизированной партийной системой (Германия, Франция, Италия, Финляндия) партийная идентичность выражена намного слабее.

Возможны ли трансформации партийной идентичности гражданина? Т.Ю. Полежаева выделяет ряд условий такой трансформации:

- изменение социального статуса человека и / или смена референтной группы;
- уход партии с политической арены (вплоть до ликвидации или слияния с другой политической силой);
- появление новой политической партии с программой, в большей мере отражающей интересы гражданина;
- смена политического режима или политического курса государства (Полежаева, 2019, с. 101).

В эпоху радикального переосмысления политических ориентиров избирателей политические партии разных стран сталкиваются с необходимостью не просто пересмотреть свою идентичность, но и модернизировать стратегии её построения. С учётом смены поколений (в выборах сегодня участвуют «зумеры», рождённые в 2000-х гг.), это требует создания баланса между новацией и традицией: партиям предстоит создавать привлекательные образы прошлого и будущего, интересные всем поколениям. Т.А. Невская подчёркивает важность выстраивания современными политически-

ми партиями «прямой аффилиации с потенциально дружественными лидерами общественного мнения внутри сетевого сообщества, создания собственной сети политиков-блогеров, адаптации контента к популярным форматам и переноса части ресурсов (в том числе их аудитории) на новые площадки» (Невская, 2022, с. 17). Данное мнение соотносится с изложенными выше тезисами о сетевой идентичности современного гражданина.

Мы осознаём, что изложенные выше аспекты идентичности современных граждан не представляют собой некий завершённый список; классификация типов и форм идентичности во многом зависит от авторской позиции исследователя. При этом мы полагаем, что важнейшей формой политической идентичности в эпоху глобализации является идентификация гражданина со своим государством. Иными словами, гражданская идентичность является необходимой для полноценного функционирования государства. В процессе формирования гражданской идентичности проявляется влияние многочисленных факторов, среди которых П. Стукалов отмечает интенсивное взаимодействие государства и гражданского общества, происходящее в рамках устойчивого гражданско-правового порядка, степень самоактуализации граждан, а также степень приобретения гражданином субъектности посредством реализации им социально-активной позиции и многие другие (Стукалов, 2021, с. 84).

Безусловно, в России, как и в большинстве стран мира, этническая и гражданская идентичности часто могут не совпадать. Граждане США часто (но не всегда) отождествляют себя с этническими группами: афроамериканцы, латиноамериканцы, коренные американцы, американцы азиатского происхождения и т.д. При этом все они идентифицируют себя как граждане США и признают «правила игры», существующие в этом государстве. В отечественной политической науке распространено мнение о важности российской идентичности как ресурса поддержания целостности общества. Так, Л. Дробижева отмечает, что «массовость самоотождествления людей с гражданами России позволяет заключить: доминирующее большинство россиян чувствуют себя частью российского общества» (Дробижева, 2020, с. 47). Таким образом, политика построения идентичности в современной России может быть охарактеризована как эффективная.

Восприятие этнической и гражданской идентичности – важный компонент политического сознания гражданина. Именно от соотношения в сознании людей этнического и гражданского (государственного) аспектов иден-

тичности зависит политическое поведение как отдельных индивидов, так и социальных общностей в рамках политической системы. Гражданин, в системе ценностей которого первое место занимает государство (страна), будет избирать совершенно иную стратегию политического поведения, нежели его соотечественник, для которого на первом месте этнос (племя, народность и т.д.). В.А. Федотова установила, что «гражданская идентичность россиян как осознание принадлежности индивида к гражданам своей страны более выражена, чем этническая идентичность» (Федотова, 2024, с. 146). При этом мы отдаём себе отчёт в том, что существуют индивиды и даже общности, где соотношение обратное, и это при определённых обстоятельствах может привести к возникновению экстремистских движений.

Важную роль в конструировании национальной идентичности играет символическое пространство. В рамках исследования отношения российской студенческой молодёжи к государственным символам России как основе своей государственной идентичности были опрошены 468 респондентов. 38,5% из них называли российские флаг, герб и гимн предметом гордости. Выдающиеся россияне являются предметом гордости для 60% опрошенных, а отечественная история – для 78,6% (Розенберг & Карпова, 2024, с. 110). Всё это свидетельствует о том, что политика идентичности реализуется в правильном направлении, обеспечивая сочетание единой государственной идентичности с целым рядом идентичностей индивидов и социальных групп.

Также мы можем предположить, что в условиях глобального мира одним из ключевых аттракторов, вокруг которых кристаллизуется идентичность россиян, могут стать традиционные ценности. В Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. №809 традиционные ценности определяются как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России». Следует отметить, что в указе отмечена и роль институтов гражданского общества в защите традиционных ценностей.

Проанализировав вышеизложенное, мы считаем целесообразным охарактеризовать модель российской идентичности как комплексную. Нам кажется логичным выделить в ней общие и частные параметры. К общим, по нашему мнению, можно отнести государственную идентичность и традиционные ценности. Эти аспекты идентичности не подвергаются сомнению подавляющим большинством граждан, а государство и общество принимают все меры для сохранения и усиления этих составляющих российский идентичности.

К частным (переменным) параметрам мы относим:

- региональную идентичность (отождествление себя с республикой, областью, краем и т.д.);
- локальную идентичность (идентификация себя как жителя города, села, посёлка, деревни и т.д.);
- этническую идентичность (восприятия себя как русского, татарина, украинца, еврея, башкира и т.д. с сохранением родного языка и традиций);
- партийную идентичность (согласие с программой политической партии и готовность принимать участие в её деятельности);
- корпоративную и профессиональную идентичность (отождествление себя с компанией или профессиональным сообществом).

Мы не считаем целесообразным упоминать все возможные переменные параметры идентичности, однако отметим, что они не должны противоречить идентификации гражданина с государством.

Уникальность российской идентичности на современном этапе заключается в том, что Россия – единственная страна в мире, за последние десятилетия включившая в себя значительные территории. Если Крым и Севастополь находятся в составе России с 2014 года и были за это время полностью интегрированы в политическом, экономическом и социально-культурных аспектах, то Донецкая и Луганская Народные Республики, а также Запорожская и Херсонская области вошли в состав России только в 2022 году. В течение восьми предшествующих лет жители этих регионов подвергались информационно-психологическому воздействию со стороны украинской власти. Таким образом, модель интеграции жителей новых регионов должна включать не только экономические и политические шаги, но и культурно-просветительские мероприятия, призванные продемонстрировать преимущества жизни в России. Не случайно в первую очередь в новых регионах был осуществлён переход на российские стандарты обучения в школах и высших учебных заведениях. Для граждан, не охваченных в данный момент образованием, необходимо проводить ознакомительную работу относительно нормативно-правовой базы и прочих аспектов жизни в России, чтобы в кратчайшие сроки все сферы жизни (образование, бизнес, социальная сфера и т.д.) в новых регионах соответствовали общероссийским стандартам. При этом Н.В. Шереметьева отмечает определённые трудности в интеграции новых регионов, связанные не только и не столько с боевыми дей-

ствиями. В частности, данные территории «должны стать российскими с сохранением этнической самобытности» (Шереметьева, с. 122).

Таким образом, идентичность является одним из ключевых понятий для анализа современной политики в условиях глобализации. Формирование идентичности современного гражданина связано, среди прочего, с сетевой коммуникацией и с культурно-символическими аспектами. Говоря о стратегии развития политических партий, стоит упомянуть смену поколений избирателей и новые тенденции в восприятии мира политики молодыми людьми. Политическая идентичность в условиях глобального мира не просто является своего рода ценностным ориентиром, а и позволяет обеспечить политическую интеграцию внутри страны в рамках внешних вызовов. Мы предложили модель комплексной российской идентичности, которая включает различные параметры. В частности, мы подтвердили существующий в отечественном политическом дискурсе тезис о важности государственной идентичности и традиционных ценностей. При этом наличие этнической, локальной, партийной и иных идентичностей не отрицает, а дополняет идентификацию гражданина с государством, обеспечивая плюрализм и разнообразие в обществе. Мы также можем прогнозировать успешное завершение интеграции новых территорий в российские реалии и формирование у населения этих регионов общероссийской идентичности.

Литература

Горнова, Г. В. (2019). Городская идентичность: философско-антропологические основания. Изд-во «Амфора».

Григорян, Д. К., Ханджян, А. А. (2024). Трансформация политической идентичности в информационном обществе: пределы и противоречия. Государственное и муниципальное управление. Ученые записки, 1, 175–180. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-175-180>.

Дробижина, Л. М. (2020). Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения. Социологические исследования, 8, 37–50. DOI: 10.31857/S013216250009460-9.

Невская, Т. А. (2022). Партийная идентичность в цифровом пространстве: новые вызовы. Социология, 5, 14–19.

Никифорова, М. В., Нахимова, Е. А. (2023). Средства вербализации идентичности в сетевом дискурсе региональных политиков. Политическая лингвистика, 5 (101), 109–115.

Осколков, П. (2021). Политизация этничности и смежные феномены (контуры терминологического поля). Мировая экономика и международные отношения, 8, 131–138. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-131-138.

Полежаева, Т. Ю. (2019). К проблеме определения понятий «партийная идентичность» и «партийная идентификация». *Гражданин. Выборы. Власть*, 3(13), 91–103.

Попова, О. В. (2018). Модели идентичности политических акторов в современной России. *Политическая наука*, 2, 173–194.

Пушкарёва, Г. В. (2017). Идеи и ценности как способ конструирования символического пространства национальной идентичности. *Полис. Политические исследования*, 5, 156–173. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.11>.

Розенберг, Н. В., Карпова, М. К. (2024). Государственная идентичность российской студенческой молодёжи (социологический аспект). *Наука. Общество. Государство*, 3, 106–117. doi: 10.21685/2307-9525-2024-12-3-11.

Стукалов, П. Б. (2021). Политическая идентичность как предмет исторического исследования. *Вестник ВГУ. Серия «История. Политология. Социология»*, 1, 81–85.

Фадеева, Л. А. (2011). Сетевая идентичность. Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. / Ред. И.С. Семененко, В.В. Лапкин, Л.А. Фадеева. М.: РОССПЭН, 1, 67–69.

Федотова, В. А. (2024). Гражданская и этническая идентичность россиян: роль ценностей в их формировании. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 1, 131–149. <https://doi.org/10.11621/LPJ-24-06>.

Шегаев, И. С., Полозов, А. Г. (2015). Новейший политологический глоссарий: основные категории, понятия, термины. Издательство «Перо».

Шереметьева, Н. В. (2024). Процесс интеграции новых территорий в российское культурное пространство. *Общество. Среда. Развитие*, 1, 121–124. DOI 10.53115/19975996_2024_01_121_124.

References

Drobizheva, L. M. (2020). Rossiyskaya identichnost': poiski opredeleniya i dinamika rasprostraneniya [Russian identity: Search for definition and dynamics of distribution]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 8, 37–50. <https://doi.org/10.31857/S013216250009460-9>

Fadeeva, L. A. (2011). Setevaya identichnost' [Network identity]. In I. S. Seimenenko, V. V. Lapkin, & L. A. Fadeeva (Eds.), *Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti* [Political identity and identity politics] (Vol. 1, pp. 67–69). ROSSPEN.

Fedotova, V. A. (2024). Grazhdanskaya i etnicheskaya identichnost' rossiyan: rol' tsennostey v ikh formirovanii [Civic and ethnic identity of Russians: The role of values in their formation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 1, 131–149. <https://doi.org/10.11621/LPJ-24-06>.

Gornova, G. V. (2019). *Gorodskaya identichnost': filosofsko-antropologicheskie osnovaniya* [Urban identity: Philosophical and anthropological foundations]. Amfora.

Grigoryan, D. K., & Khanjyan, A. A. (2024). Transformatsiya politicheskoy identichnosti v informatsionnom obshchestve: predely i protivorechiya [Transformation of political identity in information society: Limits and contradictions]. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski*, 1, 175–180. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-175-180>.

Nevskaya, T. A. (2022). Partiynaya identichnost' v tsifrovom prostranstve: novye vyzovy [Party identity in digital space: New challenges]. *Sotsiologiya*, 5, 14–19.

Nikiforova, M. V., & Nakhimova, E. A. (2023). Sredstva verbalizatsii identichnosti v setevom disкурse regional'nykh politikov [Means of identity verbalization in network discourse of regional politicians]. *Politicheskaya lingvistika*, 5(101), 109-115.

Oskolkov, P. (2021). Politizatsiya etnichnosti i smezhnye fenomeny (kontury terminologicheskogo polya) [Politicization of ethnicity and related phenomena (outlines of terminological field)]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 8, 131-138. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-8-131-138>.

Polezhaeva, T. Yu. (2019). K probleme opredeleniya ponyatiy "partiynaya identichnost'" i "partiynaya identifikatsiya" [On the problem of defining "party identity" and "party identification"]. *Grazhdanin. Vyborg. Vlast'*, 3(13), 91-103.

Popova, O. V. (2018). Modeli identichnosti politicheskikh aktorov v sovremennoy Rossii [Identity models of political actors in modern Russia]. *Politicheskaya nauka*, 2, 173-194.

Pushkareva, G. V. (2017). Idei i tsennosti kak sposob konstruirovaniya simvolicheskogo prostranstva natsional'noy identichnosti [Ideas and values as a way of constructing symbolic space of national identity]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 5, 156-173. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.11>.

Rosenberg, N. V., & Karpova, M. K. (2024). Gosudarstvennaya identichnost' rossiyskoy studencheskoy molodezhi (sotsiologicheskii aspekt) [State identity of Russian student youth (sociological aspect)]. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*, 3, 106-117. <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2024-12-3-11>.

Shegaev, I. S., & Polozov, A. G. (2015). *Noveyshiye politologicheskiiy glossariy: osnovnye kategorii, ponyatiya, terminy* [Newest political science glossary: Basic categories, concepts, terms]. Pero.

Sheremet'eva, N. V. (2024). Protsess integratsii novykh territoriy v rossiyskoe kul'turnoe prostranstvo [The process of integration of new territories into Russian cultural space]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*, 1, 121-124. https://doi.org/10.53115/19975996_2024_01_121_124.

Stukalov, P. B. (2021). Politicheskaya identichnost' kak predmet istoricheskogo issledovaniya [Political identity as a subject of historical research]. *Vestnik VGU. Seriya "Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya"*, 1, 81-85.

**И.В. Юрченко,
В.М. Юрченко,
М.В. Донцова**

**I. Yurchenko,
V. Yurchenko,
M. Dontsova**

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ *

FORMATION OF ALL-RUSSIAN IDENTITY OF YOUTH: REGIONAL ASPECT OF THE PROBLEM

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы формирования общероссийской (гражданской) идентичности молодежи в контексте факторов региональной специфики. Концептуализируется значение политики укрепления интеграции российского государства в условиях глобальной нестабильности и роста геополитической напряженности. Определяются методологические основания анализа общероссийской идентичности как одного из ключевых элементов интеграционного потенциала российского общества.

Цель исследования – изучение проблем формирования общегражданской идентичности молодежи с учетом региональной специфики.

В исследовании использованы методы конфликтологической диагностики регионов, экспертный и массовый опросы. В статье представлены результаты социологического исследования. Также использованы официальные отчеты органов власти, материалы прессы и экспертные доклады, содержащие сведения о состоянии миграционной и этнополитической ситуации в регионе.

Результаты исследования показывают, что формирование прочной общероссийской идентичности тесно связано с решением вопросов социальной интеграции и борьбой с межэтническими конфликтами. Среди главных рекомендаций выделяется необходимость создания эффективных механизмов межкультурного диалога, образовательного просвещения и развития социальной инфраструктуры, ориен-

Abstract

The article considers the problems of forming the all-Russian (civil) identity of young people in the context of regional specific factors. The significance of the policy of strengthening the integration of the Russian state in the context of global instability and growing geopolitical tensions is conceptualized. The methodological foundations for the analysis of the all-Russian identity as one of the key elements of the integration potential of Russian society are determined.

The purpose of the study is to study the problems of forming the all-Russian civic identity of young people, taking into account regional specifics.

The study used methods of conflict diagnostics of regions, expert and mass surveys. The article presents the results of a sociological study conducted by the Public Chamber of the Krasnodar Territory in 2023. Also used are official reports of government bodies, press materials and expert reports containing information on the state of the migration and ethno-political situation in the region.

The results of the study show that the formation of a strong all-Russian identity is closely related to solving issues of social integration and combating interethnic conflicts. Among the main recommendations is the need to create effective mechanisms for intercultural dialogue, educational enlightenment and development of social infrastructure aimed at integrating migrants and adapting the local population to changes in the ethnic

тированной на интеграцию мигрантов и адаптацию местного населения к изменениям этнического состава региона. Представленные в статье результаты проведенных экспертных опросов показывают, что общероссийская идентичность формируется в конкретных условиях каждого региона, каждого города, каждого населенного пункта. По утверждениям экспертов, один из наиболее значимых аспектов изучения этой проблемы связан с анализом состояния и формирования политического сознания современной молодежи в контексте конструирования и укрепления общероссийской идентичности. Сложившийся относительный баланс в рамках общероссийской идентичности между этнической, демографической и региональной идентичностями не является неизменной характеристикой. Делается вывод о роли политики формирования общероссийской идентичности как важнейшем ценностном ресурсе укрепления ментальных основ российской государственности.

Ключевые слова:

общероссийская (гражданская) идентичность, глобальная нестабильность, региональная безопасность, государственная политика идентичности, молодежь.

composition of the region.

A study of regional specifics has shown that the main source of tension in the Krasnodar Territory is migration growth and problems of integrating ethnic groups into a common socio-cultural space. Ethnic differences, economic difficulties and employment problems exacerbate the risks of conflicts.

The results of expert surveys presented in the article show that the all-Russian identity is formed in the specific conditions of each region, each city, each locality. According to experts, one of the most significant aspects of studying this problem is associated with the analysis of the state and formation of political consciousness of modern youth in the context of constructing and strengthening the all-Russian identity. A conclusion is made about the role of the policy of forming an all-Russian identity as the most important value resource for strengthening the mental foundations of Russian statehood.

Key words:

all-Russian (civil) identity, global instability, regional security, state identity policy, youth.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-2-54-71>

* Исследование выполнено в рамках исследовательского проекта «Конфликт-менеджмент и обеспечение устойчивой этнополитической стабильности на геостратегическом «Большом Юге России» (Южный и Северо-Кавказский макрорегионы) в условиях глобальных трансформаций» в рамках Государственного задания ЮНЦ РАН на 2025 г. (00-25-08, номер госрегистрации 125011200140-3, шифр FMRE-2025-0055).

Концептуальное понятие «идентичность» актуализировалось в научном политологическом дискурсе на протяжении значительного периода, начиная с 60-х гг. XX века, когда в социально-гуманитарном знании появилась потребность всесторонне анализировать социокультурные основания общественно-политических явлений и процессуальности политики. На основе этого концепта российские ученые логично вывели сущностные характеристики и смысловые основания понятий «общероссийская идентичность», «гражданская общероссийская идентичность», «национальная идентичность», «синтез гражданского и этнонационального сознания» и др. (Горшков, Турина, 2018; Фадеев, 2022; Ерохин, Авдеев, Воробьев, 2023). Как отмечает Г.Д. Гриценко, понятие «идентичность» из области повседневного

социально-психологического опыта личности постепенно трансформировалось в категорию политическую. В научный оборот вошел и закрепился концепт «политика идентичности» (identity politics), что привело к теоретико-методологическому буму (Гриценко, 2024).

На современном этапе идейно-ценностные основания российской национальной идентичности кроются в исторической памяти народа, представлениях о его роли в мировой истории. «Национальную идентичность можно определить как заданную национальным видением мира и национальной историей основную идею, которой живет социум в конкретно-историческую эпоху, и потому приемлемую для его большинства. Тем самым идентичность несет в себе ответ на вопрос о сущности своего народа, его месте, роли и задачах мировой истории, и идеальных формах его существования» (Горшков, 2020, с. 151).

Ценностная составляющая общероссийской идентичности объединяет людей вне зависимости от национальности и вероисповедания, а также выполняет роль барьера, который препятствует проникновению в коллективное сознание радикальных навязанных извне идей. В полиэтничной среде возможность конфликтной мобилизации и радикализации отдельных групп населения, особенно молодежи, представляет серьезную опасность.

Общероссийская идентичность формируется в конкретных условиях каждого субъекта Федерации, каждого города, поселка, Федерального округа, населенного пункта. Устойчивость развития территорий во многом зависит от способности государства к интеграции локально-региональных сообществ, в том числе на основе практик конструирования общероссийской идентичности как средства противодействия внутренним и внешним идеологическим и информационным угрозам. Один из исследователей процесса реинтеграции исконных исторических территорий в состав России, А. Федякин утверждает, что «данный процесс по-прежнему сохраняет целый ряд черт и характеристик, дающих основания считать его системным вызовом. На уровне доктринальном понадобится корректировка общенациональных документов стратегического планирования... Речь необходимо вести о пересмотре, в целом ряде принципиальных аспектов весьма существенном, концептуального видения российского национального пространства в обновленных государственных границах, о расстановке новых территориальных акцентов, об актуализации приоритетов регионального развития – словом, о реновации всей Российской Федерации» (Федякин, 2024, с. 111).

Также для полноценной конфликтологической диагностики региональной специфики актуальным на сегодняшний день аспектом становится геополитический фактор, в рамках которого возникает проблема аналитической

идентификации этнополитического конфликта, которая проявляется в традиционной конфликтологической дихотомии «конфликт интересов – конфликт идентичностей», связанной с тем, что если раньше «этнические меньшинства могли рассчитывать не более чем на поддержку своих соплеменников в соседних государствах, то в современном мире это прежде всего обращение к тем международным силам, которые могли бы быть заинтересованы в установлении своего геополитического влияния в регионе конфликта» (Авксентьев, Аксумов, Гриценко, 2020).

Цель исследования заключается в изучении проблем формирования общегражданской идентичности молодежи в контексте обеспечения региональной безопасности, с учетом региональной специфики.

В исследовании использованы методы экспертного и анкетного опроса. Экспертный опрос проводился в периоды 2020 – 2024 гг. с целью конфликтологического изучения региональной ситуации, с точки зрения выявления и прогнозирования рисков и угроз этнополитической стабильности и безопасности. В опросе ежегодно принимали участие от 21 до 26 экспертов – представителей органов власти, СМИ, науки и образования, силовых и бизнес-структур (2020 г., 26 чел.; 2022 г., 23 чел.; 2023 г., 21 чел.; 2024 г., 25 чел.). Данные носят количественно-качественный характер. Оценка значимости изменений оценок экспертов производилась с помощью непараметрического критерия Фридмана для нескольких зависимых выборок.

В работе использованы результаты исследования, проведенного (с участием авторов статьи) под эгидой Общественной палаты Краснодарского края и опубликованного в докладе о состоянии гражданского общества в Краснодарском крае за 2023 год¹. Выборка массового опроса является репрезентативной и составляет 3889 человек. В опросе приняли участие молодежь в возрасте от 18 до 35 лет, учащиеся и представители молодежи, имеющие постоянную занятость. Из них: мужчины – 1022 чел. (26,3%), женщины – 2867 чел. (73,7%); жители города и поселений городского типа – 2380 чел. (61,2%), жители сельских районов – 1509 чел. (38,8%)². Статистическое описание данных производилось с помощью частотного анализа и анализа таблиц сопряженности.

Практическая значимость исследования заключается в представлении региональной специфики решения стратегически важной задачи укрепления гражданского самосознания и общегражданской идентичности молодежи.

¹ Доклад Общественной палаты Краснодарского края о состоянии гражданского общества в Краснодарском крае за 2023 год (2024). URL: <https://op-kk.ru/upload/Доклад%20ОП%20Кубани%20за%202023%20год.pdf>

² Там же.

Для исследования региональной специфики был выбран Краснодарский край как пограничный Азово-Черноморский регион, имеющий высокий уровень геополитической значимости, непосредственно граничащий с новыми субъектами РФ, по численности населения занимающий третье место после Москвы и Московской области. Краснодарский край является полиэтническим регионом, в котором проживают русские (титовская нация), армяне (вторая по численности национальная группа), адыгейцы, украинцы, белорусы, татары, греки, грузины, цыгане, азербайджанцы, турки и другие, что порождает уникальные этнокультурные и межнациональные отношения. При этом край является одним из самых многонациональных, многоконфессиональных и, в отличие от демографии ряда других регионов страны, число жителей края постоянно растёт¹. Край особенно активно привлекает мигрантов из различных регионов России и зарубежья. Показатель миграционного прироста в регионе за полные 2023 и 2024 годы составляют 32,5 и 31,6 тыс. чел. соответственно². Следует отметить, что в 2023 году миграционный прирост на Кубань увеличился в 3,4 раза по сравнению с 2022 годом³. При этом люди переезжали в основном в такие города, как Краснодар, Сочи и Анапа, где климатические условия, высокая плотность населения и доступность рабочих мест способствовали экономической активности. Однако важно отметить, что постоянный приток мигрантов создавал значительные нагрузки на социальную инфраструктуру, а также повышение рисков конфликтности в регионе.

Важность Краснодарского края также обусловлена близостью с новыми субъектами РФ, с которыми ведётся активное взаимодействие: Донецкой Народной Республикой, Луганской Народной Республикой, а также с Запорожской и Херсонской областями. По данным Росстата, чистый миграционный отток из новых регионов в 87,6 тыс. человек, показывает, что чаще всего жители этих территорий переезжают в Краснодарский край, который стал одним из наиболее предпочтительных для миграции новых граждан регионом, вследствие географического расположения: «Чаще всего жители новых регионов выбирают для переезда Краснодарский край и Московскую область, сообщили РБК в Росстате. По данным ЦИК, обнародованным в начале

¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года (2023). Управление Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея. URL: https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab1.xlsx.

² Оперативные демографические показатели Краснодарского края за январь-декабрь 2023 года (2024). Краснодарстат. URL: [https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/12_2023\(3\).pdf](https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/12_2023(3).pdf).

³ Миграционный прирост населения на Кубани увеличился в 3 раза в 2023 году (2024). РБК. URL: <https://kuban.rbc.ru/krasnodar/freenews/65ef1a2c9a79472c73c27893>

февраля 2024 года, в новых субъектах России насчитывается 4,56 млн избирателей. В то же время, по прогнозу МВД, численность населения в указанных регионах по состоянию на 1 января 2024 года предполагалась на уровне 3,23 млн человек»¹. Все это приводило и к изменениям политико-идеологического дискурса в крае по направлению повышения роли патриотического воспитания граждан и особенно молодежи.

Политологический анализ формирования общероссийской идентичности, как важнейшего ценностного ресурса укрепления ментальных основ российской государственности, включает проведение конфликтологической диагностики региональной ситуации. На рисунке 1 представлена динамика уровня этнополитической напряженности в Краснодарском крае до 2025 года, которая построена на основе экспертных оценок, полученных по результатам опросов разных лет. Этнополитическая напряженность оценивалась по 5-балльной шкале (1 – минимальная напряженность, 5 – ожидаются открытые конфликты).

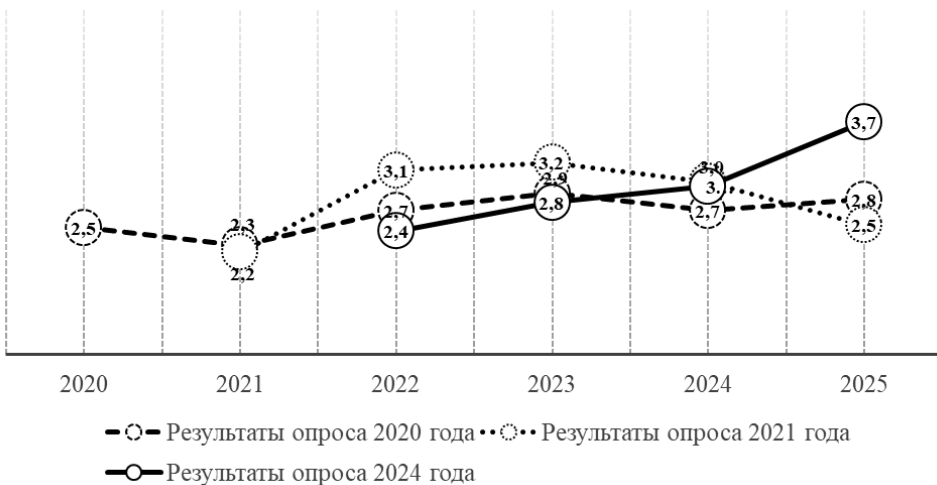

Рисунок 1 – Динамика уровня напряженности этнополитической ситуации в исследуемом регионе

Рисунок показывает, что если в 2023 году, по мнению экспертов, предполагалось, что в 2024 году сохранится этнополитическая напряженность с последующим снижением в 2025 году, то опрос 2024 года показыва-

¹ Росстат впервые оценил чистый миграционный отток из новых регионов (2024). РБК. URL: <https://www.rbc.ru/story/658c98dc9a794706712c381b>.

ет, что в 2025 году, наоборот, эксперты прогнозируют восходящий тренд. Изменения в оценках являются статистически значимыми на уровне $p < 0,001$ (для расчета использован непараметрический критерий Фридмана для нескольких зависимых признаков). В своих комментариях большинство экспертов отметили, что напряженность этнополитической ситуации в регионе связана с усиливающейся миграцией и недостаточной интеграцией этнических групп в местное сообщество. Так, один из экспертов отмечает следующее: *«Максимальная напряженность этнополитической ситуации в регионе, как правило, связана с экономическими кризисами, усиливающейся миграцией и недостаточной интеграцией этнических групп в местное сообщество»* (экспертный опрос 2024 года)

Таким образом, эксперты указывают, что одной из важнейших задач региональной власти является проблема обеспечения конструктивной и эффективной интеграции мигрантов в местные сообщества, что также требует постоянного совместного внимания со стороны исследователей и органов местного самоуправления по отслеживанию трансформаций социальной структуры населения, формированию новых субкультур и сообществ, выявлению особенностей их социокультурных и политических ценностей и моделей политического поведения. *«По моему мнению, открытая конфликтная ситуация возможна в ближайшие несколько лет, поскольку миграционные процессы способствуют еще большей мозаичности населения»* и, как следствие, *«несовпадение взглядов и мнений представителей различных этносов по общим вопросам развития региона»* (экспертный опрос 2024 года).

Негативная тенденция обострения конфликтов миграции приводит к росту этнополитической напряженности. Если ухудшается экономическая ситуация в регионе, возрастает социальная неопределенность, что, как правило, переносится на межэтнические взаимодействия, в которых провоцируются конфликты, в том числе на бытовом уровне, а они в свою очередь, политизируются. Как отмечает один из экспертов, *«...ухудшение экономического положения в регионе может стать триггером к разжиганию межэтнических конфликтов. К другим факторам можно отнести рост цен, рост преступности и недостаточное количество полицейских самого нижнего уровня, непосредственно взаимодействующих с гражданами»* (экспертный опрос 2023 г.).

Наиболее опасными проявлениями межэтнических и межконфессиональных противоречий являются крайние формы агрессии, проявляющиеся в радикализме, экстремизме и терроризме. Протестные акции, носившие латентный характер и не имевшие своего продолжения, были оперативно купированы правоохранительными органами. Так, например, летом 2024 года в Кореновске прошел марш с националистическим уклоном, собравший зна-

чительное число местных жителей¹. Поводом к протесту послужила драка, в которой, по мнению организаторов, участвовало 40 мигрантов и несколько русских парней. Официальная версия говорит о том, что конфликт произошёл между мигрантом и русским. Этот «марш» стал реакцией на возрастающее недовольство миграционной политикой, в частности недостаточным, по мнению некоторых граждан, контролем над новыми прибывающими жителями. В ходе акции звучали призывы к ужесточению контроля и депортации мигрантов, допускающих нарушения закона. Власти региона, однако, подчеркнули, что инцидент носил частный характер, связанный с бытовым конфликтом, а не с сознательной агрессией со стороны мигрантов, и усилили меры по мониторингу таких инцидентов.

Часто эксперты отмечали возможность возрастания опасности этнической мобилизации на границах с РФ. Уже длительное время серьезные риски связаны с ситуацией, складывающейся в ближнем зарубежье: особенно соседство с зоной конфликта на Украине, что оказывает большое влияние на социально-политическую, экономическую и культурную динамику развития пограничных регионов. Кроме этого, по периметру границ России дестабилизация создает и другие опасности со стороны непосредственно примыкающих территорий. Результаты экспертного опроса соотносятся с данными, полученными в исследовании Общественной палаты Краснодарского края: проблемными зонами социально-политической ситуации в Краснодарском крае являются риски радикализации и криминализации части молодежи (актуально примерно для 10% «убежденных оппозиционеров»); отмечались риски протестной активности (что характерно также примерно для 10% представителей молодежи), равнодушие к общественно-политической жизни, индивидуализм и социально-политический эгоизм, присущ примерно 40–50%². В исследовании Общественной палаты Краснодарского края также определены основные направления системной работы по повышению гражданской ответственности и социальной активности молодежи. Это обеспечение информационной и когнитивной безопасности полиэтнического социума, организация ценностно-патриотического воспитания и вовлечения молодежи в социально-продуктивные формы деятельности, формирование социально-ответственного политического поведения. «Именно общенациональная идентичность сегодня обладает наибольшим интегративным потенциалом. Соот-

¹ «Русский марш» прошёл в Кореновске после конфликта с мигрантами (2024). Новости Краснодара. URL: <https://krd.gorod.space/russkij-marsh-proshyol-v-korenovske-posle-konflikta-s-migrantami>.

² Доклад Общественной палаты Краснодарского края о состоянии гражданского общества в Краснодарском крае за 2023 год (2024). URL: <https://op-kk.ru/upload/Доклад%20ОП%20Кубани%20за%202023%20год.pdf>.

ветственно, превалирование российской гражданской идентичности в среде кубанской молодежи свидетельствует о положительных результатах работы властей по укреплению общероссийской гражданской идентичности, отмеченной в качестве одного из ключевых приоритетов Президентом РФ»¹. Результаты массового опроса также показывают, что россиянами – гражданами России ощущают себя 56% опрошенных, то есть подавляющее большинство населения Кубани ощущают себя носителями гражданской (общероссийской) идентичности. Таким образом, с одной стороны, можно зафиксировать рост патриотизма, как тенденцию, характерную для большей части кубанской молодежи, а с другой стороны – сохраняются риски радикализации и протестного интернет-активизма.

Проведенный конфликтологический анализ и экспертиза опыта позитивных практик показали, что в управлении этнополитическими процессами, урегулировании конфликтов в Краснодарском крае в период 2023-2024 гг. сложились благоприятные условия для установления добрососедских отношений с новыми регионами и взаимодействия представителей различных этнических групп в решении приоритетных повседневных задач социально-экономического развития. В крае существует благотворительный фонд «Добро и дело», основная деятельность которого – помощь населению ДНР, ЛНР Херсонской и Запорожской областей – освобождённым территориям Российской Федерации, беженцам с освобожденных территорий, бойцам СВО. В информационном пространстве можно отметить актуализацию дискурса формирования общероссийской, цивилизационной, гражданской идентичности. В целом, как показывают наблюдения и оценки экспертов, жители Кубани начали более активно идентифицировать себя с российским государством и российской нацией. Это проявляется в усилении патриотических настроений, поддержке государственной политики и акциях в поддержку армии и обеспечении жителей новых территорий гуманитарной помощью. В регионе создаются прочные основы для мирного сосуществования и взаимодействия различных этнических групп, и в перспективе эти практики могут стать образцом для других многонациональных регионов.

Эмпирические данные демонстрируют зависимость между типом идентичности и готовностью молодежи принимать участие в волонтерской и благотворительной деятельности, связанной с помощью армии, участникам СВО, беженцам из зоны СВО, жителям новых регионов (рис. 2). На свое непосредственное участие в данного вида помощи чаще всего указывали молодые

¹ Доклад Общественной палаты Краснодарского края о состоянии гражданского общества в Краснодарском крае за 2023 год (2024). URL: <https://op-kk.ru/upload/Доклад%20ОП%20Кубани%20за%202023%20год.pdf>.

люди, признающие, как приоритетную, свою общероссийскую гражданскую идентичность («я – россиянин») и конфессиональную идентичность («я – человек определенной веры»). Среди молодежи, демонстрирующей глобальную идентичность («я – человек мира») чаще всего встречаются те, кто не участвовал и не желает принимать участие в помощи армии, участникам СВО, беженцам из зоны СВО, жителям новых регионов.

Рисунок 2 – Зависимость участия в деятельности, связанной с помощью армии, участникам СВО, беженцам из зоны СВО, жителям новых регионов от типа идентичности молодежи исследуемого региона (n=3889)

Анализ состояния и проблем формирования политического сознания современной молодежи, проводят многие исследователи (Попова, 2021; Поцелуев, 2021). Отмечая проявления фрагментарности, мозаичности, противоречивости, гетерогенности и даже определенной «разорванности» мировоззрения многих граждан современного общества, исследователи подчеркивают, что это относится не только к молодежи, но и в целом к значительной части населения России (Поливаева, 2014, с. 15). Деструктивная позиция еще чаще проявляется в активной форме в виртуальном пространстве, что является также достаточно опасным явлением по причине влияния прежде всего на молодежную аудиторию. Говоря о значении этического мышления, мы подчеркиваем контекст ценностных ресурсов оздоровления общества, находящегося в кризисном духовно-нравственном состоянии, т.к. полного перехода от радикально либеральных западных ценностей к духовно-нравственным идеалам российских социокультурных традиций в полной мере еще не произошло. Особое внимание необходимо обратить на обучение молодежи информационной гигиене, способности повышать уровень знаний Отечественной истории, достижений российской литературы, искусства,

классиков социально-политической мысли. Отсутствие необходимых знаний у части молодежи сказывается на убеждениях. Необходимо содействовать воплощению в реальность молодежных инновационных проектов и предпринимательских инициатив, а также укреплять гражданскую активность и вовлеченность молодежи в общественную жизнь. Важно учесть, что в изменяющейся реальности, в ходе взаимодействий современных молодых людей создается и структура ее коммуникативного пространства, наполненная различными смысловыми проекциями (Зубок, Чанкова, 2022, с. 20). Ключевым аспектом создания платформ для политической коммуникации молодежи в интернете является стремление к солидарности и поиску единомышленников. И несмотря на то, что по мнению экспертов эта возрастная группа занимает, как правило, нейтральную позицию и не участвует в обсуждении политической повестки (Гужова, 2019, с. 39), с точки зрения перспектив необходимо применять эффективные практики политической социализации, а в некоторых случаях и ресоциализации, различных групп молодежи на основе дифференцированного подхода. Культура цифровых сетевых взаимодействий нового поколения (с характерным языком и новыми словами-терминами, идентичностью, структурами межличностного и профессионального общения, разновидностями виртуальных отношений, нормами поведения и методами накопления социального капитала) проявляется в обновленном виртуальном когнитивном стиле и порядке обмена информацией, что делает необходимым ее отдельное исследование и дальнейшее специальное изучение (Глухов, 2020, с. 131). Молодежь отражает в своем политическом поведении особенности молодежной политической культуры, качество и уровень политического и гражданского участия, являясь основополагающей частью ценностной системы социальной культуры общества в целом (Насырова, Родионова, 2021, с. 240). В связи с увеличением значения цифровизации и освоением онлайн-пространства, происходят существенные изменения в формах коммуникативного взаимодействия между людьми.

Одной из актуальных проблем является реализация современной молодежной политики, в том числе с учетом необходимости укрепления общероссийской идентичности полиэтнической молодежи (Ерохин, Авдеев, Воробьев, 2023). В современном мире молодежь все чаще пользуется современными технологиями и социальными сетями для общения и получения информации. В связи с этим необходимо создавать благоприятные условия для развития и использования современных коммуникативных технологий в интересах защиты и укрепления внутрироссийской социальной солидарности. В.А. Авксентьев и Б.В. Аксюмов, рассматривая множественную идентичность молодежи Юга России, пришли к выводу о снижении мобилизационного по-

тенциала этнической идентичности за двенадцатилетний период. Но в то же время отметили, что остается проблема формирования общероссийской идентичности во многих республиках Северо-Кавказского федерального округа (Авксентьев, Аксюмов, 2022, с. 76). Россия, как государство-цивилизация, имеющее сложную этноконфессиональную структуру, на уровне макро- и микро-политики может ориентироваться на синергетическую парадигму социокультурной эволюции, акцентируя внимание на роль ценностных ресурсов пространственной интеграции российского государства на основе политики исторической памяти, что особенно важно реализовывать в процессе воспитания и образования молодежи, а также в процессе применения практик политической ресоциализации новых граждан. Активная разработка и реализация важнейших направлений и задач молодежной политики позволят создать благоприятную среду для реализации потенциала молодежи и укрепления будущего России (Селезнева, 2024, с. 276). Трансформация ценностных ориентаций и моделей поведения современной молодежи в России протекает под влиянием происходящих процессов в стране и мире (Рожкова, Дубина, 2023, с. 80). Необходимо отметить, что современная молодежная политика в России охватывает множество различных аспектов и требует комплексного подхода. Это подразумевает не только усилия по улучшению доступа к качественному образованию, реализацию в субъектах РФ основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей, но также и создание условий для реализации потенциала молодежи и их поддержки в социально-экономической сфере. Народы России должны копить и передавать духовно-нравственные ценности из поколения в поколение и тогда создается истинный духовный капитал единого государства и общества.

В полиэтничном социуме одним из ключевых направлений событийного дизайна должно быть развитие межкультурного диалога, организация культурных мероприятий, фестивалей, форумов, выставок, способствующих взаимодействию различных этнических групп. Так, например, интерес представляет Молодежный межнациональный форум «Я Лидер: от мысли к воплощению», который проходил 7 ноября 2024 года в городе Туапсе и объединил молодых людей разных национальностей. Студенты и школьники общались, развивали лидерские качества, учились работать в соцсетях, развивать навыки публичных выступлений, организовывать мероприятия. Оценочные характеристики (Юрченко и др., 2019), в контексте интеграционных и конфликтных тенденций социального взаимодействия представителей молодежи в полиэтничной среде регионов, в частности территориально расположенных в приграничье, свидетельствуют о необходимости мониторинго-

вых исследований смысложизненных ценностей и трансформаций форм гражданского участия молодежи в социокультурной и политико-экономической сферах общества, поскольку наряду с интеграционными, могут возникать и активизироваться конфликтогенные факторы.

Процессы интеграции регионов в патриотическую федеральную повестку обеспечивают стабильность субрегиональных этнополитических и этноконфессиональных тенденций по укреплению внутривнутриполитической социальной солидарности, несмотря на повышенную активность враждебно настроенных против России геополитических акторов, использующих технологии деструктивного влияния на различные этнические и демографические группы населения, на разжигание розни в полиэтнической социальной среде. Региональные и муниципальные власти должны принимать своевременные меры для поддержки диалога между этническими группами, организуя культурные события и программы, направленные на интеграцию, взаимопонимание, урегулирование и профилактику конфликтов. Поддержанию гармоничных этноконфессиональных отношений способствуют инновационные проекты по созданию атмосферы межэтнического согласия.

Процессы гражданской ресоциализации и идейно-концептуальную деятельность органов власти и управления по реализации стратегических задач молодежной политики необходимо анализировать одновременно с социально-экономической проблематикой регионального развития. Основная часть населения постепенно справляется с испытаниями глобализацией и осознает закономерность геополитических трансформаций, но конфликтный потенциал остается значительной угрозой для внутренней стабильности и безопасности.

Профилактика и оптимизация техник урегулирования, возникающих межнациональных и этноконфессиональных конфликтов обусловлены новыми результативными методами в управленческих практиках, особенно необходимых в условиях, когда геополитическими противниками России активно применяются информационно-сетевые технологии, используются когнитивные, информационные и организационные средства борьбы с целью дезорганизации и дезориентации населения. Как отмечает В.А. Ачкасов, для предупреждения роста этнополитической напряженности, необходимо своевременно предупреждать и урегулировать этностатусные конфликты, которые чаще всего связаны с взаимоотношениями титульного и нетитульного населения; проводить мониторинг этно-экономических конфликтов, причиной которых могут быть этнические предпочтения в трудовой деятельности; этноконфессиональные проблемы, обусловленные использованием религиозного фактора в этнополитической мобилизации и т.д. (Ачкасов, 2021, с. 33).

Соответственно, как на глобальном, так и на национальном уровне особенно важным остается вопрос о формировании позитивной идентичности, и в этом контексте актуально обращение к общероссийской идентичности как нематериальному ресурсу развития (Гаман-Голутвина, 2024, с. 180).

Важнейшими факторами формирования региональных тенденций развития межэтнических и межконфессиональных отношений в регионах Юга России до конца третьего десятилетия XXI века будут геополитические трансформации, глобальная турбулентность и неоднородность этнополитических процессов. Для укрепления общероссийской гражданской идентичности в условиях расширения политического пространства РФ от государства требуется пристальное внимание к проведению специфической этно-региональной социальной политики, с учетом специфики территориальных и социокультурных особенностей и, в то же время, ориентируемой на создание условий укрепления и развития общероссийской цивилизационной идентичности. В складывающихся условиях необходимо ставить вопрос об адаптационных способностях различных социальных групп, бизнес-корпораций, лидеров общественных организаций, представителей менеджмента к новым глубинным трансформационным процессам.

Таким образом, при проведении политики укрепления общероссийской идентичности в сложносоставном, полиэтничном, мультикультурном социуме, необходимо выделение регионального уровня процесса формирования общероссийской идентичности, так как при этом можно акцентировать внимание на существенных особенностях возникающих проблем, рисков и угроз в различных регионах, что должно в конечном счете интенсифицировать их урегулирование, купирование и устранение негативных последствий. Этот же принцип должен работать и при разработке «региональных моделей безопасности», в содержание которых необходимо включать политику формирования и укрепления общероссийской идентичности мультикультурного, полиэтничного общества. Отправной точкой этого процесса является цивилизационная специфика России в целом, обусловленная ее геополитическими, климатическими, географическими условиями, а также особенностями субрегионов различного уровня (федеральные округа, отдельные субъекты Федерации), их неравномерное развитие, наличие ценностных рассогласований и локальных участков социальной аномии. В государственной политике по формированию и укреплению общероссийской идентичности должны быть отражены роль и место каждого региона в достижении общегосударственных интересов, поскольку региональные особенности определяют и риски, и угрозы, и возникающие опасности, влияющие на развитие не только регионов, но и на геостратегическое положение и развитие страны в це-

лом. Разнонаправленность экономических и социальных изменений в пространственном развитии, усиление внутренней территориальной интеграции в процессе формирования общероссийской идентичности на базе традиционных ценностей и защиты социокультурного суверенитета российского образа жизни, формирует новую более сложную социальную структурно-функциональную общность, где население, в результате социокультурной и политической ресоциализации, может использовать ценностные и когнитивные ресурсы пространственной интеграции.

Литература

Абдуллина, Л. С. (2015). Идейные основы становления национальной идентичности в современной России. Вестник Башкирского университета, (2), 673-676.

Авксентьев, В. А., Аксюмов Б. В. «Портфель идентичностей» молодежи Юга России спустя 12 лет (2022). Социологические исследования, (7), 76-87.

Авксентьев, В. А., Аксюмов Б. В., Гриценко Г. Д. (2020). Этничность в политических конфликтах: этнизация политики и политизация этничности. Политическая наука, (3), 74-97.

Ачкасов, В. А. (2021). Северный Кавказ: многофакторность этнополитической напряженности. Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки, (1), 33-48.

Гаман-Голутвина, О.В. (2024). Концепция идентичности: движение от абстрактного к конкретному. Полис. Политические исследования, (3), 177-191. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.03.12>.

Глухов, А. П. (2020). Социально-сетевая коммуникативная компетентность как элемент цифровой грамотности поколения Z. Ped.Rev, 1 (29). 129-136.

Горшков, М. К. (2020). О сущности и особенностях формирования российской идентичности. Есть такая профессия – общество изучать. Избранные статьи, интервью, биографические откровения. 145-163.

Горшков, М. К., Тюрина И. О. (2018). Синтез этнонационального и гражданского как основа российской идентичности. Вестник РУДН. Серия: Социология, 18(1), 44-57.

Гриценко, Г. Д. (2024). Социальное конструирование общероссийской идентичности на Северном Кавказе: состояние и перспективы. Регионоведение, 32(3), 446-462. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.446-462>.

Гужова, И. В. (2019). Культура сетевых коммуникаций цифрового поколения в контексте современных концепций цифровой грамотности (на материалах онлайн-фокус-группы со студентами). Знак: проблемное поле медиаобразования, 1 (31), 30-39.

Ерохин, А. М., Авдеев Е. А., Воробьев С. М. (2023). Общероссийская идентичность полиэтнической молодежи Северного Кавказа: социокультурная интеграция и риски конфликтности. Вестник Российской нации, (4), 75-86.

Зубок, Ю. А., Чанкова Е. В. (2022). Динамика ценностей общения в коммуникативном пространстве молодежи. Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки, 1(61), 18-30.

Насырова, Р. А., Родионова М. Е. (2021). Формирование политической культуры у российской молодежи в цифровом пространстве. Научные исследования и инновации, (6), 239-255.

Поливаева, Н. П. (2024). Актуальное состояние политического сознания россиян: гетерогенность vs гомогенность? Власть, (12), 15-21.

Попова, О. В. (2021). Идеологические ценности современной российской молодежи: по итогам эмпирического исследования. В Т.А. Сенюшкина, П.И. Пашковский (ред.). Политическое пространство и социальное время: глобальные вызовы и цивилизационные ответы. Сборник научных трудов XXXVII Международного Харакского форума 5–7 ноября 2020 г., Том 2, 134–140.

Поцелуев, С. П. (2021). Кризис как проекция когнитивно-идеологической матрицы: по материалам социологического исследования студенческой молодежи Юга России. Т.А. Сенюшкина, П.И. Пашковский (ред.). Политическое пространство и социальное время: глобальные вызовы и цивилизационные ответы. Сб. науч. трудов XXXVII Международного Харакского форума 5–7 ноября 2020 г., Том 2, 147–153.

Рожкова, Л. В., Дубина А. Ш. (2023). Политическое сознание и поведение современной молодежи. Известия вузов. Социология. Экономика. Политика, (1), 80–94.

Селезнева, А. В. (2024). Политические ценности российской молодежи: традиционные смыслы в современных условиях. Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология, (77), 275–289.

Фадеев, П. В. (2022). Российская государственно-гражданская идентичность сквозь призму восприятия истории, культуры и общественно-политической жизни. Социологическая наука и социальная практика, 10(3), 78–95. <https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.3.9198>.

Федякин, А. В. (2024). Время «возвращать и укреплять» (В.В. Путин): о перспективах реинтеграции российских исторических территорий и императивах реновации Российской Федерации. Вестник Российской нации, (3), 101–119.

Юрченко, И. В., Баранов А. В., Юрченко Н. Н., Донцова М. В. (2019). Конфликтотенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов.

References

Abdullina, L. S. (2015). Ideinye osnovy stanovleniya natsional'noi identichnosti v sovremennoi Rossii [The ideological foundations of the formation of national identity in modern Russia]. Vestnik Bashkirskogo universiteta, (2), 673–676. (In Russ)

Achkasov, V. A. (2021) Severny`j Kavkaz: mnogofaktornost` e`tnopoliticheskoy napryazhennosti [North Caucasus: multifactorial ethno-political tension]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki, (1), 33–48. (In Russ)

Avksentyev, V. A., Aksiumov B. V. (2022). «Portfel` identichnostej» molodezhi Yuga Rossii spustya 12 let [“Identities Portfolio” of the Youth of the Southern Russia after 12 Years]. Sociologicheskie issledovaniya, (7), 76–87. DOI: 10.31857/S013216250019645-2 (In Russ)

Avksentyev, V. A., Aksiumov B. V., Gritsenko G. D. (2020). E`tnichnost` v politicheskix konfliktax: e`tnizaciya politiki i politizaciya e`tnichnosti [Ethnicity in Political Conflicts: Ethnicization of Politics and Politicization of Ethnicity]. Politicheskaya nauka, (3), 74–97. <https://www.doi.org/10.31249/poln/2020.03.04> (In Russ)

Conflictogenic and integration factors of human development in the South of Russia in the context of new geopolitical challenges: monograph (2019). Authors I.V. Yurchenko, A. V. Baranov, N. N. Yurchenko, M. V. Dontsova, 250 p. (In Russ)

Erokhin, A. M., Avdeev E. A., Vorobyov S. M. (2023). Obshherossijskaya identichnost` polie`tnichnoj molodezhi Severnogo Kavkaza: sociokul`turnaya integraciya i riski konfliktnosti [Pan-Russian identity of multiethnic youth of the North Caucasus: socio-cultural integration and risks of conflict]. Vestnik Rossijskoj nacji, (4), 75–86. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2021.106> (In Russ)

Fadeev, P. V. (2022). Rossijskaya gosudarstvenno-grazhdanskaya identichnost' skvoz' prizmu vospriyatiya istorii, kul'tury i obshchestvenno-politicheskoy zhizni [Russian state-civil identity through the prism of perception of history, culture and socio-political life]. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*, 10, (3), 78-95. <https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.3.9198> (In Russ)

Fedyakin, A. V. (2024). Vremya «vozvrashhat' i ukrepyat'» (V.V. Putin): o perspektivax reintegracii rossijskix istoricheskix territorij i imperativax renovacii Rossijskoj Federacii [It's time to "return and strengthen" (Vladimir Putin): on the prospects for the reintegration of Russian historical territories and the imperatives of the renovation of the Russian Federation]. *Vestnik Rossijskoj nacii*, (3), 101-119. (In Russ)

Gaman-Golutvina, O. V. (2024). Kontsept identichnosti: dvizhenie ot abstraktnogo k konkretnomu [The concept of identity: Moving from abstract to concrete]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (3), 177-191. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.03.12> (In Russ)

Glukhov, A. P. (2020). Social'no-setevaya kommunikativnaya kompetentnost' kak element cifrovoj gramotnosti pokoleniya Z [Social and network communicative competence as an element of digital literacy of generation Z]. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie (Pedagogical Review)*, (1[29]), 129-136. <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2020-1-129-137>. (In Russ)

Gorshkov, M. K. (2020). O sushchnosti i osobennostyakh formirovaniya rossijskoj identichnosti [About the essence and features of the formation of Russian identity]. *Est' takaya professiya – obshchestvo izuchat'. Izbrannye stat'i, interv'y, biograficheskie ot-kroveniia*. 145-163.

Gorshkov, M. K., Tyurina I. O. (2018). Sintez e'tnonacional'nogo i grazhdanskogo kak osnova rossijskoj identichnosti [Synthesis of the Ethno-National and the Civil as the Basis of Russian Identity]. *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya*, 18, (1), 44-57. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-1-44-57> (In Russ)

Gritsenko, G. D. (2024). Social Construction of Pan-Russian Identity in the North Caucasus: Status and Prospects. *Russian Journal of Regional Studies*, 32(3), 446-462. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.446-462>. (In Russ)

Guzhova, I. V. (2019). Kul'tura setevy'x kommunikacij cifrovogo pokoleniya v kontekste sovremenny'x koncepcij cifrovoj gramotnosti (na materialax onlajnovoj fokus-gruppy' so studentami) [The culture of network communications of the digital generation in the context of modern concepts of digital literacy (based on the materials of an online focus group with students)]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*, (1[31]), 30-39. (In Russ)

Nasyrova, R. A., & Rodionova M. E. (2021). Formirovanie politicheskoy kul'tury u rossijskoj molodyozhi v cifrovom prostranstve [Formation of political culture among Russian youth in the digital space]. *Nauchny'e issledovaniya i innovacii*, (6), 239-256. (In Russ)

Polivaeva, N. P. (2014). Aktual'noe sostoyanie politicheskogo soznaniya rossiyan: geterogenost' vs gomogenost'? [The current state of political consciousness of Russians: heterogeneity vs homogeneity?]. *Vlast'*, (12), 15-21. (In Russ)

Popova, O. V. (2021). Ideologicheskie cennosti sovremennoj rossijskoj molodezhi: po itogam e'mpiricheskogo issledovaniya [Ideological values of modern Russian youth: based on the results of an empirical study]. V T.A. Senyushkina, P.I. Pashkovskii (red.). *Politicheskoe prostranstvo i sotsial'noe vremya: global'nye vyzovy i tsivilizatsionnye otvet-y*. *Sbornik nauchnykh trudov XKHKHVII Mezhdunarodnogo Kharakskogo foruma 5-7 noy-abrya 2020 g., Tom 2*, 134-140. (In Russ)

Potseluev, S. P. (2021). Krizis kak proekciya kognitivno-ideologicheskoy matricy: po materialam sociologicheskogo issledovaniya studencheskoj molodezhi Yuga Rossii [Crisis as a projection of the cognitive-ideological matrix: based on the materials of a sociological study of student youth in the South of Russia V T.A. Senyushkina, P.I. Pashkovskii (red.). Politicheskoe prostranstvo i sotsial'noe vremya: global'nye vyzovy i tsivilizatsionnye otvety. Sbornik nauchnykh trudov XKHKHVII Mezhdunarodnogo Kharakskogo foruma 5–7 noyabrya 2020 g., Tom 2, 147–153. (In Russ)

Rozhkova, L. V., Dubina A. Sh. (2023). Politicheskoe soznanie i povedenie sovremennoj molodezhi [Political consciousness and behavior of modern youth]. Izvestiya vuzov. Sociologiya. E`konomika. Politika, (1), 80–94. [https://doi.org/ 10.31660/1993-1824-2023-1-80-94](https://doi.org/10.31660/1993-1824-2023-1-80-94) (In Russ)

Selezneva, A. V. (2024). Politicheskie cennosti rossijskoj molodezhi: tradicionny`e smy`sly` v sovremenny`x usloviyax [Political values of Russian youth: traditional meanings in modern conditions]. Vestnik Tomskogo gos. universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya, (77), 275–289. [https://doi.org/ 10.17223/1998863X/77/23](https://doi.org/10.17223/1998863X/77/23) (In Russ)

Zubok, Yu. A., & Chankova E. V. (2022). Dinamika cennostej obshheniya v kommunikativnom prostranstve molodezhi [Dynamics of communication values in the communicative space of young people]. Izvestiya vuzov. Povolzhskij region. Obshhestvenny`e nauki, (1 [61]), 18–30. [https://doi.org/ 10.21685/2072-3016-2022-1-2](https://doi.org/10.21685/2072-3016-2022-1-2) (In Russ).

В.В. Стомин**V. Stomin**

ОБРАЗ БУДУЩЕГО МОСКВЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

THE IMAGE OF MOSCOW'S FUTURE THROUGH THE PRISM OF STUDENT IDEAS

Аннотация

Сформулированы нормативные характеристики молодежной политики – гибкость, адаптивность, системность и последовательность и обоснована значимость изучения ценностей молодежи для повышения эффективности инструментария молодежной политики. Анализируется научный дискурс по данному направлению и обозначаются такие значимые ценностные установки российской молодежи, как ожидание от государства создания возможностей для самореализации и повышения социально-экономического положения и формирования действенных механизмов вертикальной мобильности; критическое отношение к политическому процессу и высокий уровень требований к власти; рост экологической осведомленности и значимости экологической идентичности; интерес к добровольческой и волонтерской деятельности; запрос на ценности равенства, справедливости и доверия, рациональность убеждений, полноту и достоверность информации, совместную выработку решений.

Цель исследования – выявление ценностных характеристик восприятия Москвы настоящего и желаемого образа ее будущего среди студенческой молодежи города Москвы с активной гражданской позицией. Главные методы исследования – социологический (опрос активных участников проекта Правительства Москвы в сфере молодежного парламентаризма «Студенческие парламентские клубы») и контент-анализ материалов интервью.

Автор приходит к выводу о преобладании в ответах информантов пяти линий нарративов: 1) тесная связь будущего столицы с будущим России; 2) оценка столицы как

Abstract

The author articulates the normative characteristics of youth policy – flexibility, adaptability, a systemic nature, and consistency – and substantiates the importance of studying youth values to enhance the effectiveness of youth policy instruments. The analysis covers the relevant academic discourse and identifies significant value orientations among Russian youth. These include: expecting the state to create opportunities for self-realization, improve socio-economic standing, and establish effective mechanisms for vertical mobility; maintaining a critical stance towards the political process and holding high expectations of authorities; exhibiting growing environmental awareness and the increasing importance of ecological identity; demonstrating interest in volunteerism; and demanding values such as equality, justice, and trust, rational beliefs, complete and reliable information, and collaborative decision-making.

Research aim: the study aims to identify the value-based perceptions of present-day Moscow and the desired image of its future among civically active student youth in the city.

Primary research methods: the research utilizes a sociological survey targeting active participants in the Moscow Government's youth parliamentarism project, "Student Parliamentary Clubs," complemented by content analysis of interview materials from these participants.

Findings: the author concludes that five dominant narrative themes prevail in the informants' responses: 1) a perceived strong connection between the capital's

города, комфортного для жизни – прежде всего для карьеры и профессионального развития, затем его социальной сферы; 3) призыв к личной ответственности за развитие своего города и страны, ответственной гражданской позиции; 4) подчеркивание значимости развития Россией собственных высоких технологий и сильной промышленности как фактора успеха; 5) значимость развития Москвы как экологически чистого города. На основании этих нарративов представлены предложения по адаптации инструментов молодежной политики города Москвы к социокультурным запросам молодежи.

future and the future trajectory of Russia; 2) an assessment of the capital as a city conducive to living well, primarily valued for career and professional development opportunities, followed by its social infrastructure and environment; 3) an emphasis on personal responsibility for the development of one's city and country, advocating for a responsible civic stance; 4) underscoring the significance of Russia developing indigenous advanced technologies and a strong industrial base as crucial factors for national success; 5) highlighting the importance of developing Moscow as an ecologically sustainable and environmentally friendly city. Conclusion: based on these identified narratives, the author presents recommendations for adapting Moscow's youth policy instruments to better align with the socio-cultural expectations and values of the city's youth.

Ключевые слова:

молодежная политика, система ценностей, образ будущего, мегаполис, Москва.

Key words:

youth policy, value system, image of the future, metropolis, Moscow.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-2-72-97>

Важнейшей задачей молодежной политики выступает ответ на действительный запрос этой социальной группы через формирование качественных институтов и действенных механизмов, способных удовлетворить такой запрос, одновременно обеспечивая соблюдение интересов государства. Весьма точно эту сущностную составляющую молодежной политики сформулировала социолог Т. Лиханова: «Главной опорой и двигателем перемен может стать молодежь, чувствующая ответственность за судьбу страны, общества, солидарность, воспринимая проблемы общества как общее дело. Важны готовность и желание молодежи быть активными субъектами социально-политической, экономической, духовной жизни общества, ее вовлеченность в коллективные процессы, готовность принимать участие в совместном конструировании действительности» (Лиханова, 2024, с. 40). Корректная молодежная политика не может быть «флюгером» зачастую слишком быстро меняющихся настроений молодого поколения, но обязана динамично реагировать на его социокультурные установки; аналогичным образом, она не должна быть подвержена сиюминутной политической конъюнктуре или напротив, упорно транслировать уже ригидные подходы и паттерны. Таким образом, к числу системообразующих нормативных

характеристик молодежной политики полагаем возможным отнести гибкость и адаптивность, а также системность и последовательность.

В России молодежная политика за последние два десятилетия прошла целый ряд трансформаций, и только в последние годы приближается к данным нормативным характеристикам. Как отмечал А. Зеленин, характеризуя прошлые периоды ее развития, «Низкая эффективность, а нередко и просто профанация молодежной политики не только дискредитируют ее основные принципы и идеи правового, демократического государства в целом, но и причиняют прямой ущерб федеральному и региональному бюджетам» (Зеленин, 2012, с. 87). На сегодня можно утверждать, что ситуация претерпела принципиальные изменения: молодежная политика приобрела более системный и инклюзивный характер, целый ряд положений и подходов к ее реализации был унифицирован в рамках федерального проекта «Молодежь России» и целевых программ; соответственно, трансформировались региональное и городское измерения молодежной политики.

В современном научном дискурсе тематика ценностных ориентаций молодежи занимает одно из центральных мест. За последние годы опубликовано множество примечательных работ, в основном базирующихся на результатах социологических опросов с различной выборкой (от локальной до национальной), которые призваны выявить ценностные установки молодых россиян по широкому кругу вопросов. Остановимся на тех из них, которые охватывают такие значимые для настоящей работы категории, как образ будущего, идентичность, социокультурные установки и ожидания.

Образу будущего в массовом сознании российской молодежи 18-30 лет посвящено весьма примечательное исследование А. Токарева (Токарев, 2024), осуществленное на материале фокус-групп в 25 регионах страны. Автор приходит к ряду ценных выводов: в частности, о том, что существует «ярко выраженный запрос на участие государства в социальной жизни и производстве общественных благ» и «высокий уровень доверия государственным институтам даже в тех случаях, когда выражается явное неудовольствие отдельными решениями власти» (Токарев, 2024, с. 166). Эти выводы позволяют заключить, что несмотря на неготовность значительной части молодежи играть активную роль в политике, в основной своей массе ее представители «держат руку на пульсе» общественно-политической жизни, но на данном этапе прежде всего ожидают от государства создания возможностей для их самореализации, формирования действенных механизмов вертикальной мобильности, и в целом доверяют властным институтам. Таким образом, настроения молодежи, ценностная картина ее мировоззрения отличаются амбивалентностью.

Прежде всего от властей ожидают содействия в улучшении социально-экономического положения: «В наибольшей степени молодежь страдает от низких доходов (52,4%), следует здесь же назвать невозможность улучшить жилищные условия (35,2%)» (Великая, Дорошина, 2022, с. 34), в том числе путем возвращения «двух советских социально-экономических практик (распределение на работу после вуза и обеспечение молодых квартирами от государства)» (Токарев, 2024, с. 166). Причем, чем выше благосостояние молодого россиянина, тем в большей степени он склонен поддерживать политику страны и положительно оценивать социально-экономическую ситуацию: так, «доля студенческой молодежи, поддерживающей продолжение СВО до выполнения заявленных целей, составляет 43,9% в группе с высокой самооценкой материального благополучия, треть (33%) среднеобеспеченных и только 14,5% в группе малообеспеченных участников (Устинкин, Никитина, 2024, с. 72). Таким образом, можно говорить о положительной корреляции благосостояния молодежи и ее патриотических настроений, и центральном месте социально-экономического положения молодых россиян в их системе ценностей. Другими словами, главным фокусом молодежной политики должно выступать повышение материального благополучия – именно оно является питательной почвой для усиления патриотических настроений, которые и так присущи молодым россиянам.

В зарубежной литературе по молодежной политике последних лет в качестве значимого фактора, определяющего психологический портрет современного поколения, обозначается тот факт, что его социализация пришлось на целый ряд кризисов (пандемия COVID-19, глобальный финансовый, политический и экономический кризис), а принятые правительствами стран ограничительные меры негативно сказались почти на всех аспектах и качестве жизни молодежи, от образования и трудоустройства до жилья, здравоохранения и досуга (Bessant, 2021). Интересам молодежи часто уделялось недостаточно внимания, а зачастую принимаемые меры можно было характеризовать и как «недружелюбные» по отношению к этой социальной группе: это сформировало у молодежи недоверие и скептицизм в отношении традиционных политических партий и в целом, к участию в политической жизни (Pickard, 2022, с. 6).

Проблематика содержания понятия «благополучие» в контексте целей молодежной политики рассматривается многими авторами. Материальная составляющая благополучия молодежи крайне важна, однако не является единственной – данное понятие включает в себя и целый ряд нематериальных аспектов, некоторые из которых могут казаться второстепенными, но на практике имеют большое значение для самих молодых горожан. На один из таких аспектов обращают внимание специалисты Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ: они опираются на концепцию онтологической безопасности молодежи

А. Данкерстена, которая стремится к комплексному пониманию молодежного благополучия, отдавая приоритет ценностям равенства, справедливости и доверия (Лисовская, Андреева, Соловьева, 2025, с. 86-87). Авторы демонстрируют, что большинство программ развития молодежи исходят из концепции «негативной безопасности» и нацелены прежде всего на устранение рисков; по их мнению, «такой подход упускает значимость благополучия для самой молодежи и не учитывает условия времени и контекста» (Лисовская, Андреева, Соловьева, 2025, с. 86-87). Исследователи приходят к выводу о том, что среди всего разнообразия моделей, которые применяются субъектами молодежной политики для решения вопросов благополучия молодежи в рассматриваемых регионах, наблюдается «отсутствие внимания к онтологической безопасности молодежи. Также всех их объединяет упущение внимания вовлеченных агентов к развитию инфраструктуры городов и мест, привлекательных молодежи». Другими словами, происходит тотальная коммерциализация пространств, которая сокращает возможности молодежи по получению качественного досуга: ей банально «не хватает бесплатных пространств» (там же: 98), а власти города понимают его комфортность для молодежи прежде всего в контексте обеспечения физического здоровья и утоления голода, при этом «о пространствах для жизни речи вовсе не идет» (Лисовская, Андреева, Соловьева, 2025, с. 86-87).

В нематериальной плоскости лежит и комплекс вопросов, связанных с мировосприятием, которые можно обобщить как психологические. Так, Наталия Великая и Анна Дорошина опираются на цивилизационный подход для описания особенностей политико-идеологической идентификации молодежи Москвы и Московской области и описывают преобладающую среди молодежи систему идентичностей как эклектичную, расколотую и противоречивую, что проявляется в «невнятном образе будущего, ведет к снижению чувства уверенности в завтрашнем дне, ограничивает возможности выстраивания адекватных жизненных стратегий» (Великая, Дорошина, 2022, с. 37). Термин «противоречивость» применительно к идентификационным установкам молодежи применяет и Н. Савченко, делая вывод о «стирании границ между различными видами идентичности, расширении зоны идентификации до глобальной» (Савченко, 2024, с. 169). Исследование Д. Будко и Г. Лукьяновой, основанное на фокус-группах со студентами СПбГУ, продемонстрировало схожие результаты: «молодежи в высшей степени свойственна не критичность, а скорее категоричность и противоречивость в собственных взглядах. Это выражается в многочисленных дихотомиях – одновременного сосуществования полярных друг другу явлений: патриотизм и идеализация Запада; либеральные ценности и идеалы социализма; идеализм и прагматизм в требованиях, предъявляемых к политическим лидерам; визуальные впечатления и реальное

положение дел» (Будко, Лукьянова, 2019, с. 190). Можно полагать, что фиксируемое в указанных исследованиях расширение границ идентичности связано с изначальной интегрированностью молодежи в глобальное коммуникативное пространство посредством цифровых платформ, что уже в детстве закладывает основу для восприятия себя как части всего мира, а не только своего города или страны (тенденция к усилению глобальной идентичности). Восприятие в этой связи сразу нескольких наборов ценностей обуславливает эклектичность и противоречивость такой идентичности.

Фиксируются заметные особенности в восприятии своей страны молодыми жителями мегаполиса, и особенно Москвы. Так, Е. Шестопал, Н. Смутькина и И. Морозикова, которые провели сравнительный анализ особенностей восприятия России молодежью в Москве, Смоленской области и в Республике Тыва – прежде всего таких элементов образа страны как территория, народ, власть, политические лидеры и геополитическая роль страны. Исследование показало, что жители Москвы отличаются наиболее критическим отношением к политическому процессу и высокой требовательностью к власти, в том числе федеральной, при этом также особо выделяется глобализированный характер идентичности москвичей: «столичный статус Москвы определяет склонность к своеобразной «приватизации федеральной власти», к более критичному к ней отношению (что обусловлено ощущением москвичами большей близости к ней). В Москве формируется специфичные запросы к политической элите (на ее большую открытость, готовность к диалогу с обществом и оппозицией), более позитивные оценки российской культуры, цивилизованности, включенности российских граждан в мировое сообщество» (Шестопал, Смутькина Морозикова, 2019, с. 92).

Говоря об эклектичности идентичности российской молодежи, следует упомянуть такой крайне значимый фактор как психологическое состояние этой категории населения. По данным мониторинга Института психологии РАН, в этом отношении молодые россияне являются одной из наиболее уязвимых групп. Т. Нестик, в частности, обращает внимание на то, что «ниже всего психологическое благополучие у молодежи 18–24 лет, респондентов из городов-миллионников и россиян с низким уровнем доходов», что связано в том числе с длительным переживанием трудноконтролируемых угроз. В качестве одного из возможных решений проблемы он рассматривает развитие готовности к диалогу: «Нужно поддерживать готовность делиться своими переживаниями с близкими и сопереживать другим. В старших классах школы необходимы курсы по переговорам и разрешению конфликтов»¹.

¹ Фурсова, Е. (2025). Между тревожностью и депрессией? Психологи и социологи об актуальных общественных настроениях и методах сохранения душевного здоровья.

Добавим, что в российском обществе, с одной стороны, сохраняется высокий дефицит межличностного доверия: его наложение на сложившуюся трудную для психики людей ситуацию оказывается опасным феноменом, который требует внимания со стороны как властей, так и общественных организаций. С другой стороны, как мы отмечали выше, молодежь доверяет государственным институтам и ожидает от них поддержки, высоким доверием молодых россиян пользуются также общественные организации и не крупный бизнес: так, по данным опроса студентов Нижнего Новгорода, проведенного осенью 2023 года, благотворительным организациям доверяют 91,6% респондентов – абсолютный максимум. На втором месте по уровню поддержки – малый и средний бизнес (88%) (Устинкин, Никитина 2024, с. 149). Суммируя вышесказанное, представляется, что указанные акторы (НКО, МСП) следует активно привлекать в качестве партнеров в рамках комплекса мероприятий молодежной политики, причем не только как соорганизаторов или исполнителей конкретных проектов, но в качестве субъектов процесса принятия решений, которые будут участвовать в совместном производстве знания о содержании молодежной политики. Наконец, применительно к обозначенной потребности общества в развитии диалога, важным видится создание благоприятных условий для НКО в создании пространств для коммуникации, а также реализации образовательных и других проектов, которые будут развивать у молодых горожан навыки участия в жизни города и совместной деятельности в этой сфере.

Здесь мы подходим к проблематике «права на город» и такого измерения молодежной политики, как содействие соучастию молодежи в развитии города. Целый ряд исследований молодежи в российских мегаполисах описывает ее как в целом достаточно инертную в том, что касается участия в жизни города в целом: «молодежь студенческая в основном пассивна. Если молодые люди и проявляют гражданскую активность, то в основном в тех видах деятельности, которые связаны с благотворительностью, волонтерством, праздниками» (Савченко, 2024, с. 169). Еще менее популярно участие в политических проектах: «публичный политический активизм остается уделом сравнительно небольшой группы молодых людей, которые, выбрав этот путь для ускоренного движения по карьерной лестнице, активно продвигают свой образ в социальных сетях» (Токарев, 2024, с. 159).

В других работах можно встретить более детальный подход к этой проблеме, который позволяет уточнить ее содержание. Так, результаты социологического исследования молодых жителей Екатеринбурга позволили выделить

две главных категории их жизненных планов – «с одной стороны, это ориентация на достижение профессионально-образовательного статуса, выраженная в поиске интересной и высокооплачиваемой работы и продолжении образования. С другой – это связь жизненных планов молодежи с формированием стартовых условий для обретения независимости и личностной успешности» (Антонова, Абрамова, Полякова 2020, с. 450-451). Приоритетность достижения этих личных целей «закономерно оттесняет общественно ориентированные задачи на менее значимые позиции: участие в политической и общественной жизни как неотъемлемую часть своей жизни рассматривают только 5-6% наших респондентов» (Антонова, Абрамова, Полякова 2020, с. 450-451).

По сути, если власти не создают для молодежи возможностей участвовать в жизни города, одновременно продвигаясь в достижении личных целей развития, молодые горожане предпочитают потратить свое время на те активности, которые послужат этим целям, а также будут соответствовать их жизненным ценностям, например таким, как осознанное потребление и отношение к экологии. Ученые фиксируют рост экологической осведомленности молодежи: «ценностными трендами и ориентирами развития для поколения Z является экологичность (забота о будущем, бережное отношением к природе), ориентация на прогресс в области развития искусства и науки» (Рогочая, 2024, с. 33), а также значимости экологической идентичности в системе мировосприятия молодежи, которую можно определить как «связь индивида/группы людей с природной средой, идентификацию себя как ее неотъемлемой части, что находит отражение... в индивидуальном и групповом поведении» (Хайнацкая, 2023, с. 342). В описанной ситуации для вовлечения молодежи в более широкий круг вопросов развития города центральное значение приобретает содержание городской политики: «создание условий совпадения личностных интересов молодых жителей и реализуемых в городе проектов позволяет расширить границы партисипации, сформировать новый опыт и потребности общественного участия» (Антонова, Абрамова, Полякова, 2020, с. 456).

Схожие наблюдения присутствуют и в работах зарубежных авторов. Так, коллектив исследователей из Бостонского университета на материале ряда кейсов работы молодежных городских советов приходят к выводу, что вовлечение молодежи в принятие решений положительно влияет как на индивидов, так на целые молодежные сообщества (Augsberger, Collins, Howard, 2024). Аналогичным образом, Дж. Слоам и М. Хенн на примере городов Великобритании демонстрируют, что «совместное производство» властями и молодежью города проектов в области окружающей среды наиболее перспективно, так как локальный уровень (в отличие от национального, создает намного больше возможностей для того, чтобы вскоре увидеть результаты этих проектов (Sloam, Henn, 2025).

Другим важным аспектом преодоления социальной апатии молодежи выступает уже упомянутая волонтерская и благотворительная деятельность, к которой, как мы отмечали выше, она демонстрирует явный интерес. Этому вопросу посвящены исследования таких авторов как А. Зеленин, М. Яницкий, А. Селезнева, И. Мирошниченко, И. Самаркина (Мартынова и др., 2019; Самаркина, Мирошниченко, Мальцев, 2022; Селезнева, 2020; Селезнева, Антонов, 2020). Нужно сказать, что сравнительные исследования молодежной политики в России и в европейских странах демонстрируют такие отличительные особенности последней, как «развитие добровольческой и волонтерской деятельности, стимулирование работы молодежных общественных организаций, которые выступают ключевым субъектом в молодежной среде», с минимальным участием государственной власти (Баронина, Зуляр 2019, с. 49), т.е. в целом ведущую роль в реализации молодежной политики в Европе играют именно добровольческие и волонтерские общественные организации. Учитывая рассмотренную специфику текущей ситуации в России, акцент на всяческой поддержке существующих НКО в этой сфере приобретает особую значимость как способ диверсификации каналов проявления общественной активности молодежи. Однако крайне важно минимизировать государственное вмешательство в их самобытные методы работы и в целом, адаптировать подход государства к работе с этими организациями и их специфике. Так, специалисты по проблематике НКО из НИУ ВШЭ Л. Якобсон и Н. Иванова показывают, что взаимодействие государства и третьего сектора в России могло бы быть значительно более эффективным, если бы первое, в числе прочего, полнее учитывало научное знание о слабых и сильных сторонах этого сектора, нарастило поддержку инициативных инноваций НКО и разработало «надежный механизм идентификации организаций с подлинно некоммерческой мотивацией» (Якобсон, Иванова 2025, с. 91, 94).

В исследованиях, посвященных изучению этических принципов, наиболее близких поколению Z, показано, что его представители в целом тяготеют к рациональным методам взаимодействия. Например, Е. Ганьшина приходит к выводу, что они в наибольшей степени ориентированы на рациональность управления и на совместную работу в ходе встреч, обсуждений, стратегических сессий, где приводятся аргументированные мнения за и против тех или иных изменений, и что у российского поколения Z существует потребность и, соответственно, запрос на: а) честный разговор, б) рациональность убеждения, в) полноту и достоверность информации, г) совместную выработку решений (Ганьшина, 2022, с. 277). Нужно полагать, что популярность указанных видов деятельности логичным образом отражает в целом более высокий уровень ответственного и осознанного отношения к окружающей среде и людям, свойственный «поколению Z».

Исследование посвящено проблематике выработки и реализации молодежной политики на уровне мегаполиса. Цель исследования – выявление ценностных характеристик восприятия Москвы настоящего и желаемого образа ее будущего среди студенческой молодежи города с активной гражданской позицией. Концептуально работа опирается на труды Т. Парсонса, который указывал на такие функции ценностей как представления «о желаемом типе социальной системы, которые регулируют процессы принятия субъектами действия определенных обязательств» (Парсонс, 1998, с. 17). Поскольку в задачи нашего исследования не входит полноценное картирование ценностных представлений молодежи по широкому спектру вопросов, мы акцентируем внимание на подчеркиваемом Парсонсом аспекте «принятия обязательств» и сосредоточимся на выявлении наличия в ответах информантов взаимосвязей между желаемым образом будущего и шагами по его достижению («обязательствами»). Исследовательскую гипотезу мы формулируем следующим образом: наши информанты, как горожане с активной общественной позицией, выстраивают модель желаемого будущего города сквозь призму своего личного участия в его формировании и готовы принять на себя обязательства по реализации этого процесса.

Объектом анализа выступает студенческая молодежь Москвы «поколения Z» согласно теории поколений Штрауса и Хау (Howe, Strauss, 2007), с 1996 года рождения, проживающая в мегаполисе и отличающаяся активной гражданской позицией – принимающая постоянное добровольное участие в работе Студенческих парламентских клубов Москвы (СПК). Проект является одним из центральных инструментов молодежной политики Правительства Москвы в области молодежного парламентаризма. Участники проекта обучаются искусству публичных выступлений, выступают в качестве волонтеров в общественно-политической сфере. За 2024 г. в рамках проекта состоялось более 300 мероприятий (деловых игр, мастер-классов, профориентационных сессий и др.). Главными форматами стали «Лига дебатов» и «Студенческие парламентские часы», в ходе которых проходили дискуссии, питчи (защиты) общественных инициатив, встречи и диалоги с общественно-политическими деятелями. Одним из центральных направлений работы СПК является организация и обеспечение отправки гуманитарной помощи российским военнослужащим, находящимся в зоне СВО, а также мирным жителям из Курской области и новых субъектов Российской Федерации. Проект СПК реализуется ГБУ «Городской центр профессионального и карьерного развития» – подведомственным учреждением Департамента территориальных органов исполнительной власти города Москвы.

Методика эмпирического исследования включала полустандартизированные интервью с представителями молодежи – постоянно проживающими в Москве студентами 1-4 курсов – активистами СПК (N=50, зима 2024 – весна

2025) из пяти различных вузов с шести факультетов (политологии; связей с общественностью; государственное и муниципальное управление; юриспруденция; инженерный; строительный). Использована пропорциональная выборка по полу и профессиональному статусу (студенты – студенты, являющиеся молодыми специалистами). Главным критерием формирования выборки выступил отбор наиболее активных участников СПК различного возраста, присоединившихся к проекту в разное время и представляющих различные специальности, что обуславливает репрезентативность выборки.

Интервью включали как открытые, так и закрытые вопросы, а также свободную беседу на тему видения студентом своего личного будущего, а также будущего Москвы. В частности, информантам было предложено ответить на вопросы о предполагаемом городе и сфере будущей работы; сформулировать наиболее значимые задачи молодежной политики Москвы; описать своими словами образ Москвы будущего, в том числе на базе своих представлений о положительных и отрицательных чертах города. Автор опирается на компаративный, социологический и метод контент-анализа. Для выявления ключевых тем и особенностей восприятия информантами образа будущего был проведен контент-анализ корпуса текстов – ответов информантов на вопросы интервьюера, токенизация с использованием регулярных выражений, фильтрация стоп-слов и подсчет частотности лексических единиц. Визуализация результатов осуществлена для наиболее частотных лексем, что позволило выделить смысловые доминанты дискурса.

Научно-практическая ценность исследования, как представляется, состоит в том, что оно позволит выделить значимые составляющие образа Москвы настоящего и будущего в представлениях указанной социальной группы, понимание которых может представлять интерес для адаптации молодежной политики города к соответствующему социокультурному запросу.

Отвечая на первый вопрос интервью – о личных планах на будущее, абсолютное большинство информантов выразили желание остаться работать в Москве после завершения обучения (73%), что свидетельствует о высокой уверенности в широких возможностях самореализации в столице. Готовы уехать в другой город в случае получения там «хорошей работы» 15% студентов, и только 2% выразили намерение работать за рубежом (рис. 1). Абсолютное большинство опрошенных связывают свое будущее с Россией и с работой в сфере политики и управления, либо по специальности, по которой проходят обучение: *«Я заинтересовался политикой и в будущем хочу построить карьеру в политической сфере, участвуя в принятии принципиально важных решений в жизни города во всех сферах»* (М., 19 лет, юриспруденция); *«На данный момент в будущем я вижу себя высококвалифицирован-*

ным юристом. Возможно, я углублюсь в сферу интеллектуального права, т.к. люблю искусство, а оно часто соприкасается с этой отраслью права. Либо я вижу себя в роли политического деятеля, который будет решать проблемы населения» (Ж., 19 лет, юриспруденция).

Рисунок 1 – После получения образования Вы планируете жить и работать в Москве, в другом городе России, или за рубежом?¹

Затем мы предложили студентам сформулировать несколько приоритетных, на их взгляд, направлений молодежной политики г. Москвы на будущие годы. Категоризация ответов позволила выявить восемь приоритетов, которые мы делим на два уровня. Наиболее значимыми информанты назвали задачи по содействию участию молодежи в политике и управлении (52%), организацию образовательных проектов, программ по профессиональной ориентации и развитию ключевых навыков, стажировок (45%), а также поддержку собственных инициатив молодежи (40%), добровольческих инициатив и волонтерских проектов (35%). Эти направления мы относим к приоритетам первого уровня (рис. 2).

В целом, эти результаты соотносятся с рассмотренными нами выше тенденциями к ориентации студентов прежде всего на достижение профессионального статуса и получение интересной и высокооплачиваемой работы. В то же время, результаты отражают специфику нашей выборки – студентов, вовлеченных в сферу молодежного парламентаризма. Именно участие моло-

¹ Составлено автором по результатам исследования.

дежи в политике информанты упоминали чаще всего, ссылаясь на то, что в значительной своей части молодежь в отношении этой сферы «инертна»: *«Тем не менее, на сегодняшний день требуется разрабатывать систему мер по развитию культуры участия молодежи в политической системе, так как сегодня весомая часть молодежи, как мне кажется, старается абстрагироваться и дистанцироваться от публичного дискурса, решения важных общественных проблем, что может привести к укоренению негативной тенденции абсентеизма»* (М., 20 лет, юриспруденция).

Рисунок 2 – Какие главные задачи должна решать молодежная политика Москвы?¹

Ко второй категории приоритетности информанты отнесли деятельность органов власти по поддержке молодежного предпринимательства (30%), спорта и здорового образа жизни (20%), организацию досуговых, культурных и развлекательных мероприятий (15%), а также социальную поддержку нуждающейся молодежи (14%). Можно полагать, что вопросы организации досуга студенты относят к области «личного пространства», участие в котором государства возможно лишь эпизодически. Косвенно результаты свидетельствуют о том, что наши информанты скорее связывают свое будущее с работой в государственных структурах, нежели в частном секторе, тем более в качестве предпринимателя.

¹ Составлено автором по результатам исследования.

Наконец, анализ результатов интервью, в ходе которого студентам предлагалось свободно порассуждать о том, какой они видят Москву будущего, позволил заключить, что в нарративах информантов присутствуют пять ведущих линий оценки (рис. 3).

Рисунок 3 - Доминирующие нарративы: «Москва будущего – какая она?»¹

Первая линия оценки тесно связывает будущее города с будущим страны в целом. 85% информантов в своих высказываниях так или иначе связывали развитие Москвы с развитием России в целом, делая акцент на том, что социально-экономические, управленческие и технологические достижения столицы должны распространяться на всю страну и способствовать ее более равномерному развитию:

«Хотелось бы, чтобы в будущем передовые московские разработки в разных сферах дошли и до других регионов России, чтобы фраза 'Москва – не Россия' перестала быть в тренде» (Ж., 22 года, молодой специалист).

«Нужно понимать одну простую вещь, Москва и вся остальная Россия – это как два разных государства. Когда ты находишься в Москве – ты видишь красивую жизнь. Но стоит тебе отъехать на 100 км – и по всем сторонам будет однотипная серость. И особенно это чувствуется на контрасте. Если брать поликлиники в Москве, словно они находятся в Германии по уровню комфорта, транспорт, который выглядит как из будущего, словом, вся жизнь здесь совершенно непохожа на остальную. И, конечно, хотелось бы убрать этот разрыв». (М., 19 лет, политология).

¹ Составлено автором по результатам исследования.

Многие информанты вписывали этот нарратив в более широкий международный контекст:

«Наша страна переживает трудный, переломный период, который покажет, как будет жить наша страна и весь мир ближайшие десятилетия. На данный период большое внимание уделяется на вооружение, восстановление тяжелой промышленности и выход на другой уровень глобального признания и реализации идеи о нахождении компромисса с другими странами. Эти процессы очень важны, однако, помимо проблем и трудностей на внешнеполитической арене, есть и факторы внутри страны, на которые нельзя закрыть глаза: вопрос социально-экономического разрыва между крупными городами и регионами, вопрос производства товаров (медицина, транспорт, технологии), инфраструктуры. Нельзя сказать, что эти проблемы не решаются, однако они нуждаются в решениях» (М., 19 лет, политология).

Некоторые даже проводили прямое сравнение развитие России и других стран, ставя на первый план нематериальный (ценностный) аспект:

«Важно понимать, что мы живем в стране, где, как мне кажется, пропагандируются правильные ценности. Сравнивая нашу систему с западной, можно увидеть как сходства, так и отличия. Я убежден, что необходимо перенимать только лучшее из зарубежного опыта, избегая чужих ошибок. Ведь, как говорится, умный учится на чужих ошибках, но бесценный опыт приходит через собственные выводы и развитие» (М., 19 лет, инженерный).

Вторая линия оценки связана с различными характеристиками Москвы как города, комфортного для жизни. Этот нарратив присутствовал в высказываниях 80% студентов. Обсуждая вопросы удобства для жизни, информанты чаще всего ставили на первое место возможности для личного развития как профессионала, для строительства карьеры.

«Колоссальное количество возможностей реализации себя в Москве, особенно через молодежные проекты, благодаря которым каждый может построить карьеру как в политических институтах города, так и в других сферах, интересны каждому. Благодаря таким проектам я заинтересовался политикой и в будущем хочу построить карьеру в политической сфере, участвуя в принятии принципиально важных решений в жизни города во всех сферах» (М., 19 лет, юриспруденция).

«В Москве я живу уже второй год и понимаю, что это действительно «Лучший город Земли». Столица нашей страны дает много возможностей для самореализации, что очень ценно для молодых людей. Многообразие выставок, мероприятий позволяет всесторонне развиваться и понять, что тебе действительно интересно». (Ж, 19 лет, юриспруденция).

«Колоссальное количество возможностей реализации себя в Москве, особенно через молодежные проекты, благодаря которым каждый может построить карьеру как в политических институтах города, так и в других сферах, интересны каждому. Благодаря таким проектам я заинтересовался политикой и в будущем хочу построить карьеру в политической сфере, участвуя в принятии принципиально важных решений в жизни города во всех сферах». (М., 19 лет, юриспруденция).

На втором месте – инфраструктура, социальная сфера, разнообразие возможностей для досуга:

«Для меня Москва очень комфортный город для проживания, транспорт, инфраструктура, медицина. Москва создает прекрасные условия для развития, возможностей профессионального роста и хорошего уровня образования. Столица постоянно стремится развиваться дальше и больше и это прекрасно получается, подавая пример другим городам, в том числе за границей». (М., 19 лет, политология).

«Еще один бесспорный плюс развития Москвы - инфраструктура. Я много путешествовала, но ни в одной стране и ни в одном городе не было такого транспортного удобства. Все понятно – указатели, информация на остановках, вывески в метро, схемы, часто ходящий транспорт. Не нужно ждать поезда в метро по полчаса». (Ж., 21 год, связи с общественностью).

Несмотря на преобладание положительных оценок, информантами высказывались и различные опасения относительно будущего столицы: главные из них связаны с перегруженностью города, сокращением зеленых насаждений:

«Свое будущее я вижу счастливым и радостным, ведь после переезда в город Москва я заряжаюсь исключительно положительными эмоциями и стремлением к чему-то большему. Благо этот город позволяет воплотить все желания в жизнь. Однако есть опасения, что Москва рано или поздно превратится в город, в котором невозможно жить из-за перегруженности. Вспоминая строящийся ЖК Бадаевский, становится страшно. Неужели в Москве будут использовать каждый клочок земли для извлечения прибыли и каждое красивое место, где приятно просто погулять или насладится архитектурой, застроят вторыми этажами из безжизненных офисов и жилых комплексов». (М., 17 лет, строительный).

Значимой ценностью в контексте нарратива выступает защита государством интересов личности. Образ будущего осмысливается информантами с опорой на сильную государственную власть, которая заботится о гражданах страны:

«Я вижу свое будущее только в России, и всегда так считала, в особенности, в последнее время замечаю, как тяжело живется эмигрантам-релокантам в

абсолютно разных странах мира, ведь только твое государство, только такая сильная страна, как Россия, сможет защитить тебя и твои интересы» (Ж., 22 года, молодой специалист).

«Я надеюсь, что политика по устройству Москвы будет такой же, как и сейчас – направленной на людей» (М., 18 лет, государственное и муниципальное управление).

Третья линия нарративов, очевидно, определяется собственной активной гражданской позицией информантов и связана с рассуждениями о роли гражданина в жизни своего города и страны. В ответах 75% информантов присутствует категория ответственности как готовности принять действенное участие в тех или иных социально-экономических и политических процессах. В данном контексте наши информанты говорили как о ситуации в обществе в целом, так и о себе лично:

«Будущее Москвы я вижу в решительных, ответственных и деятельных людях. Главное в жизни – это уметь выполнять свои обещания и обязанности». (М., 20 лет, строительный).

«Я вижу будущее своей Москвы, своей страны и России таким, в котором мы будем активно решать актуальные проблемы каждого гражданина. К сожалению, часто можно наблюдать, как люди перекладывают ответственность на других. Они говорят, что в их районе, например, в Москве, жизнь сложна из-за действий или бездействия депутатов, из-за недостаточного внимания властей или несправедливости системы. Однако, на мой взгляд, ключ к изменениям – это личная ответственность. Если каждый житель будет стремиться улучшить свое окружение, то в результате изменится не только отдельный район, но и весь город, а затем и страна. Люди будут вдохновляться примерами друг друга, и это создаст цепную реакцию позитивных изменений» (М., 19 лет, инженерный).

Из ответов можно заключить, что ряд информантов фиксируют значительную «социальную апатию» и не готовы мириться с ней:

«На сегодняшний день требуется разрабатывать систему мер по развитию культуры участия молодежи в политической системе, так как сегодня весомая часть молодежи, как мне кажется, старается абстрагироваться и дистанцироваться от публичного дискурса, решения важных общественных проблем, что может привести к укоренению негативной тенденции абсентеизма». (М., 20 лет, юриспруденция).

«Если искать, можно найти возможности, пожалуй, в любой сфере. Другой вопрос в том, почему не каждый по итогу ищет. Вызывает отвращение именно та прослойка недовольных лиц... чья жизнь строится на возмущении».

щении ко всему, однако менять для этого что-то они не хотят». (М., 20 лет, строительный).

«В Москве и в России в целом стоит начинать решение проблем с себя. Вместо того чтобы искать виноватых, лучше задуматься, как можно повлиять на ситуацию самостоятельно, изменить жизнь своих близких и улучшить окружающий мир. Ведь только через личную ответственность и осознанные действия мы можем прийти к светлому будущему» (М., 19 лет, инженерный).

Наконец, четвертая линия нарративов (упомянули 70% информантов) тесно связывает развитие Москвы и России с развитием сферы высоких технологий:

«Я люблю Россию и больше всего на свете хочу развивать ее. Я хочу, чтобы наша страна росла во всех сферах, особенно в электронике. Мы очень много технологий берем из других стран, мы привыкли к тому, что у нас все есть и не хотим развивать сами эту отрасль, как и другие отрасли. Советское время оставило нам большое наследство, но мы его потеряли, мы все продали, лишь бы получать товар из-за границы и продавать у нас по дорожке. Мы потеряли не только технологии, но и людей, которые создают эти технологии. Светлые умы покидают нашу страну, ведь не могут развиваться в ней, а наши технологии продаются. Создают так называемые 'российские' продукты, полностью собранные из заграничных деталей, и как это развивает нас, если мы просто на чужие детали лепим наклейку 'сделано в России'. Я хочу начинать развиваться внутри страны, хочу, чтобы создавались полностью наши технологии. Я не говорю, что плохо пользоваться чужими технологиями, я говорю, что мы из-за этого перестаем развиваться внутри страны. Да, на все нужно время, и пусть не через год, и даже не через два, но через несколько десятилетий мы сможем противостоять великими мастодонтам, и нашей техникой будут пользоваться во всем мире, только этом надо заниматься. Надо провести очень много реформ, чтобы люди начали работать на нашу страну, а не на быстрые деньги». (Ж., 20 лет, инженерный).

В этом контексте информанты также указывали на важность повышения эффективности управления:

«Я бы хотел, чтобы больше усилий вкладывалось в отечественные технологии и строго контролировалось распределение бюджетных средств. Мне очень нравится, как эффективна наша банковская система например, а есть сферы, в которых потенциально мы могли бы достичь большого роста, но в силу некоторых обстоятельств и недостатка контроля прогресс стагнирует». (М., 20 лет, строительный).

Частотный анализ материалов интервью позволил выявить смысловые доминанты дискурса, прежде всего «развитие», «Россия», «технологии», «ре-

гионы», «ответственность», «потенциал». Частотность лексем фиксирует основные направления рефлексии информантов, их нацеленность на концептуализацию проблем, стоящих перед городом и страной. Абсолютным лидером по числу упоминаний стало «развитие», которое часто употребляется вместе с лексемами «будущее» и «потенциал»: этот лейтмотив звучит у информантов прежде всего в контексте того, что Россия имеет значительные возможности для развития, которые, однако, часто реализуются неэффективно.

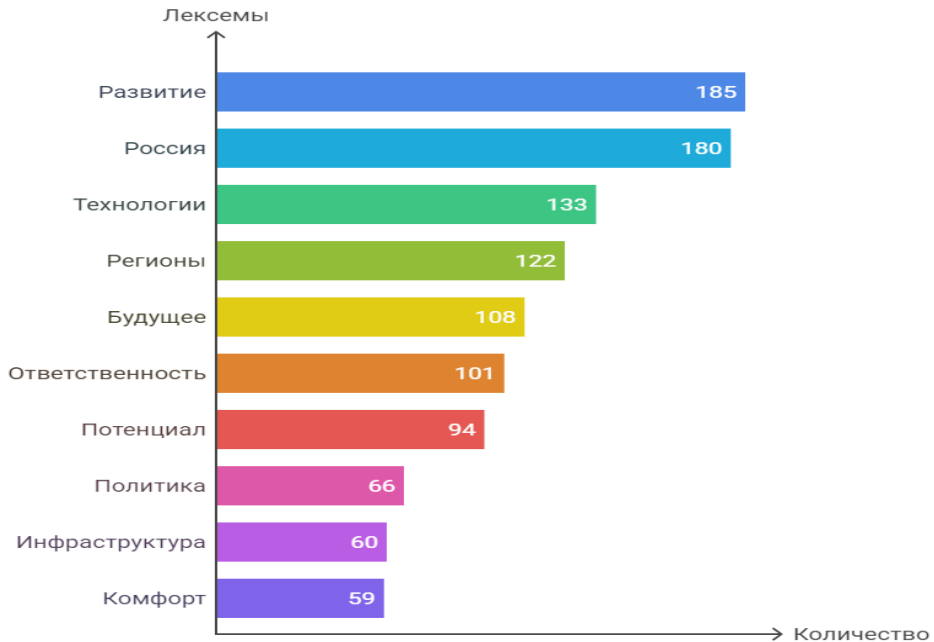

Рисунок 4 – Результаты частотного анализа ответов на вопрос об образе будущего Москвы

Примечательно, что студенты младших курсов (1-2 курс) на 37% чаще используют лексику, связанную с личными амбициями («карьера», «самореализация», «проекты»), тогда как старшекурсники (3-4 курс) в 53% случаев оперируют понятиями системного уровня («промышленность», «демография», «бюджет»). Это может свидетельствовать об эволюции восприятия социально-экономических процессов в процессе обучения.

В отличие от исследований установок молодежи России, которые фиксируют в качестве одного из главных нарративов «отсутствие будущего», личный опыт разрушения и утраты надежд, драматического переживания событий (Нартова, 2023, с. 99), ни один из наших информантов не выразил таких

настроений – более того, в ряде ответов прозвучало осуждение подобной жизненной позиции (*«Вызывает отвращение именно та прослойка недовольных лиц... чья жизнь строится на возмущении ко всему, однако менять для этого что-то они не хотят»*. М., 20 лет, строительный) и, в целом, «безответственного» и апатичного отношения к жизни. В оценках студентов не содержалось лексем, которые бы указывали на невозможность изменений – напротив, преобладали такие термины как «развитие», «будущее» и «потенциал». Ни один из наших информантов не говорил об отсутствии перспектив или невозможности изменений, а многие студенты приступили к рассуждению о конкретных путях достижения желаемого образа будущего.

Выводы нашего исследования подтверждают тезис Е. Шестопал и коллег о том, что для молодежи Москвы характерны более позитивные оценки российской культуры, включенности в мировое сообщество (Шестопал, Смутькина, Морозикова, 2019). Также наши выводы во многом перекликаются с результатами исследования образа идеальной России в сознании студенческой молодежи (Будко, Лукьянова 2019). Наши информанты нарисовали образ сильной страны (а также процветающего города), однако не возлагали все ожидания на государство, а особо подчеркнули важность чувства личной ответственности гражданина за развитие города и страны. Нужно сказать, что проблематика ответственности применительно к развитию России и ее городов поднимается некоторыми отечественными авторами, даже сформулировано понятие «политики ответственного городского развития», которая предусматривает, например, «формирование культуры ответственности за происходящее в городе и культуры участия в городских делах путем развития волонтерского движения, экологических организаций и защиты архитектурного наследия, сохранения исторических памятников и традиций города; реализации образовательных проектов, способствующих лучшему пониманию жителями городских процессов, культуре диалога и сотворчества» (Бардин, Пантин 2024, с. 116). Таким образом, представляется важным учесть запрос студенческой молодежи на ответственное развитие в будущих проектах развития Москвы. Из результатов нашего исследования можно также сделать вывод о высоком уровне гражданской культуры опрошенных студентов; тем самым, подтвердилась исследовательская гипотеза о том, что активная общественная позиция информантов выступает для них драйвером личного участия в развитии города и принятия личной ответственности в этом процессе. Гражданскую культуру как разновидность социального капитала выделял, например, Леонид Полищук, который определял ее как «наличие у людей чувства сопричастности к общественным делам и личной от-

ветственности за положение дел в обществе» и обосновывал ее положительный вклад для развития городов¹.

В контексте личного развития, на первом месте для информантов оказались возможности для карьеры и профессионального развития, которые предоставляет им столица, на втором – социальная сфера и инфраструктура. Примечательно, что для абсолютного большинства информантов оказались принципиально важными более равномерное развитие страны в целом, ликвидация чрезмерного разрыва в уровне жизни и качестве инфраструктуры между Москвой и другими городами, а также вопросы развития Россией собственной мощной сферы высоких технологий и экологии. В этой связи полагаем перспективными направлениями развития молодежной политики Москвы, во-первых, расширение круга организационных инструментов, которые позволяют принять участие в развитии не только столицы, но и других городов – например, в формате выезда групп активистов молодежных движений в другие регионы для участия в «мозговых штурмах», волонтерских проектах, идеатонах. Учитывая запрос студентов на поддержку различных собственных инициатив молодежи со стороны города, уместно рассмотреть возможность учреждения новых грантов или премий, которые бы присуждались лучшим инициативным проектам – например, в той же экологической сфере – для их апробации на практике. Например, в рамках уже действующего московского городского конкурса «Грани развития», который реализуется Департаментом территориальных органов исполнительной власти города Москвы и Университетом Правительства Москвы.

Во-вторых, расширение технологической инфраструктуры города, доступной для использования молодежью: в советское время это были прежде всего различные кружки, например авиамоделистов, сегодня это детские и юношеские технопарки и лаборатории. Важно, чтобы студенты, заинтересованные, например, в робототехнике, имели возможность работать в таких лабораториях под руководством опытных наставников, пробовать свои силы в практических проектах. Доступность такой инфраструктуры совместного пользования, на базе которой возможно накопление личного опыта создания технического устройства путем проб и ошибок – крайне важный фактор реализации студентами своей заинтересованности в технологическом развитии России.

В-третьих, опрошенные нами студенты посчитали важным, чтобы город предоставлял молодежи более широкие возможности для участия в политике, а также различные программы в области образования, профессиональной ориентации, приобретения навыков для работы в конкретной отрасли. Правительством Москвы уже реализуется ряд проектов в сфере молодежного парламента-

¹ «Бондинг» и «бриджинг» социального капитала. НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/news/science/27404804.html>.

ризма, такие как «Молодежный парламент», СПК, «Школа дебатов» и «Школа ораторов», образовательный проект «Мастерская знаний», действует система стажировок, менторских сессий с экспертами. Возможным направлением дальнейшей адаптации молодежной политики к запросам студентом полагаем формирование совместных проектов Москвы с другими городами России, в рамках которых было бы возможно приобретение студентами практического опыта политики «на местах», навыков работы в региональных политических командах.

Рассуждая о Москве будущего, большинство информантов положительно оценили вектор развития столицы, однако выразили опасение чрезмерной перегруженностью города и темпами его коммерциализации. Этот аспект созвучен выводам исследования (Лисовская, Андреева, Соловьева, 2025) о том, что для молодежи важно наличие в городе «бесплатных» пространств, где можно собраться, не оказавшись под ударом критики или финансового давления (отсюда популярность торговых центров). Представляется, что учет этого запроса в политике города может выражаться в избегании чрезмерного контроля над рядом общественных пространств: например, если определенная локация становится излюбленным местом сбора молодежи, по возможности желательно сохранить ее в этом качестве, соблюдая разумный баланс между обеспечением безопасности и правом молодежи на «присвоение» такого пространства. Яркий пример такой практики из сферы урбанистики – сохранение так называемых «козьих троп» – тропинок, которые протоптаны самими жителями как наиболее удобные пути. Безусловно, это возможно далеко не всегда, тем более в столице, однако без хотя бы точечной легитимации таких пространств город рискует перестать быть «живым» и превратиться в музей, где «руками ничего трогать нельзя».

Исследование научного дискурса и эмпирическое исследование позволяют заключить, что для адаптации молодежной политики Москвы с целью повышения ее эффективности важно скорректировать взаимодействие Правительства Москвы с добровольческими и волонтерскими общественными организациями – провести более детальный анализ их деятельности и выработать новые схемы их работы. Важно, с одной стороны, минимизировать вмешательство государства в их подходы, а с другой, адаптировать подход государства к работе с этими организациями к их специфике. Это позволит намного результативнее раскрыть их потенциал и, учитывая популярность таких организаций среди молодежи, расширить возможности ее вовлечения в общественную жизнь города и страны.

Подчеркнем, что при коммуникации с молодежью поколения Z важно избегать расплывчатых или общих формулировок, а также «указаний сверху», учитывая ее запрос на честный разговор, рациональность убеждения, полноту и достоверность информации, совместную выработку решений. Эти принципы,

наряду с обозначенными нами в самом начале такими принципами как гибкость, адаптивность, системность и последовательность, а также крайне значимым для самой молодежи принципом ответственности, как представляется, и должны лежать в основе современной молодежной политики.

Литература

Augsberger, A., Collins, M.E., & Howard, R.C. (2024). The global context of youth engagement: A scoping review of youth councils in municipal government. *Children and Youth Services Review*, 156(C). <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2023.107349>.

Bessant, J. (2021). *Making-Up People: Youth, Truth and Politics*. London: Routledge.

Howe, N., & Strauss, W. (2007). The Next 20 Years: How Customer and Workforce Attitudes Will Evolve. *Harvard Business Review*, 85(7-8), 47-52.

Inglehart, R. (1997). *Postmodernity: Changing Values and Changing Societies*. *Polis. Political Studies*, 4, 6.

Parsons, T. (1998). *The system of modern societies*. M.S. Kovaleva (ed.). Moscow: Aspect-Press.

Pickard, S. (2022). Young environmental activists and Do-It-Ourselves (DIO) politics: collective engagement, generational agency, efficacy, belonging and hope. *Journal of Youth Studies*, 25(6), 730-750. <https://doi.org/10.1080/13676261.2022.2046258>.

Sloam, J., & Henn, M. (2025). How young people can shape environmental policy in urban spaces. *Policy and Politics*, 53(1), 65-86. <https://doi.org/10.1332/03055736Y2024D000000039>.

Антонова, Н. Л., Абрамова, С. Б., Полякова, В. В. (2020). Право на город: повседневные практики молодежи и партисипация в производстве городского пространства. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3, 443-462. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1597>.

Бардин, А. Л., Пантин, В. И. (2024). Политика ответственного городского развития: критерии, субъекты, перспективы. *Полис. Политические исследования*, 5, 102-120. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.05.07>.

Баронина, А. А., Зуляр, Р. Ю. (2019). Реализация государственной молодежной политики на современном этапе в странах Европы. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*, 30, 40-53. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2019.30.40>.

Будко, Д. А., Лукьянова, Г. В. (2019). Образ идеальной России в сознании студенческой молодежи. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 21(2), 184-194. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-2-184-194>.

Великая, Н. М., Ирсетская, Е. А. (2024). Идеологические основания конструирования образа будущего в сознании современной студенческой молодежи. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*, 24(2), 414-429. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2024-24-2-414-429>.

Ганьшина, Е. Ю. (2022). Какие методы работы с организационными изменениями поколение Z считает наиболее эффективными: взгляд на перспективу. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 1, 263-281. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.1928>.

Гуреева, А. Н., Аникина, М. Е., Муронец, О. В., Самородова, Э. В. (2021). К вопросу об общественнополитических ценностях российской молодежи: медиацентрич-

ный подход. Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика, 5, 51-73. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.5.2021.5173>

Зеленин, А. А. (2012). Региональный молодежный парламент как механизм социального лифта в современной российской политике. Вестник Кемеровского государственного университета, 2(50), 85-90.

Лисовская, И. В., Андреева, А. С., Соловьева, Н. С. (2025). «Наша задача – привлечь как можно больше молодежи просто для того, чтобы занять ее время»: модели развития ниш агентности субъектов молодежной политики в регионах Северо-Запада России. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 1, 83-106. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2532>.

Лиханова, Т. Ю. (2024). Жизненные ориентиры и ценности современной студенческой молодежи в условиях социокультурной трансформации российского общества (по результатам социологического опроса). Социально-политические науки, 14(6), 39-45. <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2024-14-6-39-45>.

Мартынова, Т. Н., Яницкий, М. С., Зеленин, А. А., Пфетцер, С. А. (2019). Добровольческая деятельность как форма социальной и гражданской активности студенческой молодежи. Профессиональное образование в России и за рубежом, 1(33), 160-167.

Нартова, Н. А. (2023). Индивидуальное и поколенческое будущее в нарративах петербургской молодежи. Социологические исследования, 7, 93-104. <https://doi.org/10.31857/S013216250024233-9>.

Парсонс, Т. (1998). Система современных обществ. Под ред. М.С. Ковалевой. М.: Аспект-Пресс.

Рогочая, Г. П. (2024). Политические ценностные ориентации поколений X и Z в контексте теории поколений. Социально-политические исследования, 1(22), 21-37. <https://doi.org/10.20323/2658-428X-2024-1-22-21>.

Самаркина, И. В., Колозов, Д. П. (2023). Дискурс консолидации российского общества и политические ценности молодежи. Южно-российский журнал социальных наук, 24(1), 78-94. <https://doi.org/10.31429/26190567-24-1-94>.

Самаркина, И. В., Мирошниченко, И. В., Мальцев, С. С. (2022). Лидеры и ведомые: молодежная политика в представлениях ее участников на примере Краснодарского края. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология, 24(4), 856-882. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-856-882>.

Селезнева, А. В. (2020). Политические ценности российской молодежи: социокультурные особенности и идентификационный потенциал. Общество. Коммуникация. Образование, 11(3), 20-32. <https://doi.org/10.18721/JHSS.11302>

Селезнева, А. В., Антонов, Д. Е. (2020). Ценностные основания гражданского самосознания российской молодежи. Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология, 58, 227-241. <https://doi.org/10.17223/1998863X/58/21>.

Токарев, А. А. (2024). Массовое сознание российской молодежи: образ будущего. Полис. Политические исследования, 6, 154-169. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.06.11>.

Устинкин, С. В., Никитина, А. В. (2024). Проблема доверия молодежи к общественным и государственным институтам в контексте обеспечения национальной безопасности в условиях проведения специальной военной операции (региональный аспект). Нижний Новгород: НГЛУ. 374 с.

Хайнацкая, Т. И. (2023). Экологическая идентичность. Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля. Под ред. И. С. Семененко. М.: «Весь мир». С. 338-349.

Шестопап, Е. Б., Смулькина, Н. В., Морозикова, И. В. (2019). Сравнительный анализ образов своей страны у жителей российских регионов. Сравнительная политика, 3, 74-94. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2019-10031>.

Якобсон, Л. И., Иванова, Н. В. (2025). Понимать, чтобы взаимодействовать: специфика НКО и политика межсекторного сотрудничества. Полис. Политические исследования, 1, 88-100. <https://doi.org/10.17976/jpps/2025.01.07>.

Яницкий, М. С., Серый, А. В., Браун, О. А. (2019). Система ценностных ориентаций «поколения Z»: социальные, культурные и демографические детерминанты. Сибирский психологический журнал, 72, 46-67. <https://doi.org/10.17223/17267080/72/3>.

References

Augsberger, A., Collins, M. E., & Howard, R. C. (2024). The global context of youth engagement: A scoping review of youth councils in municipal government. *Children and Youth Services Review*, 156(C), 107349. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2023.107349>.

Bessant, J. (2021). *Making-up people: Youth, truth and politics*. Routledge.

Howe, N., & Strauss, W. (2007). The next 20 years: How customer and workforce attitudes will evolve. *Harvard Business Review*, 85(7-8), 47-52.

Inglehart, R. (1997). Postmodernity: Changing values and changing societies. *Polis. Political Studies*, 4, 6. (In Russ).

Parsons, T. (1998). *The system of modern societies* (M. S. Kovaleva, Ed.). Aspect-Press. (In Russ).

Pickard, S. (2022). Young environmental activists and Do-It-Ourselves (DIO) politics: Collective engagement, generational agency, efficacy, belonging and hope. *Journal of Youth Studies*, 25(6), 730-750. <https://doi.org/10.1080/13676261.2022.2046258>.

Sloam, J., & Henn, M. (2025). How young people can shape environmental policy in urban spaces. *Policy and Politics*, 53(1), 65-86. <https://doi.org/10.1332/03055736Y2024D000000039>.

Antonova, N. L., Abramova, S. B., & Polyakova, V. V. (2020). Pravo na gorod: povsednevnye praktiki molodezhi i partnersipatsiya v proizvodstve gorodskogo prostranstva [Right to the city: Everyday practices of youth and participation in urban space production]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 3, 443-462. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1597> (In Russ)

Bardin, A. L., & Pantin, V. I. (2024). Politika otvetstvennogo gorodskogo razvitiya: kriterii, sub"ekty, perspektivy [Policy of responsible urban development: Criteria, actors, prospects]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 5, 102-120. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.05.07> (In Russ).

Baronina, A. A., & Zulyar, R. Yu. (2019). Realizatsiya gosudarstvennoy molodezhnoy politiki na sovremennom etape v stranakh Evropy [Implementation of state youth policy at the present stage in European countries]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*, 30, 40-53. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2019.30.40> (In Russ).

Budko, D. A., & Lukyanova, G. V. (2019). Obraz ideal'noy Rossii v soznanii studentcheskoy molodezhi [The image of ideal Russia in the minds of student youth]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*, 21(2), 184-194. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-2-184-194> (In Russ).

Ganshina, E. Yu. (2022). Kakie metody raboty s organizatsionnymi izmeneniyami pokolenie Z schitaet naibolee effektivnymi: vzglyad na perspektivu [What methods of working with organizational changes generation Z considers most effective: A perspective

view]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 1, 263-281. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.1928> (In Russ)

Lisovskaya, I. V., Andreeva, A. S., & Solovyeva, N. S. (2025). "Nasha zadacha - zavlech' kak mozhno bol'she molodezhi prosto dlya togo, chtoby zanyat' ee vremya": modeli razvitiya nish agentnosti sub"ektov molodezhnoy politiki v regionakh Severo-Zapada Rossii ["Our task is to attract as many young people as possible just to occupy their time": Models of agency niche development for youth policy actors in Northwestern Russia]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 1, 83-106. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2532> (In Russ)

Samarkina, I. V., & Kolozov, D. P. (2023). Diskurs konsolidatsii rossiyskogo obshchestva i politicheskie tsennosti molodezhi [Discourse of Russian society consolidation and political values of youth]. **Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk*, 24*(1), 78-94. <https://doi.org/10.31429/26190567-24-1-94> (In Russ)

Shestopal, E. B., Smulkina, N. V., & Morozikova, I. V. (2019). Sravnitel'nyy analiz obrazov svooy strany u zhiteley rossiyskikh regionov [Comparative analysis of images of their country among residents of Russian regions]. *Sravnitel'naya politika*, 3, 74-94. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2019-10031> (In Russ)

Yanitsky, M. S., Sery, A. V., & Braun, O. A. (2019). Sistema tsennostnykh orientatsiy "pokoleniya Z": sotsial'nye, kul'turnye i demograficheskie determinanty [Value orientation system of "Generation Z": Social, cultural and demographic determinants]. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal*, 72, 46-67. <https://doi.org/10.17223/17267080/72/3> (In Russ)

А.А. Атаманенко

A. Atamanenko

КОМИКС КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ О БУДУЩЕМ*

COMICS AS A TOOL FOR SHAPING RUSSIAN YOUTH'S PERCEPTIONS OF THE FUTURE

Аннотация

Массовая культура служит важным каналом формирования общественно-политических смыслов, особенно среди молодежи, предоставляя образы и аналогии, которые интегрируются в социальное мышление и воображение. Цель исследования заключается в изучении потенциала комиксной формы как инструмента политического мышления и воображения в молодежной среде. Методологически автор опирается на исследования комиксов и дискурсивный анализ как основные интерпретативные рамки исследования. Эмпирическая часть базируется на анализе данных всероссийского опроса 1308 респондентов (18–35 лет), где изучались предпочтения в создании культурных артефактов о будущем. Результаты демонстрируют, что комикс как форма артефакта выбрали лишь 3% опрошенных (47 человек), преимущественно женщины (80%) и лица до 26 лет. Жанры варьируются: комедия (29%), фантастика (17%), антиутопия и роман (по 10%). Посылы чаще позитивны, сюжеты опираются на личный опыт или существующие произведения, с четким разделением добра и зла. Концовки распределяются так: открытые (38%), счастливые (36%), трагические (21%), что отражает неопределенность или оптимизм в восприятии будущего. Выводы автора свидетельствуют о низкой популярности комиксов среди молодежи для выражения образа будущего, что связано с культурными предубеждениями. Однако комиксы обладают потенциалом как медиаторы смыслов и платформа для творчества, предлагая уникальные формы мышления и сюжеты, что требует дальнейшего изучения.

Abstract

Mass culture serves as an important channel for the formation of socio-political meanings, especially among young people, providing images and analogies that are integrated into social thinking and imagination. The purpose of the study is to explore the potential of the comic book form as a tool for political thinking and imagination in the youth environment. Methodologically, the author relies on comic book research and discourse analysis as the main interpretive frameworks of the study. The empirical part is based on the analysis of data from an all-Russian survey of 1308 respondents (aged 18–35), where preferences in creating cultural artifacts about the future were studied. The results demonstrate that only 3% of respondents (47 people) chose comics as a form of artifact, predominantly women (80%) and individuals under 26 years old. Genres vary: comedy (29%), science fiction (17%), dystopia and romance (10% each). The messages are mostly positive, the plots are based on personal experience or existing works, with a clear division between good and evil. Endings are distributed as follows: open (38%), happy (36%), tragic (21%), which reflects uncertainty or optimism in the perception of the future. The author's conclusions indicate the low popularity of comics among young people for expressing the image of the future, which is associated with cultural prejudices. However, comics have potential as mediators of meaning and a platform for creativity, offering unique forms of thinking and plots, which requires further study.

Ключевые слова:

массовая культура, комикс-культура, образ будущего, молодежь, всероссийский опрос, проективные методы, идеологическая проекция власти.

Key words:

mass culture, comic culture, image of the future, youth, nationwide survey, projective methods, ideological projection of power.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-2-98-108>

Массовая культура является одним из важных каналов медиации общественно-политических смыслов, особенно для молодежной аудитории. Образы и аналогии, формируемые в рамках художественных произведений, становятся частью социального мышления и воображения целевой аудитории. При этом внутри этой аудитории можно выделить различные сегменты, отличающиеся по своим ключевым характеристикам, в том числе в аспекте предпочитаемых форм ознакомления с массовой культурой.

Изучение функционирования политических образов, основанных на произведениях массовой культуры, уже имеет свою традицию. Можно выделить два основных направления: условно содержательное, предполагающее интерпретацию самих культурных единиц с точки зрения социальной и политической теории, и социологическое, в рамках которого исследователи изучают предпочтения аудитории и степень влияния массовой культуры на стиль мышления и принимаемые респондентами значимые решения. К первому направлению можем отнести работы А. Юсева (Юсев, 2017), П. Родькина (Родькин, 2018), С. Черняховского (Черняховский, 2023), А. Павлова (Павлов, 2022) и др. Такого рода тексты часто сочетают искусствоведческое или киноведческое описание с элементами социально-политического комментирования, делая свои работы принципиально междисциплинарными. Есть и работы, для которых первична именно политологическая оптика, а рассмотрение художественных произведений является наблюдением за частными случаями общественно-политических процессов. Социологическое же направление фокусируется на проведение опросов и интервью с целью установить созидательные возможности образов, основанных на произведениях массовой культуры (или ее отсутствие). В данном случае показательными становятся материалы И. Кузнецова, С. Белова, М. Вантеевского, Ю. Петровой и др. (Белов, Вантеевский, Ярошева, 2023; Кузнецов, Куликова, Петрова, 2023). В таком измерении авторы ориентируются на тот образный фонд, который формируется самим респондентами. В лонгитюдных исследованиях это позволяет сравнивать динамику типичных образов, их образование или наоборот уход из семантического поля активного использования. Именно социологическое направление исследований массовой культуры становится для нас наиболее приемлемым, когда мы хотим разобраться в том, какие люди вообще ориентируются на массовую культуру и от чего зависят их вкусы и предпочтения.

В исследовании мы обратимся к вопросу о том, какой потенциал комиксной формы для политического мышления и воображения мы можем обнаружить в молодежной среде. Можно опереться на определение комикса, сформулированное художником и исследователем С. МакКлаудом – это последовательность изображений и текста, рассказывающих историю и рассчитывающих на эмоциональный и/или эстетический отклик аудитории (МакКлауд, 2016). По своим морфологическим и содержательным характеристикам комикс однозначно может являться политическим медиатором. Это показывают в том числе исследования Д. Дмитриевой (Дмитриева, 2015) и Н. Цыркун (Цыркун, 2020), рассматривающие комикс-культуру в исторических, культурных и политических контекстах. Для нас важным концептом становится выделенное Н. Цыркун «комиксное мышление» – набор установок и особенностей, при помощи которых комикс осмысляет сам себя и окружающую действительность. К нему относятся следующие отличительные черты: саморефлексивность, амбивалентность, смешение жанровых форм и гибридность. Комплиментарным к этой идее становится принцип, ранее выделенный американским исследователем

Т. Вандтке. Его формулировка звучит как «Усиление через упрощение» (Amplification through Simplification) (Wandtke, 2012). Этот принцип означает, что комикс в любом случае упрощает репрезентируемую социальную реальность в угоду создания более ярких и эмоциональных образов, которые проще и увереннее воспринимаются основной аудиторией. К. Вустер отмечает, что комикс является одной из новых привлекательных форм современной политической коммуникации, его часто недооценивают в политическом измерении. Форма комикса позволяет работать с мультимодальными посланиями, более ярко формируя политическое сообщение (Worcester, 2017). При этом не стоит считать комикс низким искусством. Его форма делает его еще одним форматом социального общения или «политическим языком», пользуясь терминологией представителей Кембриджской школы интеллектуальной истории. С точки зрения своей интенциональности, упрощенные комиксные образы становятся очень явными выразителями авторских намерений. Формулируя основной вопрос («Что хотел сделать автор, создавая и публикуя свой текст?»), через яркие образы мы сможем с гораздо более высокой вероятностью выстроить интенциональный контекст и реконструировать логику. Привлечение дополнительных источников, интервью и толкований, при их наличии делает эту задачу еще более технической (Скиннер, 2022).

Важно отметить, что локализация рассматриваемых нами явлений в политическом пространстве происходит в идеологической проекции власти согласно общей ИЭВП-модели М. Манна (Манн, 2019). Данная проекция предполагает все взаимодействия между людьми, предполагающими создание нематериальных идей, касающихся власти, а также их распространение

и контроль над ними. В широком смысле можно говорить о формировании политической картины мира при помощи культурных артефактов-носителей. Эта локализация должна обратить наше внимание именно на содержание рассматриваемых явлений, а не на их форму или эстетические характеристики. Используя эти методологические границы, мы можем перейти к рассмотрению нашего эмпирического материала.

В нашем случае мы обратимся к всероссийскому молодежному опросу, охватившему 1308 респондентов возрастом от 18 до 35 во всех Федеральных округах Российской Федерации. В рамках нашего исследования мы сосредоточимся на следующей линейке вопросов:

Представьте, что Вы создаете артефакт культуры о своем будущем. Вы решили снять фильм или сериал / писать книгу или комикс / делать видеоигру / записать альбом из музыкальных треков или написать одну и снять сопутствующий клип. Как бы это выглядело? Какой бы был сюжет? Жанр? Какую мысль Вы бы хотели донести до Ваших зрителей? Далее Вам предлагается ответить на ряд вопросов, раскрывающих Вашу задумку:

- Артефакт культуры (Закрытый вопрос: Книга, Комикс, Музыкальный альбом, Музыкальный клип, Фильм, Сериал, Видеоигра, Другое);

- жанр (Закрытый вопрос: Комедия, Трагедия, Драма, Мелодрама, Фантастика, Утопия, Антиутопия, Ужасы, Детектив, Триллер / боевик, Мюзикл, Балет, Опера, Роман, Повесть, Сказка, Притча, Академическая музыка, Народная музыка, Поп-музыка, Рок, Рэп, Джаз, Блюз, Метал, Электронная музыка, Шутеры, Стратегии, Role play gaming (RPG), Action/adventure (бродилки, Симуляторы, Головоломки, Другое);

- длительность / размер (Открытый вопрос);

- посыл (Открытый вопрос);

- содержание (Открытый вопрос);

- концовка (Закрытый вопрос: Счастливый конец (happyend), Трагический конец, Открытый финал, Другое).

Из 1308 респондентов в вопросе «Артефакт культуры» вариант «Комикс» выбрали 47 человек, что составляет 3% респондентов. Можно говорить о том, что комикс как форма собственного творчества пока что воспринимается представителями молодежи как неочевидная и далеко не самая популярная. Среди ответивших так респондентов 80% представительниц женского, 20% – мужского. В рамках данных опроса можем предположить, что комиксные формы творчества по эстетическим причинам оказываются ближе девушкам. Среди респондентов, выбравших вариант «комикс» нет людей старше 26 лет, что оказывается в общем предсказуемо. Легитимация термина «комикс» как жанра искусства, произошедшая в России только в постсоветские годы, превращает его в часть культурного багажа только наиболее юных представителей молодежной среды.

При обращении к содержательной стороне проективных ответов мы видим следующее жанровое распределение: по 10% выбрали антиутопию и роман, по 6% – детектив, трагедию, ужасы и утопию, 29% – комедию, по 2% – мелодраму, притчу и сказку, 17% – фантастику. Лидирующие позиции удерживают комедия и фантастика, а также антиутопия и роман. Около трети респондентов в этом сегменте выбирают именно комедийный жанр как наиболее легкий и развлекательный. Тот факт, что вариант «Фантастика» оказывается на втором месте, можно объяснить большим объемом присутствия этого жанра в современном культурном ландшафте. Он становится предельно близким и при этом позволяет проективной фантазии максимально раскрыться в создании ярких и интересных образов.

Обратимся к посылам, которые формируют респонденты в рамках своих гипотетических комиксов. Выделим ряд наиболее показательных и ярких (сохранены авторские орфография и пунктуация):

«Все можно преодолеть. Даже если кажется, что "черная полоса" не заканчивается, нельзя терять веру в себя» (Калмыкия, студент, 18 лет, комедия);

«Передача, в первую очередь, социально-культурных ценностей на территории, тесно связано с комедией и экшеном, показ семейных ценностей, а также показ достопримечательностей городов. Возможно, гуманизация отдельных территорий как РФ, так и саму Россию, опираясь на историю и составляя предполагаемый характер» (Луганская народная республика, 18 лет, студент, комедия);

«События из моей жизни могут послужить кому-то примером, уроком. Будет что вспомнить в старости» (Хабаровский край, 18 лет, студент, фантастика).

«Любить людей и сохранить планету» (Москва, 19 лет, студент, фантастика).

Предлагаемые респондентами послы чаще всего предлагают некоторый позитивный элемент, стремление показать, что в случае возникновения трудностей их преодоление все равно возможно. Учитывая проективный характер вопроса, можем предположить, в момент ответа на вопрос такие респонденты сами воспринимают свою жизнь как преодоление трудностей. В их образе личного будущего это преодоление в большинстве случаев оказывается успешным. Впрочем, встречаются и негативные или апатичные представления о настоящем и будущем. Например: «У жизни автора нет посыла, и у артефакта не будет» (Москва, 22 года, студент, комедия). Несмотря на определение жанровой принадлежности артефакта через комедийное, итоговый посыл отсутствует как таковой. При этом при раскрытии сюжета у этого же респондента мы увидим следующий комментарий: «Веселые приключения Воробья Васи (как метафорического образа автора) в научном мире, основанные на реальных событиях». То есть отсутствие конструктивного по-

сила еще не говорит об обязательном негативном восприятии себя и своего будущего. Отметим также, что лишь один респондент в рамках своих предложений оформил посыл в термине «супергероика», типичной для рисованных комиксных сюжетов. То есть в сознании респондентов комиксный формат не обязательно связан с концепцией супергероя, что делает его содержательные возможности шире базовых стереотипов жанра.

Обратимся к тому, как респонденты раскрывают предложенные послы в сюжетах:

«Тоталитаризм сжирает общество изнутри, и только немногие могут это увидеть. И власти неудобны эти немногие и они искусственно настраивают общество на истребление этого прозревшего меньшинства» (Воронежская область, 18 лет, студент, антиутопия).

«Мальчик с другой планеты поменялся мирами и попал на Землю, где стал проживать свою жизнь заново без воспоминаний о прошлой. Однажды, он встретил призрака, пропавшего без вести с их школы парня. Чтобы помочь ему обрести покой, мальчик согласился помочь ему в раскрытии дела о его пропаже. По мере сюжета он познакомится со старыми товарищами, и они вместе будут расследовать это дело» (Алтайский край, 18 лет, студент, детектив).

«Россия, 2024 год. Большая территория, с большой историей... Шаг за шагом, год за годом сменяются события, время словно не стоит на месте. Одна Россия остаётся такой же прекрасной и сильной. Отсыл идёт о описание России, уделяя несколько глав одних из важной территории России, возможно культуры, национальности (так как Россия многонациональная страна)» (Луганская народная республика, 18 лет, студент, комедия)

«Главная героиня, сменив несколько коллективов и столкнувшись с негативным социальным опытом, замыкается в себе, отстраняется от общества, но некая катастрофа заставляет её не просто отказаться от полюбившегося ей одиночества, но и сплотить вокруг себя людей для решения социальных и природных проблем и взаимопомощи» (Воронежская область. 18 лет, студент, роман).

«Лори Кэмпбелл, после того как пережила резню, устроенную Фредди и Джейсоном так и не смогла вернуться к нормальной жизни, и вместе с другим участником той истории, Уиллом Роллинзом, она отправляется обратно на место тех событий, чтобы окончательно проститься со своим страхом. Однако Джейсон оказывается жив и он тут же убивает её парня, а затем нападает и на неё. Лори Кэмпбелл верит, что её предназначение победить Джейсона раз уж она осталась жива в прошлый раз. В это время в переименованный городок на рождественские распродажи в местном гипермаркете пребывает новый супер-специалист в торговле из Детройта – Эш Уильямс, который на самом деле ищет Некрономикон и который знает, что делать при встрече с ожившим мертвецом» (Ханты-Мансийский АО, 27 лет, работающий, ужасы).

«Главный герой сталкивается с проблемой ненависти в обществе, заглядывает в будущее и видит, насколько мир обречен, видит общество полное гнева, где женщин бьют и унижают, в мужчинах нет ничего мужского, царит полнейший хаос, люди ходят с кислородными баллонами, планета на грани вымирания и катастрофы, затем он возвращается в наш мир, где роль плавно перетекает к читателю, что именно от его действий и зависит будущее, а дальше открытый конец, который зависит только от читающего» (Москва, 19 лет, студент, фантастика).

Предложенный репертуар вариантов сюжетных сценариев гипотетических произведений респондентов показывает ряд типичных особенностей такого конструирования образа будущего:

Во-первых, для формирования образов используются как абстрактные явления или элементы собственной жизни респондента, так и существующие сюжеты, персонажи и идеи из художественных произведений. Их использование или неиспользование говорит, как об общем кругозоре, так и о степени ассоциации с современной массовой культурой и погруженности в нее.

Во-вторых, в большинстве предложенных респондентами сюжетов присутствует четкое артикулированное разделение на добро и зло. Трудности являются не естественной частью жизненных конфигураций, а происходят от конкретных субъектных причин. Противостояние этой причине и «победа» над ней нередко становится стержневой линией задумки такого сюжета.

В-третьих, высок уровень использования общих стереотипов и тропов, характерных для того или иного жанра, выбранного респондентами. Предложенные сюжеты напоминают существующие художественные нарративы (или, как говорилось выше, прямо их используют), что говорит и фиксации типичных стилей мышления о художественных сюжетах внутри заданных границ жанра.

Рассмотрение вариантов сюжета показывает, что морфологически они оказываются малооригинальными, скорее впитывая формы и форматы из окружающего культурного контекста для проекции на собственный образ ожидаемого будущего. Их функция состоит в том, чтобы в понятных респонденту категориях объяснить самому себе, в каких нарративных структурах сформированы его представления о желаемом и предполагаемом варианте личного будущего.

Наконец, обратимся к тому, какие варианты концовок своих гипотетических комиксов выбирают респонденты. 38% выбирают открытый конец, 36% – счастливый конец, 21% – трагический конец, а оставшиеся 5% обозначают вариант «Другое».

Интересно отметить, что более трети респондентов формулируют как открытый, так и счастливый конец. Лидирующая, пусть и ненамного, позиция вариант «Открытый конец» может говорить о том, что в рамках форму-

лирования своего образа будущего на платформе гипотетического комикса респонденты в значительной степени не уверены в том, какой именно итог это будущее будет для них иметь. Тем не менее, сопоставимая доля ответов «Счастливый конец» показывает, что социальный оптимизм все же присутствует как одна из доминант оценки образа будущего в рамках данной гипотетической формы.

Вообще рассуждения о финале в контексте довольно абстрактного образа будущего, сформулированного как идея художественного произведения, являются сложным интеллектуальным упражнением. Как видим, 5% респондентов через выбор варианта «Другое» продемонстрировали, что не готовы принимать такое решение даже при формировании очень условного воображаемого произведения. Отсутствие дополнительных комментариев в этой графе не дает нам сформулировать однозначных выводов по этой теме.

В завершение приведем гипотезу о том, что превалирующая роль открытой концовки в комиксном варианте определения будущего может отражать неартикулированное приглашение к совместному размышлению об этом будущем. Это может быть также проявлением осторожности в обозначении сценариев будущего и их оценивании. Респонденты готовы формировать фабулу своего будущего и описывать последовательность действий и событий, но воздерживаются от оценочных суждений. Еще одним вариантом трактовки может быть принципиальный отказ от описания жизненных сценариев как положительных или отрицательных: любой исход событий необходимо принимать как данность и быть готовым на основе изменяющегося контекста принимать новые решения.

Подводя итог, можем сформулировать несколько основных выводов, характеризующих комиксный проективный сегмент проведенного всероссийского студенческого опроса.

Комикс как формат творчества для выработки образа будущего занимает нижние позиции относительно других, более привычных форм массовой культуры (книга или фильм). Причины этого лежат в традиционной для советской культурной среды комиксофобии, эффект от которой продолжает существовать и в современном российском обществе. Хотя до недавнего времени доля комиксов среди печатной продукции в России росла, к ним обращаются преимущественно представители наиболее юной когорты молодежи. Мы предполагаем, что в дальнейшем мы будем наблюдать рост интереса к комиксу, однако на текущем этапе мы отмечаем скорее скепсис или более ярко выраженные предпочтения относительно других форматов массовой культуры.

Проектируя гипотетическое произведение, респонденты в большинстве своем склонны обращаться к комедии, фантастики, антиутопии и романе. При этом при выделении основных содержательных посылов наблюдается довольно разнообразный взгляд на возможные сюжеты. Только один

респондент предлагает непосредственно супергеройский комикс, что говорит о принятии комикса как разнообразной по своим репрезентативным возможностям инструмента творчества и массовой культуры. Несмотря на малую долю респондентов, выбравших комикс в качестве своей проективной формы будущего, внутри этой выборки наблюдается довольно разнообразный подход к гипотетическому использованию комиксной рамки относительно посыла, сюжета и объема.

Обозначая финал своих гипотетических произведений, больше трети респондентов указывают вариант «Открытый финал». Это может свидетельствовать как о неопределенности относительно оценочных суждений, так и о приглашении к совместному рассуждению о своем будущем и его создании. Аналогичное количество респондентов предлагают счастливый конец, что говорит, как о социальном оптимизме, так и о возможном стремлении сформировать желаемый социально одобряемый ответ. Мы видим определенную осторожность в указании варианта финала, что в том числе может быть связано с опасениями относительно непредсказуемости будущего как такового и новых переменных, которые могут заметно изменить желаемые и прогнозируемые картины этого будущего.

Таким образом, мы можем сказать о том, что у комиксов есть серьезный потенциал роста как у медиатора общественно-политических смыслов. Молодежная аудитория пока что только присматривается к комиксам с проективной точки зрения, однако уже рассматривает их как разноплановую по своим выразительным возможностям форму массовой культуры. Нам видится, что содержательное влияние комиксов на представление молодежи о собственном будущем может предлагать как формы мышления, так и определенные сюжетные тропы. Комикс становится не только формой потребления массовой культуры, но и платформой для индивидуального творчества. Динамика этого влияния однозначно может стать темой для будущих исследований в этой области.

Литература

Wandtke T. (2012). The meaning of superhero comic books. McFarland & Company, Inc., Publishers.

Worcester K. (2017). Comics, comics studies and political science. *International Political Science Review*, 38(5), 690-700. <https://doi.org/10.1177/01925121166667>.

Белов С.И., Вантеевский М.М., Ярошева Д.В. (2023). Ценностные предпочтения современной российской молодежи: результаты обобщения экспертных мнений. *Политическая наука*. (2), 163–178. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.07>

Дмитриева Д. (2015). Век супергероев: Истоки, история, идеология американского комикса. Изотека.

Кузнецов И.И., Куликова Е.В., Петрова Ю.В. (2023). Пространство героев в сознании российской молодежи: разнообразие предложений при неясных предпочтениях. *Политическая наука*. (2), 179–202. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.08>

МакКлауд С. (2016). Понимание комикса. Белое яблоко.

Манн, М. (2019). Источники социальной власти. В 4-х томах. Том 1. История власти от истоков до 1760 года. Дело.

Павлов А. (2022). Плохое кино. Горизонталь.

Родькин П.Е. (2018). Кинополитики. 13 опытов по герменевтике современного кинематографа. М.: Совпадение

Скиннер, К. (2022). Значение и понимание в истории идей. Т. Атнашев, М. Велижев (Ред.), Кембриджская школа. Теория и практика интеллектуальной истории. Новое литературное обозрение.

Цыркун Н. (2020) Вселенная супергероев. Американский кинокомикс. История и мифология. Кабинетный ученый.

Черняховский С.Ф. (2023). Наследование будущего в политико-культурном пространстве России XXI столетия. Институт наследия.

Юсев А. (2017) Кинополитика: Скрытые смыслы современных голливудских фильмов. Альпина Паблишер.

References

- Belov, S. I., Vanteevsky, M. M., & Yarosheva, D. V. (2023). Tsennostnye predpochteniya sovremennoy rossiyskoy molodezhi: rezul'taty obobshcheniya ekspertnykh mneniy [Value preferences of modern Russian youth: Results of generalization of expert opinions]. *Politicheskaya nauka*, 2, 163–178. <https://doi.org/10.31249/poln/2023.02.07> (In Russ)
- Chernyakhovskiy S.F. (2023). Nasledovaniye budushchego v politiko-kul'turnom prostranstve Rossii XXI stoletiya. (In Russ)
- Dmitrieva D. (2015). Vek supergeroev: Istoki, istoriya, ideologiya amerikanskogo komiksa. (In Russ)
- Kuznetsov, I. I., Kulikova, E. V., & Petrova, Yu. V. (2023). Prostranstvo geroev v soznanii rossiyskoy molodezhi: raznoobrazie predlozheniy pri neyasnykh predpochteniyakh [Hero space in the consciousness of Russian youth: Variety of offers with unclear preferences]. *Politicheskaya nauka*, 2, 179–202. (In Russ)
- Mann, M. (2019). Istochniki sotsial'noy vlasti. V 4-kh tomakh. Tom 1. Istoriya vlasti ot istokov do 1760 goda. (In Russ)
- McCloud S. (2016). Ponimaniye komiksa. (In Russ)
- Pavlov A. (2022). Plokhoye kino. (In Russ.)
- Rod'kin P.E. (2018). Kinopolitiki. 13 opytov po germeneytike sovremennogo kinematografa. (In Russ)
- Skinner, K. (2022). Znacheneye i ponimaniye v istorii idey. In T. Atnashev, M. Velizhev (Red.), *Kembridzhskaya shkola. Teoriya i praktika intellektual'noy istorii*. 53–122. (In Russ.)
- Tsyркun N. (2020). Vselennaya supergerov. Amerikanskiy kinokomiks. Istoriya i mi-fologiya. (In Russ)
- Wandtke T. (2012). The meaning of superhero comic books. McFarland & Company, Inc., Publishers.
- Worcester K. (2017). Comics, comics studies and political science. *International Political Science Review*, 38(5), 690–700. <https://doi.org/10.1177/0192512116667>.
- Yusev A. (2017). Kinopolitika: Skrytyye smysly sovremennykh gollivudskikh fil'mov. (In Russ).

Для цитирования: Атаманенко, А. А. Комикс как инструмент формирования представлений российской молодежи о будущем / А. А. Атаманенко // PolitBook. – 2025. – № 2. – С. 98–108. – DOI 10.24412/2227-1538-2025-2-98-108

И.Е. Майоров

I. Mayorov

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИМИДЖА РОССИИ ЧЕРЕЗ СТУДЕНТОВ РКИ В ГЕРМАНИИ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

FORMATION OF RUSSIA'S POLITICAL IMAGE THROUGH RUSSIAN FAMILY STUDENTS IN GERMANY: CHALLENGES AND PROSPECTS

Аннотация

Статья посвящена анализу мотивации и перспектив карьерного устройства студентов, изучающих русский язык как иностранный в Германии, с акцентом на их роль в формировании политического имиджа современной России.

Цель статьи – комплексный анализ специфики мотивации студентов РКИ в Германии как целевой аудитории формирования позитивно маркированного политического имиджа России.

Исследование проводилось при помощи анализа вторичных статистических данных, опубликованных в открытых источниках. Использовались элементы контент-анализа, сравнительно-сопоставительный анализ, качественный и количественный анализ, обобщение. Учитывались данные, полученные в ходе интервью с преподавателями и студентами кафедр русистики или славистики в России и в университетах Германии. В качестве контрольной группы выступали учащиеся из Китая, также изучающие русский язык. Всего в опросе приняло участие около 800 человек.

Рассмотрены тенденции и вызовы, связанные с изменением международных отношений и академического сотрудничества после 2019 и 2022 гг. Представлены основные факторы, влияющие на восприятие России в Германии, специфика восприятия ее имиджа немецкими студентами-русистами, когнитивно-культурологические особенности скриптов имиджевого маркетинга. Принята попытка оценивания потенциала эффективности и ограничений в использовании различных инструментов формирования позитивного имиджа нашей страны за рубежом в современных культурно-политических реалиях.

Abstract

The article is devoted to the analysis of motivation and career prospects of students studying Russian as a foreign language in Germany, with an emphasis on their role in shaping the political image of modern Russia.

The aim of the article is a comprehensive analysis of the specifics of the motivation of RFL students in Germany as a target audience for the formation of a positively marked political image of Russia.

Methods. The study was conducted using the analysis of secondary statistical data published in open sources. Elements of content analysis, comparative analysis, qualitative and quantitative analysis, and generalization were used. The data obtained during interviews with teachers and students of Russian or Slavic studies departments in Russia and at German universities were taken into account. Students from China, also studying Russian, served as a control group. A total of about 800 people took part in the survey.

The article considers trends and challenges associated with changes in international relations and academic cooperation after 2019 and 2022. The article presents the main factors influencing the perception of Russia in Germany, the specifics of the perception of its image by German students specializing in Russian, and the cognitive and cultural features of image marketing scripts. An attempt has been made to assess the potential for effectiveness and limitations in the use of various tools for forming a positive image of our country abroad in modern cultural and political realities.

Three groups of motives for studying Russian in modern conditions, identified by German-speaking students (academic, ca-

Выделены три группы мотивов изучения русского языка в современных условиях, обозначенных немецкоговорящими студентами (академические, карьерные, личностные), а также шесть групп факторов, влияющих на отношение к концепту «русское» и на восприятие России в целом – геополитические, исторические, прагматические, языковые, методологические, фрейминг-факторы.

reer, personal), as well as six groups of factors influencing the attitude to the concept of "Russian" and the perception of Russia as a whole - geopolitical, historical, pragmatic, linguistic, methodological, framing factors.

Ключевые слова:

политический имидж, эффективный имидж, имидж-моделирование, концепт «русское государство», студенты, академические контакты.

Key words:

political image, effective image, image modeling, concept "Russian state", student, academic contacts.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-2-109-133>

В современном мире, характеризующемся глобальной взаимосвязанностью, медийной открытостью, плюрализмом общественных мнений и интенсивными информационными потоками, формирование позитивного имиджа государства за рубежом является задачей не только политической, но и социально-культурной, лингвокогнитивной и психогерменевтической.

В контексте российско-германских отношений одной из ключевых целевых аудиторий для реализации этой задачи выступают студенты, изучающие русский язык как иностранный (РКИ) в Европе вообще и Германии в частности. Западный фронт претерпел изменение в 2022-2025 гг. и требует приложения наибольших усилий в плане укрепления позиций нашего государства. Общеизвестно, что антироссийские нарративы в Германии получают все большее распространение не только в сфере политико-экономических отношений. Между тем немецкоязычная студенческая аудитория представляет собой уникальную площадку для трансляции культурных и политических ценностей РФ, поскольку студенты РКИ, как правило, проявляют повышенный интерес к России, её истории, культуре и текущим событиям, а также зачастую максимально лояльны в отношении концепта «русское». Мотивация немецких студентов к изучению языка связана с желанием глубже понять российскую действительность, а также давними научно-языковыми и социально-культурными контактами академических сообществ двух стран, что делает эту аудиторию наиболее восприимчивой к информации, формирующей представление о нашей стране.

Целенаправленное влияние на восприятие студентами РКИ имиджа России, российской истории, русского образа жизни может осуществляться через различные каналы: образовательные программы, культурные меро-

приятия, научные конференции, а также посредством прямого общения с представителями российской академической и культурной элиты. Эффективность этих каналов определяется не только качеством предоставляемой информации, но и её соответствием интересам и потребностям целевой аудитории, ее готовности воспринимать общественно-культурные паттерны и русские когнитивные скрипты.

Цель статьи – комплексный анализ специфики студентов РКИ в Германии как целевой аудитории формирования позитивно маркированного политического имиджа современной России, аудитории, которая несмотря на массовость общеевропейского негативного контекста в отношении России все же способна воспринимать позитивные имиджевые фреймы в силу ряда культурно-исторических причин. Для решения поставленной цели предлагается решить следующие задачи: представить основные факторы, влияющие на восприятие России в одной из стран Западной Европы, опираясь на специфику восприятия ее немецкими студентами-русистами и когнитивно-культурологические особенности скриптов «продвижения»; также предпринята попытка оценивания потенциала эффективности и ограничений в использовании различных инструментов формирования позитивного имиджа нашей страны за рубежом в современных культурно-политических реалиях. Объект исследования – политический имидж России за рубежом. Предмет исследования – отношение немецкоговорящих студентов, изучающих русский язык как иностранный, к политическому имиджу современной России.

В начале настоящего раздела целесообразно рассмотреть несколько ключевых теоретических положений, формирующих концептуальную рамку для последующего анализа умовоззрений, представлений и когнитивных реакций студентов, изучающих РКИ профильно в Германии и являющихся, по нашему стойкому убеждению, одной из важнейших целевых аудиторий формирования целенаправленно позитивного политического имиджа России.

Определение понятия «имидж» в разных источниках примерно идентично, и сводится к следующему наполнению: «Имидж (англ. image, от лат. imago образ, вид) – целенаправленно формируемый образ (какого-либо лица, явления, предмета), призванный оказать эмоционально-психологическое воздействие на кого-либо в целях популяризации, рекламы и т.п.» (Политическая наука, 2010). Единственным существенным различием будет критерий «целенаправленности» формирования имиджа. Так, в приведенном выше политологическом определении установка на формируемость имиджа выносится к разряд сущностных характеристик понятия. Однако в определениях, данных в ряде психологических словарей, этот момент не отражен, например: «это стереотипизированный образ конкретного объекта, суще-

ствующий в массовом сознании» (Краткий, 1998). То есть имидж может складываться стихийно и в этом близок таким понятиям, как «образ» или «стереотип». В настоящем исследовании мы используем понятие «имидж (страны / государства)» как образ, который формируется целенаправленно с использованием специальных технологий и инструментов, а образ – то впечатление, которое создается стихийно в результате импульсного взаимодействия. Следует также учесть, что одним из важнейших механизмов создания имиджа являются инструменты так называемой «мягкой силы», которые способны обеспечивать желаемые результаты в отношениях с другими государствами за счет привлекательности культуры, ценностей и внешней политики, а не принуждения или финансовых ресурсов (Nye, 2004).

При изучении факторов, влияющих на формирование политического имиджа государства (страны), следует учитывать суммарное многообразие внешних имиджей государства и их взаимодействие в определенном контексте: к их числу можно отнести внешнеполитический, инвестиционный, культурный, исторический, спортивный, научно-академический, экономический, туристический, модно-стилевой, музыкально-кинематографический и др. разновидности имиджей. Так, к примеру, исходя из понятия целевой студенческой аудитории, следует признать, что важную роль в формировании итогового имиджа государства будут играть такие подимиджи, как культурный, спортивный, научно-академический, модно-стилевой, музыкально-кинематографический.

Исследователь Ю.Г. Жеглова к компонентам, которые формируют целостный внешнеполитический имидж государства, относит материальные и ценностные компоненты, которые работают исключительно в синергии. К числу первых следует отнести военную и экономическую мощь страны (доля в мировом ВВП, темпы роста экономики, объем и структура экспорта, уровень жизни населения, число вооружения и стратегические разработки), а также стратегию внешней политики и ее эффект. К числу вторых относятся достижения и победы в области НТР, освоения космоса, вклада в мировую культуру и науку, здравоохранения, гуманитарного положения человека и степени соблюдения его прав и свобод, достижения в мировом спорте, имидж главы государства и лидеров экономики, бизнеса (Жеглова, 2018). По замечанию ученого, необходимо внести корректировки в оформление стратегических целей по формированию имиджа России за рубежом – имидж должен быть не столько позитивным, сколько эффективным (Жеглова, 2015). Также, по мнению исследователя, необходимо доработать и диверсифицировать тактические цели по факторам, формирующим имидж, каналам коммуникации и целевым аудиториям. Следует обратить внимание на те

группы факторов, которые поддаются корректировке: их можно изменить в лучшую для России сторону, если задаться таковой целью.

Таким образом, под позитивным имиджем государства мы понимаем, вслед за Ю.Г. Жегловой, такой имидж, который помогает государству реализовать его программные цели на международной и внутренней арене и является примером эффективной реализации стратегии позиционирования государства.

И.Ю. Глинская к числу факторов, формирующих позитивны внешнеполитический позитивный имидж, относит группы факторов по сферам жизни страны, таким как:

- политические (политический диалог, позиция лидера, участие в международных организациях и др.);
- экономические проекты (участие в международных организациях типа БРИКС, ЕАЭС, организация международных экономических форумов, международные проекты в области энергетики и др.);
- культурные (мероприятия по распространению культурных ценностей и языка);
- научные (международные космические проекты, развитие системы научных институтов и их «весомость» на международной арене);
- образовательные (обмен преподавателями и студентами, конкурентоспособность выпускников вузов, открытие международных программ);
- спортивные (проведение и организация международных спортивных мероприятий, процент победителей в общем зачете);
- миротворческие или гуманитарные (Глинская, 2016).

З.О. Цыренжапов к факторам, влияющим на позитивный имиджевый потенциал страны, относит: историческое наследие и природные богатства; достижения науки, спорта и культуры; многонациональность и туристическую привлекательность и разнообразие регионов страны (Цыренжапов, 2008, с. 145). Думается, что туристическая привлекательность в последние два года значительно снизилась, однако это динамический показатель и он может вновь обрести должную степень влияния. Примечательно, что к числу преимуществ России исследователь относит ее культурное и национальное многообразие.

Обобщая сказанное, отметим, что чаще всего исследователи приводят сходный набор динамических моделирующих факторов, совокупная оценка которых и может объективировать эффективность выстраиваемого позитивного имиджа России:

- политические (внешняя политика и дипломатические отношения, внутренние политические процессы и их восприятие за рубежом);

- экономические (потенциал страны, продуктивность рыночной экономики, роль в экспорте, наращивание производства, доля крупных экономических проектов и соглашений);

- культурные (участие в международных культурных событиях, инициативы по созданию культурных центров, образовательные программы, развитие театра и кино, досуговых учреждений).

Однако проблема заключается том, что указанные факторы во многом обусловлены внутренними характеристиками и общим внутренним планом развития государства, его исторической стратегией, на что влиять в аспекте осознанного имиджевого планирования сложно. Считаем, что к перечисленным категориям факторов следует подключить медиа- и информационные факторы (роль традиционных и социальных медиа в формировании имиджа страны, влияние информационных кампаний, пропаганды, PR-кампаний и инфлюэнсинга), а также факторы социальных и языковых контактов (термин наш), которые создадут точки соприкосновения людей разных культур, людей одной культуры и моделей другой культуры (например, при просмотре фильма, снятого в России, студентам европейского вуза в учебных целях и его последующем обсуждении).

Русский язык является официальным или рабочим языком в таких важных международных организациях, как Организация Объединенных Наций (ООН), Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Международное агентство по атомной энергии, Содружество Независимых Государств (СНГ), Шанхайская организация сотрудничества, Евразийский экономический союз и Организация Договора о коллективной безопасности. С марта 2022 года русский стал официальным языком Международной федерации футбольных ассоциаций (ФИФА). И хотя современная геополитическая ситуация изменила отношение к русскому языку в мире, имеются отдельные исследования, свидетельствующие о формировании особой роли русского языка в современном геополитическом и природном макроконтексте и его миротворческом, объединяющем глобальном потенциале (Крюков, 2022; Палеха, 2023), опыте «гуманитарного нарратива» (Сафранчук, Жорнист, 2025).

В случае моделирования позитивно маркированных социальных контактов необходимо ориентироваться на научно верифицированные данные по целевым аудиториям в политической коммуникации и модель «современного сложного общества», которое в работах последних лет представляется как «ансамбль социальных артефактов, а также взаимодействий, формируемых ими» (Лапкин, 2025, с. 135). Необходимо рассмотреть критерии сегментирования аудитории, особенности восприятия информации различными

возрастными, профессиональными, этническими группами и методы воздействия на их мнения и убеждения. Студенты, выбравшие изучение РКИ в европейском вузе или приехавшие изучать русский язык в Россию, являются специфической социокультурно маркированной целевой группой, обладающей уникальными характеристиками и мотивациями, поддающимися изучению. Их мировидение и отношение к России формируется под влиянием целого ряда факторов. Рассмотрим некоторые из них.

Во-первых, их мотивация к изучению РКИ в ряде случаев обусловлена геополитическими соображениями, стремлением к профессиональной реализации в сферах, связанных с Россией и русскоговорящими странами, либо личным (иногда наследственным, «генетическим») интересом к русской культуре и истории. В контексте историко-политических событий последних лет исследователи разных областей знания отмечают, что пандемийная эпоха COVID-19, а затем спецоперация России на территории Украины оказали значительное и разносторонне направленное (экономическое, культурное, языковое, политическое, туристическое и проч.) негативное влияние на положение русского языка не только в Германии, но и во всей Европе. В настоящее время русский язык переживает период спада интереса, кризиса в немецком гражданском обществе и в государственных структурах Германии. При этом все же часть граждан Германии убеждены, что в период геополитической напряженности знание иностранных языков является важным связующим элементом для мирового сообщества, а русский язык в этой связи следует рассматривать как ключ к российскому обществу и его культуре. Кроме того, по мнению опрошенных граждан Германии, знание русского языка важно для укрепления восточноевропейского опыта в немецкой политике, бизнесе, науке и гражданском обществе. Такая позиция, например, нашла отражение в письме Немецкой ассоциации преподавателей русского языка в адрес Федерального министерства иностранных дел в июле 2023 года, написанном в рамках Германо-российского форума «Русский язык в настоящем». Этими данными в своей работе делятся немецкоязычные авторы A. Hunke, S. Dağdelen, Ž. Nastić, F. Die Linke (Hunke и др., 2023). Сходные идеи высказал в последнем интервью заместитель председателя Общества германо-российской дружбы Торстен Рексин: «Люди с разными политическими взглядами и разным бэкграундом могут и должны сидеть за одним столом и разговаривать»¹.

¹ Последний бастион германо-российской дружбы // Московская немецкая газета. 24.11.2024. URL: <https://ru.mdz-moskau.eu/poslednij-bastion-germano-rossijskoj-druzhyby/>.

Во-вторых, их восприятие российской политической реальности формируется под воздействием как официальных источников информации, так и альтернативных онлайн-медиа, включая западные интернет-СМИ и социальные сети (Алексеева, 2020). Это приводит к формированию сложной и неоднозначной картины политической системы России, распространению негативных нарративов, что, в свою очередь, влияет на включение студентов в политические дискуссии и дебаты и на выбор специальности обучения (в 2023-2025 гг. студенты старших курсов отказывались от изучения русского языка и истории и переводились на другие специальности или планировали это сделать – около 18% от опрошенных, см. далее). Сложность заключается и в том, что, согласно исследованию Р. Kolozaridi, все цифровые объекты (в том числе и медиа) по своей природе нестабильны и зависят от взаимодействия с другими инфраструктурами, а пользователь приобретает множество ролей (например, читателя страницы, посетителя сайта или даже создателя новостной заметки) – все это делает управление цифровым контентом сложной задачей (Kolozaridi, 2025, p. 205).

В-третьих, владение русским языком открывает для них доступ к оригинальным источникам информации, позволяя анализировать не только политические тексты без посредников, но и понимать шедевры мировой художественной культуры. Это способствует более глубокому пониманию истории в целом, геополитических процессов и формированию собственной, независимой от СМИ картины мира. Студенты свободно владеющие языком демонстрируют большую расположенность к РФ в целом в отличие от студентов, только начавших обучение и во многом полагающихся на общегерманский нарратив (критически-негативный).

Как отмечают в своем исследовании А. Kotomina, С. Milburn, спекулятивные технологии, зачастую используемые в политическом дискурсе, являются порождением и научных знаний о технологиях воздействия, и творческого начала (Kotomina, Milburn, 2025), а потому, имея доступ к языку, владея им на достаточном уровне, субъект воздействия освобождается от части наносных смыслов, более способен воспринимать информацию критически. Кажется, рациональным подход, предложенный и в работе Д. Ордовского, Е.А. Кожемякина: в эпоху главенства социальных медиа за ними закрепляется новая функция – роль «цифровой публичной дипломатии», которую также можно использовать в целях построения эффективного имиджа РФ (Ордовский, Кожемякин, 2025).

В-четвертых, данная группа студентов часто сталкивается с дилеммой между необходимостью критического анализа политической ситуации в России (что соответствует общеевропейской повестке) и поддержанием

нейтральной позиции в академической среде. Это требует от них высокого уровня самосознания и умения аргументировать свою точку зрения, опираясь на факты и доказательства. Их лояльное отношение к России должно получить приемлемое для западного общества обоснование.

Кроме того, образование, получаемое на русском языке с использованием русскоязычных материалов и программ, составленных при участии российских преподавателей, также способно сыграть определенную позитивную роль в формировании политической идентичности и гражданской позиции студентов.

В-пятых, повышению мотивации изучать русский язык, осваивать русскую культуру, историю и быть их трансляторами в западноевропейский мир может способствовать позитивный опыт общения с жителями России – учеными, педагогами, политиками, деятелями культуры в условиях коммуникативных управленческих решений (конференции, программы обмена опытом, симпозиумы, открытые лекции и показы, осмотр тематических выставок и проч.). Важно учесть процессы адаптации иностранных (немецкоязычных) студентов к российской культурной среде, факторы, влияющие на их восприятие российской культуры и политики, а также возможные барьеры в межкультурном общении. В работах, посвященных изучению роли языка и культуры в формировании политических взглядов и убеждений, закономерно говорится о том, что близкое знакомство с языком, погружение в его глубины закономерно воспитывает и любовь к его носителям, картине мира, формируемой данным языком (Боргоякова, 2017), (Икиликян, 2017). Также считаем необходимым учитывать нарративы взросления современной молодежи, то есть использовать в обучении и точках контакта с иностранными учащимися элементы терапевтического дискурса, направленного на сглаживание конфликтов и формирование взрослой критичности (Андреева, 2024) – это поможет несколько нивелировать негативное давление общеевропейской повестки.

Точками положительного социального и языкового неформального контакта могут стать и новые цифровые площадки. К примеру, 2024-2025 год ознаменовался вирусным распространением подросткового русскоязычного трека «Сигма-бой» в исполнении 11-летней Бетси и 12-летней Марии Янковской, выпущенного в виде сингла лейблом Rhymes Music 4 октября 2024 года. Трек получил более миллиона меметических копий в TikTok и попала в чарты Spotify, YouTube, Shazam, Apple Music и iTunes (Австрия, Чешская Республика, Германия, Словакия, Швеция, США). В январе 2025 года трек занял седьмую строчку в одном из международного чарта Billboard в категории танцевальные / поп-песни (Hot Dance/Pop Songs). В связи с попу-

лярностью русскоязычного трека некоторые представители западных властных структур высказывали опасения об использовании подобного рода культурных феноменов как элементов «русской пропаганды».

В-шестых, укреплению мотивации приехать в Россию изучать русский язык, русскую историю или изучать «русские» специальности на родине должно способствовать международное сотрудничество университетов в области изучения языков или языковых обменов. Когда-то оно характеризовалось разнообразием форм и направлений. Однако постковидная эра и осложнения экономико-политического характера, спровоцированные эпохой СВО, привели к закрытию многих международных программ, программ межвузовского сотрудничества, академической мобильности студентов и преподавателей, семинаров и воркшопов и др. Следовательно, необходимо предлагать новые стратегии. Одним из перспективных направлений является развитие дистанционного образования и использование современных информационных технологий в языковом обучении. Онлайн-платформы, интерактивные учебники, виртуальные языковые лаборатории – все это открывает новые возможности для изучения русского языка теми студентами, которые желают изучать наш язык и культуру, однако о те или иным причинам не могут приехать в Россию на семестровую стажировку (что практиковалось до 2022 года во многих российских вузах, принимавших студентов из Европы).

В-седьмых, одной из наиболее актуальных сегодня становится концепция мультиплицирования, которую логично применить к иностранной студенческой аудитории, изучающей русский как иностранный. Изначально термин использовался только в рамках экономики, затем стал применяться к различным социально-психологическим конструктам (social multiplier effect) – лидерству, накоплению знаний и образованию, стратегиям формирования доверия и проч. По сути, это идея о том, что действия, характеристики или изменения, происходящие у одного человека или в одной группе, могут усиливаться и распространяться среди других людей через социальные взаимодействия, приводя к более масштабным коллективным эффектам, чем если бы эти изменения оставались индивидуальными (Xiandong et al., 2013).

Концепция мультиплицирования студентов РКИ базируется на признании их роли не просто как изучающих язык, но и как будущих проводников российской культуры и образования в своих странах. Они становятся своеобразными агентами влияния, формирующими мнение о России на международной арене. Выпускники РКИ российских вузов, возвращаясь в свои страны, зачастую занимают позиции преподавателей, переводчиков, журналистов, экспертов в области международных отношений. В этих ролях они

неизбежно транслируют свое понимание России, основанное на личном опыте обучения и общения с носителями языка и культуры. Таким образом, они становятся носителями политического имиджа России, вольно или невольно влияя на формирование общественного мнения.

Восприятие России выпускниками РКИ, сформированное в период обучения, оказывает долгосрочное воздействие. Оно транслируется на их будущих студентов, коллег, работодателей и представителей академического сообщества. Позитивное или негативное впечатление о стране, полученное в результате личного опыта, формирует основу для дальнейшего восприятия России окружающими. Однако наше исследование исходило из гипотезы о том, что если учащийся окончил вуз по специальности РКИ или связанной с ней, то вероятность одобрения концепта «русское» у него достаточно высока (об этом подробнее – в практической части исследования).

Дальнейший этап исследования проводился при помощи анализа статистических данных о студентах РКИ, опубликованных в открытых источниках (в официальных отчетах, баз данных университетов, на площадках медиаресурсов), косвенно или прямо упоминаемый в публикациях на университетских сайтах и соцсетях (элементы контент-анализа, анализ вторичных данных). Также был использован сравнительно-сопоставительный метод анализа тенденций академического обмена, фиксируемых в социогуманитаристике до и после 2022 года. Использовалась количественная, статистическая и качественная система обработки данных (смешанный метод), полученных в ходе интервью и дистанционно организованного опроса студентов кафедр русистики или славистики в России и в университетах Германии (общее число студентов – участников интервью – 376 человек разных курсов обучения). В качестве критериев отбора участников использовался политико-географический фактор (обучающиеся родились в Германии и имеют немецкое гражданство), языковой (родной язык – немецкий), специальность (обучаются по специальностям «русский язык и русская история», «славянские языки», «дипломатия») и уровень владения русским языком (не ниже B2).

В качестве контрольной группы была определена группа студентов из Китая, которые также изучают русский язык как основную дисциплину в рамках специальности в России или Китае (число участников контрольной группы – 420 человек).

На первом этапе практического исследования нами была предпринята попытка провести анализ динамики численности студентов, изучавших РКИ в Германии или приезжавших в Россию для изучения языка в 1990–2025 гг.

Известна общемировая тенденция к снижению числа как владеющих русским языком, так и изучающих его как иностранный или неродной. Так, в

докладе Центра социологических исследований «Социоцентр» Минобрнауки РФ указано, что численность иностранцев, изучающих русский язык, в 2018 году сократилась вдвое (в начале 1990-х – 74,6 млн человек, в 2018 году – 38,2 млн) и продолжит снижаться в ближайшие годы. При этом стабильный рост числа изучающих язык в Европе и Северной Америке долгие годы поддерживался за счет детей эмигрантов из России и стран бывшего СССР¹. Эти данные отражают тенденцию, наметившуюся еще до 2022 года – очевидно, что сегодня она выражена еще более отчетливо.

Официальных открытых статистических данных во многих вузах на этот счет нет. Отдельные данные по годам приводятся в уже цитированной нами статье немецких исследователей (Hunko, 2023). Так, Deutschen Institut für Erwachsenenbildung durchgeführt (Немецкий институт образования для взрослых) проводит следующую статистику за период с 2018 по 2021 год: если в 2018-2019 гг. русский язык изучало 18492-20333 человек, что в целом соответствовало тенденциям 2000-2010-х гг., то к концу 2021 года это количество снизилось практически вдвое – до 10075 (Hunko, 2023).

В другой не менее значимой работе отмечается, что «пиком интереса к русскому языку в Германии, как и в целом в странах Западной Европы, стал конец 1980-х гг., что было связано с так называемой перестройкой и определенными ожиданиями от нее. В связи с большей открытостью СССР увеличился приток в Россию немецких туристов и различных специалистов, в самой Германии заметно возросло число изучающих русский язык в учебных заведениях и на языковых курсах»². Стабильный интерес к изучению русского языка в ФРГ в 1980-е гг. обуславливался прежде всего геополитическим контекстом: русский язык рассматривался как важный инструмент для понимания Советского Союза, что стимулировало его преподавание в университетах и других учебных заведениях.

Ситуация изменилась в начале 1990-х – интерес к России и русскому языку резко упал. В 1990-е гг. произошло существенное снижение числа студентов, изучающих русский язык. Это было связано с изменением политической обстановки в Европе и мире, а также с появлением новых образовательных приоритетов: многие студенты стали отдавать предпочтение другим иностранным языкам, таким как английский и испанский, которые казались более востребованными на рынке труда.

¹ Число изучающих русский язык в мире упало в 2 раза со времен распада СССР // Коммерсантъ. Общество. 28.11.2019. URL: <https://www.rbc.ru/society/28/11/2019/5ddd18099a79473d0d9b0ab1>.

² Арефьев А.Л. Изучение русского языка молодежью Германии // Демоскоп Weekly. Институт демографии Высшей школы экономики. №441-442. 1-14 ноября 2010 г. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2010/0441/analit05.php>.

Однако в последующие десятилетия число владеющих русским языком в Германии продолжало расти из-за постоянного притока русскоговорящих мигрантов и эмигрантов из Казахстана, России, Украины, Молдавии, Польши и других бывших советских республик. Более половины людей, владеющих русским языком в Германии на рубеже веков, составили переселенцы из бывшего СССР. Напомним, что в ГДР изучение русского как первого иностранного было обязательным в средней и высшей школе. Кроме того, по сообщению А.Л. Арефьева, «русский язык и русская (советская) культура широко пропагандировались в восточногерманских СМИ»¹.

Начиная с 2000-х годов, наметилась тенденция к стабилизации и частичному восстановлению интереса к русскому языку. Это связано с ростом экономического сотрудничества между Германией и Россией, увеличением культурных обменов и осознанием стратегической важности России в международных отношениях. Кроме того, активизировалась работа по продвижению русского языка в немецких учебных заведениях. Тем не менее, численность студентов, изучающих русский язык, оставалась значительно ниже, чем в 1980-е гг.

Опрос преподавателей кафедр русского языка как иностранного, работавших в 2000-2010 гг. и работающих сегодня в вузах Казани, Москвы и Нижнего Новгорода, показал следующее. Во всех вузах, которые были представлены в опросе (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социальных и гуманитарных знаний г. Казани, Российский государственный гуманитарный университет г. Москвы, Институт русского языка им. А.С. Пушкина г. Москвы, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова), в конце 1990-х гг. были открыты студенческие и преподавательские (годовые и семестровые) программы обмена. Студенты из Германии регулярно приезжали в составе смешанных групп и индивидуально изучать русский язык или русскую историю в российских вузах. С начала 2000-х каждый из указанных вузов принимал от 20 до 150 немецкоговорящих студентов, обучающихся по филологическим специальностям, в год. В одной из работ указывается следующая цифра – 1086 студентов из Германии приехали в Россию с целью изучения русского языка в 2006/2007 учебном году².

Эти цифры стали меняться в 2014 году – некоторые программы зарывались, сокращалось количество их участников, однако все вузы стабильно

¹ Арефьев А.Л. Изучение русского языка молодежью Германии // Демоскоп Weekly. Институт демографии Высшей школы экономики. №441-442. 1-14 ноября 2010 г. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2010/0441/analit05.php>.

² Там же.

продолжали принимать на своих площадках студентов из разных вузов Германии, в которых также работали кафедры славистики или русского языка.

По сообщению «Московской немецкой газеты», в 2005-2015 гг. Германская служба академических обменов (DAAD) предлагала студентам более 20 разновидностей программ и стипендий, дающих возможность изучать русский язык в России. Сама служба была создана в 1925 году по инициативе студентов и долгие годы являлась «крупнейшей в мире организацией, содействующей международному обмену студентов и ученых»: за столетие она поддержала около 3 млн человек¹. В указанные десятилетия действовали многочисленные программы студенческой и преподавательской мобильности, совместные исследовательские проекты, проводились научные конференции и семинары. Другие германские фонды, такие как Фонд Александра фон Гумбольдта, активно поддерживали российские университеты и ученых. Обмен был важным фактором интеграции российского научного сообщества в европейское пространство и способствовал повышению качества образования и научных исследований в обеих странах.

Согласно открытым данным Немецкой ассоциации славистов, в 2006 г. число изучавших РКИ составило 12,5 тыс., важно отметить, что только 5 тыс. из них изучали язык в качестве первого иностранного и предполагали связать свою будущую профессию с ним. Связано это с падающей востребованностью профессии преподавателя русского языка в немецких гимназиях и закрытием ряда институтов славистики в Германии в 2000-2010 гг. Число студентов в институтах Гейдельберга, Майнца, Саарбрюкена и других городов Германии, обучающихся по специальности «переводчик (русский язык)», в те годы составляло всего несколько сотен человек. РКИ изучался прежде всего студентами юридических, экономических, медицинских и естественно-научных факультетов и в чуть меньшей степени – студентами технических вузов и инженерных училищ².

К 2019 году количество студентов, приезжающих в российские вузы, сократилось на треть. В 2019-2021 гг. многие программы были переведены в формат дистанционных курсов или закрыты, в том числе программы DAAD.

И все же в период с 2010 по 2020 гг., хотя и наблюдались колебания в численности студентов, изучающих русский язык, однако, в целом, сохранялась тенденция к умеренному росту.

¹ DAAD: Вписаны в вековую историю. Германская служба академических обменов (DAAD) // Московская немецкая газета. 11.02.2025. URL: <https://ru.mdz-moskau.eu/daad-vpisany-v-vekovuju-istoriju/>.

² Арефьев А.Л. Изучение русского языка молодежью Германии // Демоскоп Weekly. Институт демографии Высшей школы экономики. №441-442. 1-14 ноября 2010 г. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2010/0441/analit05.php>.

В конце 2021 года часть учебных программ академической мобильности получила импульс возобновления – первые группы студентов вновь приехали в Россию (по примерным подсчетам, их количественный состав сократился вдвое по сравнению с привычными цифрами начала века). В марте-апреле 2022 года практически все приехавшие были отозваны в Германию, программы были закрыты в связи с позицией немецкого правительства относительно СВО на территории Украины.

По сообщению издательства Deutscher Bundestag, число российских студентов в немецких колледжах и университетах сокращается, начиная с 2018/2019 учебного года. Если в зимнем семестре 2018/2019 общее число студентов составляло 1061 человек, то в зимнем семестре 2022/2023 учебного года число обучающихся сократилось практически вдвое – до 672 человек¹. Статистики за 2023-2025 гг. ни в одном из открытых источников не имеется.

После 2022 года прямое сотрудничество между российскими и немецкими университетами в целом было в значительной степени приостановлено или прекращено. Это привело к существенному сокращению возможностей для академической мобильности российских студентов и преподавателей в Германию. Совместные исследовательские проекты были заморожены или отменены. Та же тенденция сохраняется в целом во всех формах социально-культурного контакта граждан России и Германии, не только в области изучения русского языка. Общество германо-российской дружбы, созданное по инициативе правительства ГДР в середине XX века и некогда включавшее более 6 млн членов, после 1990 года было распущено, однако в различных регионах Германии возникали его преемники – например, берлинское объединение «Друзья народов России», «Общество дружбы» в Тюрингии, Шверине и Саксонии, Немецко-русский институт культуры в г. Дрездене. Но к 2022 году многие из них прекратили свое функционирование².

Произошло переключение студенческих обменов на университеты стран СНГ. В условиях ограничения сотрудничества с западными странами российские университеты начали активно развивать академические обмены с университетами стран СНГ, в частности, Армении и Кыргызстана. Это позволило частично компенсировать потерю возможностей для международной мобильности и расширить географию академического сотрудничества. Одна-

¹ Zahl der Russischlernenden geht in Deutschland zurück // Deutscher Bundestag. 26.10.2023. URL: https://www.bundestag.de/presse/hib/kurzmeldungen-974114?utm_source=chatgpt.com.

² Последний бастион германо-российской дружбы // Московская немецкая газета. 24.11.2024. URL: <https://ru.mdz-moskau.eu/poslednij-bastion-germano-rossijskoj-druzhyby/>.

ко, несмотря на позитивные аспекты, полноценной заменой немецким университетам вузы стран СНГ стать не смогли в силу различий в образовательных стандартах и научных традициях.

Сегодня наметились первые вестники изменения ситуации. По сообщению «Московской немецкой газеты», в январе-феврале 2025 г. состоялся первый возобновленный обмен – в Россию вновь приехали студенты из Германии¹. Постепенно возобновляются и другие программы культурного взаимодействия. Так, по сообщению заместителя председателя Общества германо-российской дружбы Торстена Рексина, в настоящее время (2024 год) в одностороннем порядке по приглашению российской стороны немецкие преподаватели, ученые, деятели искусства приезжают в Россию. В некоторых городах России (например, в г. Волгоград) возобновляют работу языковые клубы с носителями немецкого языка (обычно это студенты). При этом, как отмечает Т. Рексин, наибольший интерес к России и русскому языку сохраняется в средней и старшей возрастной группе (от 40 до 70 лет)².

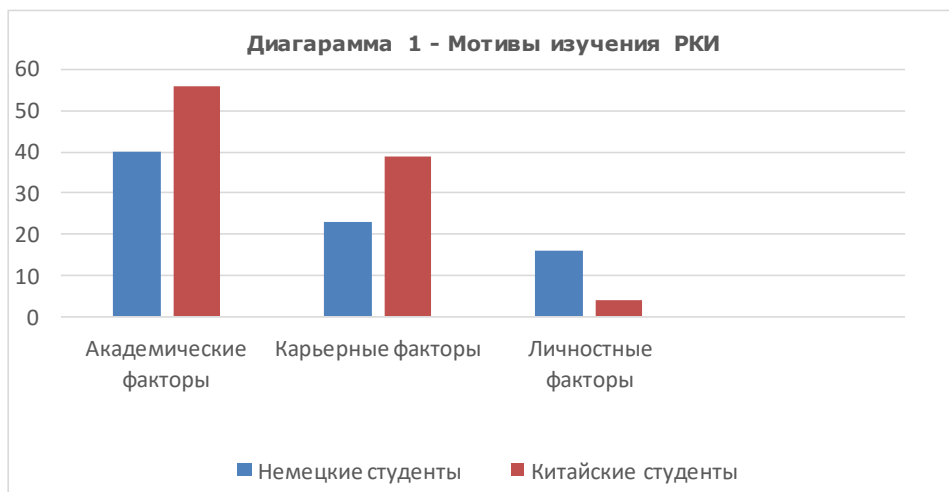
Таким образом, следует констатировать падение интереса к русскому языку и России в целом у молодежи Германии. Если ранее более половины изучавших русский язык граждан Германии составляли выходцы из СССР (1980-1990 гг.), то сегодня они сменились поколением, рожденным не в русскоговорящих странах, и необходимость изучать русский язык как неродной в этой среде отпала. Охлаждение в политико-экономической сфере, разрыв бизнес-контактов, спад уровня экономического взаимодействия между Россией и Германией, начавшийся в 2022 году, усилил и без того очевидно наметившуюся тенденцию по сокращению числа изучающих РКИ и намеревающихся связать свою будущую профессию с русским языком.

При этом, несмотря на все указанные факторы, закрытие программ и кафедр славистики повсеместно в Германии, интерес к языку, истории и культуре России все же сохраняются, что обусловлено целым комплексом взаимосвязанных факторов, которые поддерживают интерес к изучению русского языка немецкоязычной аудиторией, а значит могут использоваться в целях корректирования имиджа России. Данные факторы можно условно разделить на три категории: академические, карьерные и личностные (группы выделены нами на основе тематического кодирования). Кратко рассмотрим представленные группы факторов (мотивов), которые были обоб-

¹ DAAD: Вписаны в вековую историю. Германская служба академических обменов (DAAD) // Московская немецкая газета. 11.02.2025. URL: <https://ru.mdz-moskau.eu/daad-vpisany-v-vekovuju-istoriju/>.

² Последний бастион германо-российской дружбы // Московская немецкая газета. 24.11.2024. URL: <https://ru.mdz-moskau.eu/poslednij-bastion-germano-rossijskoj-druzhby/>.

щены нами самостоятельно в результате качественного анализа (кодирования тем) и выведены из опроса немецкоговорящих студентов, изучающих РКИ. В Диаграмме 1 представлено соотношение трех групп факторов в экспериментальной (немецкой) и контрольной (китайской) группах.

Академические мотивы зачастую связаны с необходимостью углубленного изучения истории, культуры России и научной литературы, изданной на русском языке. Многие немецкие студенты, специализирующиеся на славистике, истории Восточной Европы или смежных дисциплинах, рассматривают знание русского языка как необходимое условие для проведения качественных исследований и работы с научными первоисточниками, архивными документами и художественной литературой, недоступных в переводе. Это критерий мотивации к изучению русского языка в том или ином виде («смогу больше узнать», «буду читать в оригинале», «приеду в Ленинку», «хочу читать военный архив») указали около 40 % опрошенных немецких студентов и 56% китайских. Для восточных студентов этот показатель выражен более значимо.

Карьерные перспективы, как уже отмечалось, в последние годы в связи с усилением негативных политических нарративов в ЕС становятся все менее отчетливыми, что сказывается на общеевропейском интересе к стране и ее языку (сходные результаты получены в опросе студентов из Англии и Португалии). Однако все же до сих пор Россия остается экономическим партнером Германии, в 2025 году. становится понятно, что в той или иной форме эти отношения будут развиваться и дальше. Компании, занимающие

ся международной торговлей, энергетикой, логистикой, нуждаются в специалистах, владеющих русским языком. Кроме того, возможности трудоустройства в международные организации и дипломатические структуры также стимулируют изучение русского языка. Данный мотив актуален для 23% опрошенных студентов из Германии (показатели для Англии и Португалии с учетом погрешности примерно те же) и для 39% китайских студентов. Как видим, представители Востока более оптимистично настроены в отношении трудоустройства со знанием русского языка («смогу получить хорошее предложение на рынке», «буду иметь преимущество», «легче найду работу», «смогу работать в России»).

Наконец, личностные мотивы, такие как интерес к русской культуре, желание общаться с носителями языка (около 16% опрошенных студентов-немцев) и стремление к личностному росту, играют также определенную роль в выборе иностранного языка. Многие немецкие студенты среди мотивов, стимулирующих их изучать язык, отмечали возможность читать произведения Достоевского и Толстого в оригинале, смотреть русские фильмы и общаться с носителями языка. Кроме того, изучение нового, достаточно сложного в освоении языка способствует расширению кругозора и развитию когнитивных способностей, что также привлекает студентов (достаточно редко этот критерий указывается – примерно у 1% опрошенных немецких студентов: «хочу тренировать мозг», «только самые умные на курсе выбрали русский язык как основной»). В контрольной группе, однако, такие ответы были наименее популярны (всего 4%).

Далее было изучено отношение современных немецких студентов к изучению русского языка как иностранного, которое формируется под воздействием целого комплекса как позитивных, так и негативных факторов, ряд которых был установлен нами в ходе проведенного опроса.

Особое место здесь занимает геополитический фактор. Негативный информационный фон, усиленный политической напряженностью, оказывает заметное влияние на выбор студентов. В частности, отмечается снижение интереса к углубленному изучению российской культуры и истории, что, безусловно, сказывается на общей лингвистической подготовке студентов и заполняемости набора в славянские группы в западноевропейских университетах. Этот фактор указало почти 85% опрошенных студентов из Германии (в контрольной группе показатель ничтожен: 5%).

Согласно теории фрейминга, объясняющей, как организация и подача информации влияет на восприятие и интерпретацию реальности аудиторией, что в конечном итоге способствует формированию у неё определённого понимания, отношения или оценки. Р. Энтман определяет суть этого явления

следующим образом: «To frame is to select some aspects of a perceived reality and make them more salient in a communicating text, in such a way as to promote a particular problem definition, causal interpretation, moral evaluation and/or treatment recommendation for the item described» (Entman, 1993, с. 54). Следовательно, целенаправленно нивелировать влияние данного фактора достаточно сложно – поэтому следует больше работать с мотивацией студентов и проработкой факторов, которые будут описаны далее.

Существенным фактором, определяющим отношение к РКИ, являются опасения студентов по поводу возможности будущего успешного трудоустройства (прагматический фактор). Особенно это касается тех, кто рассматривал возможность работы в компаниях, связанных с Россией. Геополитическая неопределенность и санкционные риски заставляют студентов пересматривать свои карьерные планы и, как следствие, снижают их мотивацию к углубленному изучению языка и культуры, а иногда диктуют им необходимость сменить специальность. Данный фактор отметили почти 60% опрошенных немецких студентов и всего 4% китайских. Английский язык, как *lingua franca* международного бизнеса, традиционно пользовался наибольшей популярностью. За ним следуют языки стран с развитой экономикой, таких как Китай, Франция и Испания. Русский язык, к сожалению, и до 2022 года, не всегда рассматривался как инструмент, открывающий широкие перспективы карьерного роста, а в контексте текущей геополитической ситуации существенно потерял свои позиции.

Важную роль играет исторический фактор. В период Холодной войны русский язык был обязательным предметом в школах ГДР и широко изучался в Западной Германии, о чем мы писали выше. Однако после объединения Германии интерес к русскому языку значительно снизился. Он стал ассоциироваться с советским прошлым и утратил свою привлекательность в глазах молодого поколения. Его знает, им интересуется преимущественно старшее поколение и люди средней возрастной группы. Об этом упомянули в ходе опроса почти 35% (в контрольной группе – 2%).

Существенно важным оказывается и субъективное восприятие сложности русского языка, его грамматики и семантической емкости (языковой фактор). Русский язык часто воспринимается немецкими студентами как сложный для изучения из-за его системы падежей, видов глагола и кириллического алфавита. По сравнению с более «легкими» языками, такими как английский или испанский, русский язык требует больших усилий и времени для освоения, что всегда отпугивало часть студентов. Указанную причину отметило 13% опрошенных (при 6% в контрольной группе).

Немаловажным является фактор доступности качественных образовательных ресурсов и квалифицированных преподавателей. Несмотря на наличие учебных программ по русскому языку в немецких университетах, студенты часто жалуются на недостаток современных и интересных учебных материалов, а также на отсутствие возможностей для языковой практики с носителями языка – особенно начиная с 2019 г. (методический фактор). Об этом нам сказало около 10% студентов-немцев и менее 1% китайцев.

Некоторые европейские студенты указали, что ошиблись с выбором русского языка и хотят изменить свое решение, перевестись на другой курс (около 12% немцев и менее 1% китайцев). Чаще других свой отказ демонстрировали представители Франции, Бельгии и Англии (в среднем более 20% от общего числа обучающихся из каждой страны).

Наконец, на формирование отношения к русскому языку влияет и общественное мнение, формируемое СМИ и текущей политической ситуацией (фрейминг-фактор). Негативные стереотипы о России, транслируемые в масс-медиа, могут оказывать влияние на мотивацию студентов к изучению русского языка, снижая ее. Данный фактор отметило менее 13% опрашиваемых студентов из Германии и не отметили студенты из Китая. При этом около 25% немецкоговорящих инофонов ответили, что СМИ создают «объективный» образ России – то есть разный, в зависимости от тематики публикаций. Подтверждение находим в статье Е.В. Колесовой и Е.С. Голоусовой, посвященной специфике формирования образа России немецкими средствами массовой информации в период с 2014 по 2021 гг. Автор исследовала публикации онлайн-версий немецких печатных изданий *Der Spiegel* и *Die Zeit*, а также материалы медиахолдинга *Deutsche Welle* (внесен в список СМИ-иноагентов в России) и сделала вывод, что образ России, формируемый немецкими СМИ, имеет выраженный негативный характер, если речь идет о политических вопросах. Нейтральный и позитивный оттенок характерен для публикаций, посвященных темам искусства (Колесова, 2023).

Наглядно результаты сравнительного анализа в экспериментальной и контрольной группах представлены на Диаграмме 2. Как видим, большинство рассмотренных факторов не релевантны для контрольной группы.

В указанных условиях стратегии кафедр русистики и славистики играют ключевую роль в поддержании интереса к РКИ. Как правило, кафедры занимают нейтральную позицию в университетской политике, что позволяет им сохранять академическую автономию и создавать благоприятную атмосферу для обучения. В целом, им удается поддерживать стабильное число студентов, несмотря на внешние факторы. Это достигается за счет активного использования современных методик преподавания, привлечения квалифицированных преподавателей и создания интересных образовательных программ. Контент университетских соцсетей также играет важную роль в поддержании позитивного имиджа РКИ. Отсутствие политического давления и акцент на академических достижениях позволяют кафедрам привлекать студентов, заинтересованных в изучении языка и культуры России. Данный факт отметило более 40% студентов-немцев, принявших участие в опросе.

Несмотря на общее снижение интереса, академическая кооперация между немецкими университетами и университетами стран СНГ играет ключевую роль в поддержании интереса к изучению РКИ. Совместные программы обмена, летние школы, научные конференции и другие формы сотрудничества позволяют немецким студентам не только углубить свои знания русского языка и культуры, но и получить непосредственный опыт погружения в языковую среду. Эта практика и дальше может способствовать формиро-

ванию более глубокого понимания российской действительности и преодолению стереотипов, в том числе политических.

В условиях меняющегося геополитического ландшафта и информационной насыщенности студенты РКИ в Германии представляют собой важную целевую аудиторию для целенаправленной трансляции имиджа России. Владение русским языком и понимание российской культуры делают эту аудиторию наиболее восприимчивой к ценностям русского мира, а потому имеет смысл разработать особую имиджевую стратегию для них. Студенты РКИ могут стать эффективными посредниками в развитии российско-германских отношений, способствуя укреплению взаимопонимания и сотрудничества между двумя странами.

Сфера изучения русского языка как иностранного (РКИ) в немецких университетах на протяжении последних десятилетий претерпела значительные изменения. Начиная с 1990-х гг., наблюдается долгосрочная тенденция к снижению числа студентов, выбирающих РКИ в качестве своей специализации или факультативного курса. Этот спад обусловлен целым рядом факторов, включая изменения в геополитической ситуации, рост влияния общеевропейского негативного нарратива, смещение акцентов в образовательной политике и растущую популярность других иностранных языков. Снижение интереса к изучению русского языка в Германии носит долгосрочный и, увы, перспективный характер. Часть студентов переориентировалась на университеты стран СНГ и изучает РКИ там.

Наиболее существенный спад интереса к русскому фиксируется именно в молодой европейской (в частности – немецкой) аудитории, которая и является объектом нашего изучения в аспекте применения маркетинга распространения нового имиджа России. Студенческая молодежь Германии, изучающая РКИ, является важным субъектом, который необходимо включить в международный диалог: именно выпускники германских и российских вузов, обучавшихся по филологическим специальностям, будут работать преподавателями, исследователями и специалистами в сфере международного сотрудничества.

В целях разработки эффективных стратегий продвижения российской культуры, образования и политики за рубежом, особенно в Европе, необходимо учитывать как факторы, мотивирующие студентов все же, несмотря ни на что, выбирать своей специальностью русский язык (академические, карьерные, личностные), так и факторы, оказывающие скорее негативное влияние на их отношение к языку и России в целом (геополитические, прагматические, языковые, исторические, методологические и фрейминг-факторы). Отметим, что данный набор факторов характерен именно для аудитории

немецких студентов и не подтверждается в контрольной группе китайский студентов.

Среди наиболее выраженных причин снижения интереса к русскому языку отметим две наиважнейшие: страх последующих в будущем сложностей с трудоустройством в сфере международного сотрудничества и негативный новостной фон, и ухудшение политического имиджа России на международной арене. Грамотная политика университетов и их нейтральная позиция помогает частично стабилизировать ситуацию и сохранять интерес к специальности. Целенаправленная работа с каждой группой факторов может изменить ситуацию.

В качестве перспектив исследования отметим необходимость сравнения показателей по разным странам Европы и Азии, наблюдения показателей в динамике.

Литература

Abgeordneten, A. H., Sevim, D., Žaklin, N., & Fraktion DIE LINKE. (n.d.). *Situation der russischen Sprache in Deutschland in Zeiten des Ukraine-Krieges*. Deutscher Bundestag. Drucksache 20/8619.

Entman, R. M. (1993). Framing: Toward clarification of a fractured paradigm. *Journal of Communication*, 43(4), 51–58.

Kolozaridi P. (2025). Unstable users: Coordinating the configuration of digital objects and projects. *Technology and Language*, 6(1), 205–223. <https://doi.org/10.48417/technolang.2025.01.14>.

Kotomina A. & Milburn, C. (2025). Speculative technologies: Further dreams of technical reason. *Technology and Language*, 6(1), 130–134. <https://doi.org/10.48417/technolang.2025.01.09>.

Liu, X., et al. (2013). *Social multiplier versus social norms: What matters most for outcomes?* Center for Economic Policy Research. <http://www.voxeu.org/article/social-multiplier-versus-social-norms-what-matters-most-outcomes>.

Nye, J. (2004). *Soft power: The means to success in world politics*. PublicAffairs.

Алексеева, А. В. (2020). Медиадискурс в пространстве политической коммуникации. *Коммуникология*, 8(4), 15–21.

Андреева, А. (2024). Взросление в терапевтической культуре: самоконтроль и самопознание как основа новой культурной модели. *The Journal of Social Policy Studies*, 22(1), 59–78. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-1-59-78>.

Боргоякова, Т. Г. (2017). Психолингвистические аспекты формирования этнической и российской идентичности. *Вопросы психолингвистики*, 3(33), 19–31.

Глинская, И. Ю. (2016). Формирование и продвижение бренд-имиджа России. *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*, 1, 46–53.

Жеглова, Ю. Г. (2015). Внешнеполитический имидж Российской Федерации: проблема целеполагания. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*, 2(713), 43–55.

Жеглова, Ю. Г. (2018). Трудности имиджевой политики в интересах Российской Федерации. *Общество: политика, экономика, право*, 4, 10–12.

Икиликян, С. Г. (2017). Роль языка в формировании этнической идентичности как предмет изучения научно-исследовательских практик. *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*, 2(194), 16–21.

Колесова, Е. В., & Голоусова, Е. С. (2023). Образ России в немецких СМИ (на примере Deutsche Welle, Der Spiegel, Die Zeit). *Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры*, 29(4), 50–61.

Крюков, В. (2022). Слышать, понимать, договариваться. *ЕКО*, 52(7), 4–7.

Лапкин, В. В. (2025). Общество в развитии как предмет политической науки. *Полис. Политические исследования*, 2, 135–156. <https://doi.org/10.17976/jpps/2025.02.10>.

Ордовский, Д., & Кожемякин, Е. А. (2025). Цифровая публичная дипломатия в эпоху социальных медиа: эволюция и современное состояние. *Полис. Политические исследования*, 2, 157–166. <https://doi.org/10.17976/jpps/2025.02.11>.

Палеха, Е. С. (2023). Русский язык как средство примирения мирового сообщества. *Русский язык как иностранный: история, современность и будущее* (с. 110–117). Изд-во Казанского университета.

Сафранчук, И. А., & Жорнист, В. М. (2025). Доминирующие нарративы западных СМИ в период становления концепции Responsibility to Protect, 1990-е годы. *Полис. Политические исследования*, 2, 110–123. <https://doi.org/10.17976/jpps/2025.02.08>.

Цыренжапов, З. О. (2008). Имидж России в мировом информационном пространстве: проблемы и перспективы развития. *Социология власти*, 1, 144–150.

References

Abgeordneten, A. H., Sevim, D., Žaklin, N., & Fraktion DIE LINKE. (n.d.). *The situation of the Russian language in Germany during the Ukraine war*. Deutscher Bundestag. Drucksache 20/8619.

Alekseeva, A. V. (2020). Media discourse in the space of political communication. *Communicology*, 8(4), 15–21. (In Russ)

Andreeva, A. (2024). Growing up in therapeutic culture: Self-control and self-knowledge as the basis of a new cultural model. *The Journal of Social Policy Studies*, 22(1), 59–78. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-1-59-78>. (In Russ)

Borgoyakova, T. G. (2017). Psycholinguistic aspects of the formation of ethnic and Russian identity. *Questions of Psycholinguistics*, 3(33), 19–31. (In Russ)

Entman, R. M. (1993). Framing: Toward clarification of a fractured paradigm. *Journal of Communication*, 43(4), 51–58.

Glinskaya, I. Yu. (2016). Formation and promotion of Russia's brand image. *RUDN Journal of International Relations*, 1, 46–53. (In Russ)

Ikilikyan, S. G. (2017). The role of language in the formation of ethnic identity as a subject of research practices. *News of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Sciences*, 2(194), 16–21. (In Russ)

Kolesova, E. V., & Golousova, E. S. (2023). The image of Russia in German media (case study of Deutsche Welle, Der Spiegel, Die Zeit). *Bulletin of Ural Federal University. Series 1: Issues of Education, Science and Culture*, 29(4), 50–61. (In Russ)

Kolozaridi, P. (2025). Unstable users: Coordinating the configuration of digital objects and projects. *Technology and Language*, 6(1), 205–223. <https://doi.org/10.48417/technolang.2025.01.14>.

- Kotomina, A., & Milburn, C. (2025). Speculative technologies: Further dreams of technical reason. *Technology and Language*, 6(1), 130-134. <https://doi.org/10.48417/technolang.2025.01.09>.
- Kryukov, V. (2022). To hear, to understand, to negotiate. *ECO*, 52(7), 4-7.
- Lapkin, V. V. (2025). Society in development as a subject of political science. *Polis. Political Studies*, 2, 135-156. <https://doi.org/10.17976/jpps/2025.02.10>. (In Russ)
- Liu, X., et al. (2013). *Social multiplier versus social norms: What matters most for outcomes?* Center for Economic Policy Research. <http://www.voxeu.org/article/social-multiplier-versus-social-norms-what-matters-most-outcomes>.
- Nye, J. (2004). *Soft power: The means to success in world politics*. PublicAffairs.
- Ordovsky, D., & Kozhemyakin, E. A. (2025). Digital public diplomacy in the era of social media: Evolution and current state. *Polis. Political Studies*, 2, 157-166. <https://doi.org/10.17976/jpps/2025.02.11>. (In Russ)
- Paleha, E. S. (2023). Russian language as a means of reconciliation of the world community. In *Russian as a foreign language: History, modernity and future* (pp. 110-117). Kazan University Press. (In Russ)
- Safranchuk, I. A., & Zhornist, V. M. (2025). Dominant narratives of Western media during the formation of the Responsibility to Protect concept in the 1990s. *Polis. Political Studies*, 2, 110-123. <https://doi.org/10.17976/jpps/2025.02.08>. (In Russ)
- Tsyrenzhapov, Z. O. (2008). Russia's image in the global information space: Problems and development prospects. *Sociology of Power*, 1, 144-150. (In Russ)
- Zheglova, Yu. G. (2015). Foreign policy image of the Russian Federation: The problem of goal-setting. *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 2(713), 43-55. (In Russ)
- Zheglova, Yu. G. (2018). Difficulties of image policy in the interests of the Russian Federation. *Society: Politics, Economics, Law*, 4, 10-12. (In Russ)

СТАТЬИ

Л.Я. Прокопенко

ГЕНДЕРНЫЙ ПАРИТЕТ В ПОЛИТИКЕ В РУАНДЕ: ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОТИВОРЕЧИЯ, РОЛЬ КВОТ

Аннотация

В последние десятилетия Руанда наряду с ЮАР, Мозамбиком и Намибией, достигла значительных успехов в становлении гендерного равенства в политике. Основная цель данного исследования – показать в исторической ретроспективе достижения гендерного равенства в Руанде в процессе постгеноцидного развития (после 1994 года), определить влияние гендерных квот на расширение политического участия женщин, а также трудности, связанные с недостаточностью его должного осознания обществом. Автором использована следующая группа методов: исторический, сравнительный, описание статистических данных и биографический.

Автор констатирует, что политика президента Поля Кагаме в течение нескольких десятилетий способствовала становлению гендерного равенства на уровне органов власти, что в немалой степени содействовало повышению его международного имиджа и получению финансовой помощи западных доноров.

Результаты исследования показывают, что достижение Руандой гендерного паритета в законодательной и исполнительной власти является не только результатом политической воли, но и результатом комплексной политики и программ, направленных на поддержку расширения прав и возможностей женщин. Автор приходит к выводу, что в Руанде гендерный паритет в политике, достигнутый благодаря введению квоты на представленность женщин на выборных должностях, носит достаточно формальный характер. Высокая доля женщин в законодательной и исполнительной власти де-юре пока мало коррелирует с их фактическим

L. Prokopenko

GENDER PARITY IN POLITICS IN RWANDA: ACHIEVEMENTS, CONTRADICTIONS, ROLE OF QUOTAS

Abstract

In recent decades, Rwanda, along with South Africa, Mozambique and Namibia, has made significant progress in establishing gender equality in politics. The main objective of this study is to show the achievements of gender equality in Rwanda in the process of its post-genocide development (after 1994) in historical retrospect, to determine the impact of gender quotas on the expansion of women's political participation, as well as the difficulties associated with the lack of its proper awareness by society. The author used the following group of methods: historical, comparative, description of statistical data, biographical.

The author states that the policy of President Paul Kagame contributed for several decades to the establishment of gender equality at the level of government agencies, which facilitated to a large extent improving his international image and receiving financial assistance from Western donors.

The results of the study show that Rwanda's achievement of gender parity in the legislative and executive branches results not only from political will, but also from comprehensive policies and programs aimed at supporting the empowerment of women. The author concludes that in Rwanda, gender parity in politics achieved through the introduction of a quota for women's representation in elected positions, is rather formal. The high proportion of women in the legislative and executive branches de jure still correlates poorly with their actual participation in the decision-making. At the same time, traditional views

участием в принятии решений. При этом в руандийском обществе на низовом уровне сохраняются традиционные взгляды на роль женщины.

of the role of women persist on a grassroots level in Rwandan society.

Ключевые слова:

Руанда, геноцид, гендерное равенство, политика, представленность женщин, парламент, выборы, гендерный паритет, насилие.

Key words:

Rwanda, genocide, gender equality, politics, women's representation, parliament, elections, gender parity, violence.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-2-134-152>

Сотрудничество СССР/России и Руанды насчитывает более 60 лет. В 1992 году Руанда признала Российскую Федерацию в качестве правопреемника СССР. Россия принимала активное участие в мирном урегулировании внутривнутриполитического кризиса в Руанде в 1993–1995 гг., участвовала в организации гуманитарных акций ООН в этой стране (авиаперевозки гуманитарных грузов). В октябре 2015 года впервые в истории двусторонних отношений Москву с рабочим визитом посетила министр иностранных дел Руанды Луиз Мушикивабо. В развитии политического диалога важным событием стала встреча президента РФ Владимира Путина с руандийским президентом Полем Кагаме, приехавшего в Москву в июне 2018 года на церемонию открытия чемпионата мира по футболу FIFA-2018. В том же году делегация Руанды во главе со спикером палаты депутатов Донатилле Мукабалиса приняла участие в Международном форуме по развитию парламентаризма, проходившего в Москве. С 2016 года развивается военно-техническое сотрудничество между нашими странами, развивается также сотрудничество в сфере мирного использования атомной энергии. За десятилетия сотрудничества высшее образование в вузах СССР/России получили более 800 руандийцев.

Одним из индикаторов устойчивого развития является гендерное равенство, которое не только одно из основных прав человека, но и необходимая основа для сохранения мира и безопасности, что особенно важно для стран Африканского континента.

В последние десятилетия Руанда наряду с ЮАР, Мозамбиком и Намивией¹, которые ввели гендерные квоты, достигла значительных успехов в становлении гендерного равенства в политике. Как отмечалось в докладе неправительственной исследовательской организации в Африке Africa Barometer за 2024 год, в этих странах «...квоты способствовали быстрому

¹ В декабре 2024 года президентом страны была избрана Нетумбо Нанди-Ндаитва.

росту политического участия женщин»¹. Опыт Руанды демонстрирует значимые успехи не только в выравнивании гендерного баланса в политике, но и фактически в гендерной асимметрии в пользу женщин. В 2018 году был достигнут гендерный паритет на уровне правительства (52% женщин), а в парламенте налицо была гендерная асимметрия в пользу женщин (64%)². После парламентских выборов, состоявшихся в июне 2024 года, в составе законодательного органа 63,8% женщин³.

Методологической основой данного исследования стал исторический, сравнительный методы, а также метод описания статистических данных. Их применение позволило автору осуществить количественный и качественный анализ результатов парламентских выборов в Руанде в период постгеноцидного развития (1994–2024 гг.), президентских кампаний в 2010, 2017 и 2024 гг., а также законодательных актов и программных документов правительства, в том числе стратегии развития страны до 2050 года «Видение 2050» (Vision 2050), принятой в 2020 году.

В статье с помощью методов анализа больших массивов информации анализировались речи главы государства, документы правящей партии, неправительственных организаций, региональных организаций, а также материалы национальных и западных СМИ. Применялся в статье также биографический метод исследования.

Становление гендерного равенства в политике как одна из целей постгеноцидного развития

После геноцида 1994 года⁴, унесшего жизни сотен тысяч людей (около 20% населения), была необходима трансформация общества, и в сложившейся демографической ситуации власти избрали путь усиления роли женщины во всех сферах жизни страны. Благодаря установлению гендерных квот произошла трансформация политических институтов.

На момент первой всеобщей переписи 1962 года население Руанды составляло 3 млн жителей. В августе 1991 года, за три года до начала граж-

¹ Africa Barometer, 2024 (2024). Stockholm: International Institute for Democracy and Electoral Assistance. P. 44. URL: <https://www.idea.int/sites/default/files/2024-07/womens-political-participation-africa-barometer-2024.pdf>

² The state of gender equality in Rwanda: from transition to transformation (2019). Kigali: Gender Monitoring Office. P. 56. URL: https://africa.unwomen.org/sites/default/files/2023-11/rwanda_gender_equality_profile_0.pdf

³ Rwanda. Election results (2024). URL: <https://data.ipu.org/parliament/RW/RW-LC01/election/RW-LC01-E20240715>

⁴ В 1991–1993 гг. в результате конфликта между двумя крупнейшими этническими группами Руанды тутси и хуту погибли сотни тысяч жителей, около 2 млн (представителей обеих групп) бежали из страны.

данской войны и геноцида 1994 года в стране было 7 млн 143 тысячи человек. На тот момент число мужского и женского населения было приблизительно одинаковым – 3 млн 485 тыс. мужчин и 3 млн 758 тысяч женщин (Шленская, 2012, с. 13). После ужасной трагедии геноцида 1994 года, унесшей жизни многих мужчин, женщины составляли 70% населения. Избранный в 2000 году президентом страны Поль Кагаме (хотя фактически он захватил бразды правления еще в 1994 году) хорошо понимал, что дальнейшее восстановление и развитие страны силами только мужского населения невозможно. Поэтому в самом начале своего правления он провозгласил достижение гендерного равенства в качестве одной из важнейших целей своего правительства. Он заявлял, что «Женщины и мужчины равны с точки зрения способностей и достоинства, и они также должны быть равны с точки зрения возможностей. Как руандийцы, как часть мирового сообщества мы нуждаемся в том, чтобы каждый член нашего общества использовал свои таланты в полной мере, если мы когда-либо хотим достичь наших целей развития»¹. Решая гендерные вопросы в соответствии с мировыми тенденциями, Кагаме пытался выглядеть более прогрессивным в глазах международного сообщества и западных доноров. Важен еще один аспект: расширяя права женщин, Кагаме тем самым заручался поддержкой подавляющей части электората. Таким образом, в Руанде выравнивание гендерной асимметрии в политике обусловлено не только демографической ситуацией, но и причинами политического и имиджевого характера.

В случае Руанды для реализации гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин в различных сферах жизни страны существовали политические и правовые условия.

Президент П. Кагаме активно поддержал идею гендерного равенства, что позволяло ему не только сформировать имидж прогрессивного демократического лидера в глазах международного сообщества, но и получать донорскую помощь, необходимую для постгеноцидного восстановления и развития страны. Правительство подписало региональные и международные договоры, конвенции и другие документы, способствующие гендерному равенству, включая, Всеобщую декларацию прав человека (1948 г.), Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979 г.), Пекинскую платформу действий (1995 год), Резолюцию Совета Безопасности Организации Объединенных Наций №1325 (2000 г.), Мапутский протокол к Африканской хартии прав человека и народов о правах женщин в Афри-

¹ The state of gender equality in Rwanda: from transition to transformation (2019). Kigali: Gender Monitoring Office. P. 4. URL: https://africa.unwomen.org/sites/default/files/2023-11/rwanda_gender_equality_profile_0.pdf

ке (2003 г.), Торжественную декларацию о гендерном равенстве в Африке (2004 г.), а также Цели устойчивого развития ООН (2015 г.).

Национальное законодательство также способствовало становлению гендерного равенства в политике. Прежде всего, это конституция Руанды, принятая в 2003 году и пересмотренная в 2015 году, которая закрепила принципы гендерного равенства и прав женщин и ввела 30% квоту для женщин во всех сферах принятия решений¹.

В 2008 году правительство страны приняло политику в области образования девочек, которая поставила цель поддерживать действия, направленные на постепенное устранение гендерного неравенства в сфере образования, а также в управленческих структурах. В 2010 году была утверждена Национальная гендерная политика (National Gender Policy 2010), предусматривавшая построение общества, свободного от всех форм гендерной дискриминации, и создание среды, в которой и мужчины, и женщины в равной степени могли бы вносить вклад в национальное развитие. В соответствии с Национальной гендерной политикой разрабатываются стратегии учета гендерной проблематики в системе занятости, бизнесе, сельском хозяйстве и других областях. (После пандемии COVID-19 в 2021 году некоторые положения Национальной гендерной политики были пересмотрены и доработаны). В 2011 году принята Национальная политика по борьбе с гендерным насилием (National Policy against Gender Based Violence 2011), нацеленная на постепенное устранение гендерной дискриминации. Важное значение для становления гендерного равенства имело принятие Закона № 27/2016, который регулирует брачные отношения и вопросы наследования. В частности, этот закон предусматривает, что и мальчики, и девочки имеют одинаковые права на наследование имущества от своих родителей. Позже были принят еще ряд законов, направленных на предотвращение гендерного насилия.

Национальная политика гендерного равенства получила дальнейшее развитие в стратегии развития страны до 2050 года «Видение 2050» (Vision 2050), принятой в 2020 году. Важность дальнейшего «содействия гендерному равенству и расширению прав и возможностей женщин» была отмечена уже в самом вступлении к документу².

С целью построения гендерно-равноправного общества был создан национальный механизм реализации гендерного равенства, в который входит Министерство по гендерным вопросам и поддержки семьи (Ministry of

¹ The Constitution of the Republic of Rwanda of 2003 revised in 2015 (2015). Chapter III, Article 10 (4). P. 34.

² Republic of Rwanda. VISION 2050 (2020). P. 8. URL: https://www.minaloc.gov.rw/fileadmin/user_upload/Minaloc/Publications/Useful_Document/s/English-Vision_2050_full_version_WEB_Final.pdf.

gender and family promotion), Управление по гендерному мониторингу (Gender Monitoring Office, GMO), Национальный женский совет (National Women's Council) и Парламентский форум женщин Руанды (Forum for Rwandan Women Parliamentarians). Важную роль играет Управление по гендерному мониторингу (GMO), созданное в 2007 году при канцелярии премьер-министра. Его миссия – «Эффективно контролировать гендерное направление и борьбу с гендерным насилием/несправедливостью в государственных, частных, гражданских и религиозных учреждениях»¹. Началась подготовка национальных кадров по вопросам гендерного равенства. Например, в 2009 году в Университете Руанды был создан Центр гендерных исследований (Center for Gender Studies), готовящий специалистов в области гендерного равноправия.

Необходимо отметить, что с начала 2000-х гг. в Руанде (наряду с ЮАР) значительный рост представительства женщин в органах законодательной и исполнительной власти стал тенденцией формирования политического руководства. Многие исследователи (Edgell, 2018; Mukabera, 2017; Mukabera, 2019; Yeboah, 2022) считают, что в большой степени это стало возможным благодаря введению системы квотирования женского представительства на выборных должностях, закрепленной в конституции 2003 года. После включения в Конституцию 30%-й гендерной квоты число женщин-парламентариев резко возросло и на следующих выборах достигло в среднем 60%. Законодательная власть в стране принадлежит двухпалатному парламенту (Inteko Ishinga Amategeko), который состоит из Палаты депутатов (Umutwe w'Abadepite) и Сената (Umutwe wa Sena). В 80-местной Палате депутатов за женщинами закреплены 24 места, а в Сенате введена 30%-я гендерная квота. С 1999 года политические партии также применяют гендерные квоты в качестве стратегии, позволяющей на выборах завоевать больше мест в парламенте.

После введения гендерных квот уровень представительства женщин в законодательной и исполнительной власти, начиная с 1994 года, постоянно рос. До 2018 года поступательно росло число женщин-депутатов в парламенте: 14% (1994 г.), 17% (1997 г.), 19% (1998 г.), 21% (1999 г.), 23% (2002 г.), 48,8% (2008 г.), 56,4% (2013 г.), 64% (2018 г.)². В 2008 году впервые в истории страны спикером Палаты депутатов парламента стала Роз Мукантабама.

¹ About GMO. URL: <https://www.gmo.gov.rw/about-gmo/overview>

² The state of gender equality in Rwanda: from transition to transformation (2019). Kigali: Gender Monitoring Office. P. 56. URL: https://africa.unwomen.org/sites/default/files/2023-11/rwanda_gender_equality_profile_0.pdf

Президент П. Кагаме продолжал активно поддерживать идею гендерного равенства. В 2018 году, выступая на открытии сессии парламента, он заявил: «Поддержка женщин на руководящих должностях – это прекрасная возможность совместно способствовать решению сохраняющихся проблем, которые препятствуют социально-экономическому благополучию руандийцев»¹.

Факт представительства женщин в органах власти – только часть (хотя и очень важная) решения проблемы гендерного равноправия, но речь идет об эффективной деятельности женщин во власти. Достижение политической стабильности в стране сопровождается применением жестких мер в отношении противников режима Кагаме. В условиях запугиваний и реальной угрозы наказания за нелояльность властям женщинам-парламентариям влиять на работу парламента удается мало. Тем не менее, женщины-депутаты активно участвовали в разработке национальной стратегии по борьбе с гендерным насилием. Именно они инициировали закон о борьбе с гендерным насилием, который в 2008 году был принят парламентом. Важным шагом в борьбе с насилием стало также инициирование женщинами-парламентариями закона о просвещении по вопросам сексуального насилия над детьми.

Высокий уровень представленности женщин был и на уровне правительства. В 2017 году женщины-министры составляли 47,3%. В 2018 году был достигнут гендерный паритет на уровне кабинета министров: после произведенных президентом перестановок в правительстве было 50% женщин². Очередные назначения в том же году привели к тому, что впервые в истории страны гендерный баланс на уровне исполнительной власти оказался на стороне женщин (52,3%)³. Многие женщины-министры работали в правительстве длительный период. В их числе Жанна д'Арк Муджавамария, которая была министром образования (2006–2008 гг.), министром по гендерным вопросам и поддержки семьи (2011–2013 гг.), а в 2019 году стала министром окружающей среды. Кстати, она получила высшее образование в России, окончив РУДН в 1997 году. Происходило выравнивание гендерного баланса и на уровне местной власти, например, в 2018 году в числе губернаторов и мэров было 40% женщин.

¹ Rwanda Attains Gender Parity in The Cabinet (2018). URL: <https://www.gmo.gov.rw/news-detail/rwanda-attains-gender-parity-in-the-cabinet>

² Там же.

³ The state of gender equality in Rwanda: from transition to transformation (2019). Kigali: Gender Monitoring Office. P. 58. URL: https://africa.unwomen.org/sites/default/files/2023-11/rwanda_gender_equality_profile_0.pdf

В конце 2010-х гг. Руанда была также в числе лидеров по количеству назначений женщин на дипломатические посты (26% в 2019 году)¹. (Кстати, в 2013–2019 гг. Послом Руанды в России была уже упомянутая Жанна д’Арк Муджавамария). Женщины несколько раз возглавляли внешнеполитическое ведомство – Розмари Мусеминали в 2005–2009 гг. и Луиза Мушикивабо в 2009–2018 гг.

В 2019 году в официальном документе, опубликованном национальным Управлением по гендерному мониторингу (Gender Monitoring Office, GMO), заявлялось, что «Гендерное равенство и расширение прав и возможностей женщин в Руанде – это не миф, а достижимая цель на пути трансформации»². В 2020 году Руанда вошла в десятку стран, успешно ликвидирующих гендерный разрыв. Согласно данным Всемирного экономического форума, (ВЭФ), по этому показателю страна занимала 9-е место (из 153 мест)³.

Большое внимание вопросам гендерного равенства и семьи было уделено в уже упомянутой национальной стратегии развития страны Vision 2050. Руанда продолжает вести политику нулевой терпимости по отношению к гендерному насилию, что было подтверждено в этой программе⁴.

В последнее десятилетие прогрессу гендерного равенства в Руанде в большой степени способствовала структура «ООН-Женщины» (UN-Women), которая работает в сотрудничестве с правительством и гражданским обществом страны, частным сектором и партнерами по развитию – Всемирным банком (ВБ), Агентством США по международному развитию (United States Agency for International Development, USAID) и Программой развития Организации Объединенных Наций (ПРООН)⁵.

¹ Selected perspectives from Kenya, Rwanda, South Africa and Zimbabwe (2018). P. 33. URL: http://www.dirco.gov.za/departments/african_women_diplomacy/african_women_in_diplomacy.

² The state of gender equality in Rwanda: from transition to transformation (2019). Kigali: Gender Monitoring Office. P. 9. URL: https://africa.unwomen.org/sites/default/files/2023-11/rwanda_gender_equality_profile_0.pdf.

³ Global gender gap report 2020 (2020). P. 9. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2020.pdf.

⁴ Republic of Rwanda. VISION 2050 (2020). P. 35. URL: https://www.minaloc.gov.rw/fileadmin/user_upload/Minaloc/Publications/Useful_Document/s/English-Vision_2050_full_version_WEB_Final.pdf.

⁵ Rwanda. Gender equity report. April 2023 (2024). P. 3. URL: <https://genderhealthdata.org/wp-content/uploads/2024/03/Rwanda-Gender-Report-website.pdf>.

Как и во многих странах Африки, в которых идет процесс становления института первых леди¹, в Руанде в развитии гендерного равенства есть также определенная заслуга первой леди Джанет Кагаме. Ее активная общественная деятельность (прежде всего, руководство фондами и некоммерческими организациями, которые оказывают помощь детям-сиротам) служит примером для руандийских женщин. Она также была одним из инициаторов создания в 2002 году Организации первых леди Африки против ВИЧ/СПИДа (Organization of African First Ladies against HIV/AIDS, OAFLA), которую возглавляла в 2002–2004 гг.

Женщины в борьбе за президентский пост

Пока женщины не становились кандидатами в президенты, хотя некоторые и предпринимали такие попытки. В 2010 году на президентских выборах пыталась выдвинуть свою кандидатуру Виктория Ингабире Умухоза. Этого политика за длительную и упорную борьбу с режимом Кагаме иногда называют «женщиной-Манделой». Ее политическая деятельность началась в годы эмиграции в Нидерландах. В 1997 году она стала членом Республиканского объединения за демократию в Руанде (Republican Rally for Democracy in Rwanda, RDR), в 1998 году возглавила его отделение в Нидерландах, а в 2000 году была избрана его лидером. В этом качестве в 2003–2006 гг. африканка возглавляла оппозиционную руандийскую коалицию Союз демократических сил Руанды (Union of Rwandan Democratic Forces, URDR). В 2006 году Умухоза участвовала в создании партии Объединенные демократические силы Руанды (United Democratic Forces of Rwanda, FDU-Inkingi), позже став ее лидером. Предпринимала активные попытки объединить партии руандийской диаспоры с целью создания оппозиционного движения. Она мать троих детей, жила с семьей в Нидерландах.

Вернувшись на родину в январе 2010 года, политик попыталась зарегистрировать свою партию для участия в предстоящих президентских выборах. Однако ее деятельность критиковали местные СМИ, она также подверглась запугиваниям. В октябре 2010 года Умухоза была арестована, а в декабре 2013 года осуждена на 15 лет тюремного заключения за «заговор против властей и преуменьшение геноцида 1994 года»². Основанием для последнего обвинения послужили высказывания после посещения мемориального комплекса геноцида в день приезда в Руанду. С 2008 года в стране

¹ Прокопенко Л.Я. (2020). Институт «первой леди» в странах Африки как феномен политической жизни. Азия и Африка сегодня, 11, 34–41.

² Rwanda: la lettre de Victoire Ingabire Umuhoya à Paul Kagame (2018). URL: <https://www.jeuneafrique.com/mag/632722/politique/rwanda-la-lettre-de-victoire-ingabire-umuhoza-a-paul-kagame>.

действует закон, который предусматривает строгое уголовное наказание за дискриминацию по этническому признаку и отрицание или преуменьшение геноцида. В том числе по этой причине очень сложно определить этнический состав женской части парламента и этническую принадлежность женщин-министров.

В.И. Умухоза в 2014 году обратилась в Африканский суд по правам человека и народов (African Court on Human and Peoples' Rights, AfCHPR) для рассмотрения нарушения ее прав. В 2017 году этот суд отменил приговор, сославшись на нарушения ее права на защиту свободу выражения мнений и адекватную защиту на суде в Руанде. Однако в Руанде это не признали, и политик осталась отбывать наказание в тюрьме строгого режима в г. Кигали. Там она провела восемь лет, пять из которых находилась в одиночной камере. В 2017 году была опубликована ее 331-страничная книга «Между четырьмя стенами тюрьмы 1930 года: мемуары руандийского узника совести»¹, в которой Виктория Ингабире Умухоза рассказала о своей жизни с момента возвращения на родину и попытки выдвижения своей кандидатуры на президентских выборах, а также о нахождении в тюрьме.

В сентябре 2018 года президент Кагаме помиловал оппозиционного политика (хотя сама Умухоза утверждала, «...что не просила о помиловании»²), и она вышла на свободу. Ее права, прежде всего, свободный выезд из страны и въезд в нее, были ограничены. Умухоза продолжала выступать за реформы управления и мир в районе Великих озер. В стране и за ее пределами у нее сложился стойкий имидж защитника демократии, прав человека и верховенства закона в Руанде. Она продолжала открыто критиковать президента Кагаме, в том числе за его упорное нежелание расставаться с властью. В ноябре 2023 года Умухоза заявила, что признает заслуги Кагаме на посту главы государства в течение трех десятилетий, но считает, что «в настоящий момент его самым большим достижением будет уход от власти по окончании срока в 2024 году»³.

Следующим претендентом на президентский пост стала 35-летняя бизнесвумен Дайана Рвигара, заявившая о своем решении баллотироваться в президенты в 2017 году. Однако через несколько дней после начала ее

¹ Victoire Ingabire Umuhiza. (2017). Between 4 walls of the 1930 prison: Memoirs of a Rwandan Prisoner of Conscience. CreateSpace Independent Publishing Platform.

² Rwanda: la lettre de Victoire Ingabire Umuhiza à Paul Kagame (2018). URL: <https://www.jeuneafrique.com/mag/632722/politique/rwanda-la-lettre-de-victoire-ingabire-umuhoza-a-paul-kagame>.

³ Umuhiza, V.I. (2023). Why President Kagame should not run for a fourth term. URL: <https://www.theelephant.info/opinion/2023/11/21/why-president-kagame-should-not-run-for-a-fourth-term>.

предвыборной кампании Рwigара, в интернет попали ее фотографии в обнаженном виде из личного архива¹, что политически ее дискредитировало. Национальная избирательная комиссия отказала женщине в возможности участвовать в президентской гонке на том основании, что она якобы не собрала достаточно подписей.

Обе женщины предприняли новую попытку баллотироваться на президентских выборах в 2024 году. Однако их снова постигла неудача: в марте 2024 года ходатайство Виктории Ингабире Умухоза о разрешении баллотироваться на должность президента было отклонено из-за ее прежней судимости. Была также отклонена заявка Рwigара из-за «неправильного» оформления документов.

В июле 2024 года президентом страны в очередной раз был избран Поль Кагаме, за которого отдали голоса более 90% избирателей. Всякий раз после очередного избрания (в 2003, 2010 и 2017 гг.) Кагаме в инаугурационной речи говорил о достижениях страны в области равноправия женщин. Например, в речи, произнесенной 18 августа 2017 года, он трижды упомянул женщин, сделав акцент на их равных правах и возможностях с мужчинами и желании властей содействовать молодежи (девушкам наравне с юношами) в их решимости «... усердно работать, многого добиться и стать гордостью своих семей, а также достоянием всей нации»². А в инаугурационной речи 11 августа 2024 года говорилось о руандийцах вообще, не выделяя отдельно женщин. По замыслу спичрайтеров это, видимо, должно было лишний раз подчеркнуть достигнутое страной гендерное равноправие.

На состоявшихся в июне 2024 года парламентских выборах депутатами было избрано 63,8% женщин. Оценивая работу прежнего парламента, представитель структуры «ООН-женщины» в Руанде Дженнет Кем в ноябре 2024 года сказала: «Пример Руанды показывает, что гендерный паритет не только достижим, но и приносит пользу обществу в целом»³.

Согласно данным Всемирного экономического форума, в июне 2024 года по уровню гендерного разрыва, в том числе в политике, Руанда зани-

¹ Okey-Nwosu, M. (2017). Rwandese presidential candidate Diane Shima Rwigara isn't backing out despite leaked nude photos. URL: <https://www.bellanaija.com/2017/05/rwandese-presidential-candidate-diane-shima-rwigara-isnt-backing-despite-leaked-nude-photos>.

² Inaugural address by president Paul Kagame (2017). URL: <https://www.paulkagame.com/inaugural-address-by-president-paul-kagame>.

³ Karungi, P.A. (2024). Rwanda reaffirms its unwavering commitment to gender equality with 63.8 per cent of women in the Chamber of Deputies. URL: <https://rwanda.un.org/en/282783-rwanda-reaffirms-its-unwavering-commitment-gender-equality-638-cent-women-chamber-deputies>.

мала 29-е место (из 146)¹. Из африканских стран этот результат оказался выше у Мозамбика (8-е место), ЮАР (9-е) и Намибии (21-е). Руанда сохраняет лидирующую позицию в мировом рейтинге по числу женщин в парламенте, о чем, кстати, открыто заявлено на его сайте www.parliament.gov.rw. В августе 2024 года в Палате депутатов женщины составили 63,75%, а в Сенате – 37,4%². Эти показатели близки к показателям для развитых стран, например Норвегии (44,4%), Великобритании (40,5%)³. Эти цифры отражают постоянную приверженность Руанды расширению прав и возможностей женщин и обеспечению того, чтобы их голоса были услышаны на самом высоком уровне принятия решений. С августа 2024 года спикером Палаты депутатов парламента является Гертруда Казарва. Одна из двух ее заместителей – Билин Ювинеза. Структура «ООН-женщины» отмечает, что пример этой африканской страны в плане равноправия женщин «служит вдохновляющим примером для стран всего мира»⁴.

В новом правительстве Кагаме ряд женщин-министров сохранили свои посты. Некоторые принадлежат к молодому поколению политиков. Например, нынешний министр по мобилизации ресурсов и государственным инвестициям 35-летняя Линда Мутеси Русагара, получила высшее экономическое образование в США, работала в фонде Rwanda Innovation Fund над внедрением инициатив по поддержке технологических стартапов в Руанде⁵. Министр информационно-коммуникационных технологий и инноваций 42-летняя Пола Ингабире (занимает этот пост с 2018 г.) в 2020 году вошла в список 115 молодых мировых лидеров, который составляет ВЭФ. Необходимо отметить, что Руанда принадлежит к числу африканских стран, добившихся за последние годы значительных успехов по внедрению информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в торговле, здравоохранении, сельском хозяйстве, ИКТ-секторе экономики и других областях, в которых работает много женщин. Это один из результатов внедрения стратегий «Видение 2020» и «Видение 2050».

¹ Global gender gap. Insight report. (2024). P. 17. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2024.pdf.

² Women representation (2024). URL: <https://www.parliament.gov.rw/women-representation>.

³ Monthly ranking of women in national parliaments (2024). URL: https://data.ipu.org/women-ranking/?date_month=9&date_year=2024.

⁴ Karungi, P. A. (2025). Rwanda reaffirms its unwavering commitment to gender equality with 63.8 per cent of women in the Chamber of Deputies. URL: <https://rwanda.un.org/en/282783-rwanda-reaffirms-its-unwavering-commitment-gender-equality-638-cent-women-chamber-deputies>.

⁵ Mutesi L. leadership in action (2024). URL: <https://rwandagirlsinitiative.org/gashora-blog/lindamutesi>.

Осталась в правительстве и Жанна д'Арк Муджавамария: 12 июня 2024 года она была назначена министром государственной службы и труда. Однако пребывание опытного руандийского политика на новом посту оказалось очень коротким. Уже через месяц президент Кагаме освободил Муджавамарию от занимаемой должности. В отношении ее и постоянного секретаря этого министерства Патрика Кареры началось расследование «в связи с ненадлежащим управлением лесными проектами»¹. Президент Кагаме известен своей нетерпимостью к коррупции, недисциплинированности и неэффективному управлению, его борьба с коррупцией привела к тому, что в конце 2010-х годов Руанда «...стала наименее коррумпированной в Восточной Африке» (Шленская, 2018, с. 57).

Рассматривая гендерный аспект политического развития Руанды, правомерно ставить вопрос, приводят ли квоты к росту демократизации институтов политического представительства, а также способствуют ли квоты расширению участия женщин в политике. Некоторые исследователи политического развития Руанды отмечают в этом плане ограниченность влияния гендерных квот. Южноафриканский политолог Ширин Хассим, изучавшая на протяжении десяти лет влияние гендерных квот на политический процесс в Руанде (а также в ЮАР и Уганде), пришла к выводу, что, хотя квоты и помогают ускорить рост политического представительства женщин, они «... мало влияют на улучшение условий реальной демократии» (Hassim, 2012). К аналогичным выводам пришли американские исследователи Дженни Барнет и Гретхен Бауэр, которые отмечают, что ситуация во многом «зависит от силы женских организаций в гражданском обществе и от прочных отношений между женщинами-активистками и лидерами политических партий» (Bauer, Burnet, 2013, p. 33).

Ожидалось, что введение политической гендерной квоты должно значительно улучшить ситуацию с положением женщины в обществе, что приводит к постепенному снижению случаев домашнего насилия. Однако данные национальной статистики указывают на то, что распространенность гендерного насилия уменьшилась в стране незначительно. Политическая гендерная квота – это демократическая инициатива. А в условиях слабой демократии и централизованной политической власти статус женщины не может значительно повыситься.

Несомненно, введение гендерных квот стало частью серьезных процессов культурных изменений, происходящих в руандийском обществе.

¹ Gahigi, M. K. (2024). Why Kagame fired public service minister Dr Jeanne d'Arc Mujawamariya. URL: <https://www.theeastafrican.co.ke/tea/news/east-africa/why-kagame-fired-his-public-service-minister-4703622>

Американский исследователь Дженни Барнет, проводившая полевые исследования в Руанде в начале 2010 гг., отмечает определенный дуализм в восприятии гендерных квот в обществе. В то время как женщин квоты побуждают к более активному участию в общественной жизни, мужчины зачастую выступают против возросшей роли женщин, прежде всего в политике (Burnet, 2012).

Целый ряд западных исследователей отмечают, что политические меры, которые в Руанде способствовали инкорпорации женщин в политическую жизнь, пока не смогли изменить глубоко укоренившиеся культурные нормы и традиции. Де-юре женщины получили политическую власть, но де-факто в повседневной жизни продолжают сталкиваться с патриархальными отношениями между полами. Автор разделяет точку зрения канадских исследователей Дорис Бас и Али Джеруса, которые признают возросшее присутствие женщин в общественной жизни Руанды после окончания гражданской войны и геноцида, однако отмечают, что власть женщин-политиков в значительной степени ограничена (Buss, Jerusa, 2017).

Автор также согласен с выводами ряда исследователей (Berry 2015, р. 2–3; Fellman 2021, р. 31) о том, что в Руанде на низовом уровне общества продолжают существовать препятствия на пути реального равенства женщин, связанные, прежде всего, с сохранением в обществе элементов патриархального уклада. Как отмечает местный исследователь, профессор университета Руанды Джозефин Мукабера, в стране «некоторые люди по-прежнему предвзято относятся к концепции женщин во власти.» (Mukabera, 2017, р. 4). При этом учащаяся молодежь в недостаточном объеме получает социально-экономические знания, в том числе, о необходимости женского равноправия для устойчивого развития страны (Niyibizi, 2018).

Исследователь из Лундского университета (Швеция) Джесика Хансен пишет, что в Руанде, «несмотря на усиление гендерного равенства в политике, в семье продолжает преобладать традиционный баланс сил между полами. Женщина в Руанде по-прежнему играет второстепенную роль на низовом уровне, а домашнее насилие по-прежнему рассматривается как нормальное явление» (Hansén, 2017, р. 22). Американский социолог Мэри Берри, также проводившая полевые исследования в этой африканской стране, признает, что после геноцида 1994 года Руанда в Африке во многом стала моделью продвижения женщин в обществе, однако на основе интервью 152 женщин отмечает определенные парадоксы, возникшие в результате расширения прав и возможностей женщин. Например, своими новыми правами они не могут воспользоваться, «если не состоят в браке, что еще больше усиливает их зависимость от мужчин» (Berry, 2015, р. 27). О большей «просвещенно-

сти» властей по сравнению с населением в гендерных вопросах пишут и другие исследователи (Wallace, Haerpfer, Abbott, 2008; Bauer, Burnet, 2013).

В последнее десятилетие Руанда входит в число наиболее развивающихся африканских стран. В то же время одним из следствий устойчивого экономического роста стало значительное неравенство в благосостоянии населения (Debusscher, Ansoms, 2013, p. 1117; Thomas, 2018, p. 56). Богатство сосредоточено в руках очень небольшой части элиты, что, как отмечают исследователи Ан Ансомс (Бельгия) и Донателла Ростанио (Италия), «приводит к крайне перекошенной траектории развития с ограниченным потенциалом просачивания благ сверху вниз» (Ansoms, Rostagno, 2012, p. 427). Многие руандийки работают в неформальном секторе экономики, поэтому сталкиваются с проблемой нерегулярной занятости, отсутствием социального обеспечения и правовой защиты. Подобные условия делают женщин уязвимыми для эксплуатации, и «они часто подвергаются риску экономической нестабильности и социальной изоляции» (Mansour, 2025, p. 40). Кстати, о подобных результатах предостерегали некоторые НПО. Например, руандийская активистка, директор «Сети развития и коммуникации африканских женщин» (African Women's Development and Communication Network, FEMNET) Дина Мусиндарвезо на этапе подготовки ЦУР ООН была в числе критиков этого документа, который, по их мнению, недостаточно учел, что женщины сталкиваются с более глубоким опытом бедности, лишений и социальной маргинализации (Musindarwezo, 2018).

Российские исследователи указывают на глубинные причины небывалого роста женского политического участия в этой африканской стране. В Руанде налицо доминирование правящей партии Руандийский патриотический фронт (Rwandan Patriotic Front) во главе с многолетним президентом страны Полем Кагаме, которая влияет на все сферы политической, экономической и социально-общественной жизни. По этой причине в политической сфере безоговорочная лояльность партии и главе государства имеет крайне важное значение. На это обращают внимание и зарубежные авторы. Как отмечает китайский исследователь Хо Сиофан, в Руанде «Женщины-депутаты, представляют, скорее, мужчин, интересы правящей партии, а не женщин Руанды как общественную группу» (Ho Sio Fan, 2024, p. 4).

Президент страны П. Кагаме – один из бывших военных, которые в Африке стали гражданским главой государства, как отмечает Т.С. Денисова, «... посредством выведения режима на более высокий уровень политизации: создаются политические партии, проводятся – на неконкурентной или слабokonкурентной основе – президентские выборы» (Денисова, 2016, с. 471). Он также принадлежит к многочисленной группе африканских лидеров-

долгожителей, «создавших режимы личного управления, отличавшиеся разными уровнями «демократичности», репрессивности, эффективности в проведении экономических реформ и в создании благоприятного имиджа на международной арене...» (Денисова, 2016, с. 555). Искусный политик Кагаме от становления гендерного равенства, несомненно, получает солидные политические дивиденды. Высокий уровень женского присутствия в органах власти позволяет ему представлять свой режим в глазах международного сообщества и финансовых доноров в наиболее выгодном свете. Приходится констатировать, что достигнутое гендерное равенство, которое Кагаме провозгласил в самом начале своего правления в качестве одной из главных целей, достаточно формальное.

Усилия Руанды по реализации инициатив, направленных на расширение представленности женщин в органах законодательной и исполнительной власти, включая гендерные квоты, программы по наращиванию потенциала и кампании по повышению осведомленности женщин, сыграли важную роль в создании благоприятной среды для их политического участия.

Республика Руанда в последние десятилетия демонстрирует значимые успехи не только в выравнивании гендерного баланса в политике, но и в гендерной асимметрии в пользу женщин. После геноцида 1994 года была необходима трансформация общества, и в сложившейся демографической ситуации власти выбрали путь усиления роли женщины во всех сферах жизни страны. Благодаря установлению гендерных квот произошла трансформация политических институтов.

Признавая эффективность законодательного введения 30%-й гендерной квоты для значительного поступательного роста числа женщин в органах власти, необходимо отметить пока ограниченное влияние их деятельности на улучшение социально-экономического положения женщин и, следовательно, на развитие общества в целом.

На данном этапе существует серьезный разрыв между политикой и практикой: на низовом уровне идея гендерного равенства пока не получила должного осознания. Но это не является спецификой Руанды, в ряде стран континента в обществе продолжают сохраняться традиционные, сложившиеся веками подходы к гендерным ролям.

Литература

- Ansoms, A., Rostagno, D. (2012). Rwanda's Vision 2020 halfway through: what the eye does not see. *Review of African Political Economy*, 39(133), 427–450. <https://doi.org/10.1080/03056244.2012.710836>
- Bauer, G., Burnet, J. E. (2013). Gender quotas, democracy and women's representation in Africa: some insights from Democratic Botswana and autocratic Africa. Georgia State University.
- Berry, M. E. (2015). When "bright futures" fade: paradoxes of women's empowerment in Rwanda. *Chicago Journal*, 41(1), 1–27. <https://doi.org/10.1086/681811>.
- Burnet, J. E. (2012). Women's Empowerment and Cultural Change in Rwanda. In S. Franceschet, M.L. Krook, J. Piscopo (Eds.), *The Impact of Quotas on Women's Descriptive, Substantive, and Symbolic Representation*. Oxford, England: Oxford University Press, 190–207.
- Buss D., Jerusa A. (2017). Rwanda: Women's Political Participation in Post-Conflict State-Building. *The Oxford Handbook of gender and conflict*. Oxford University Press, 567–578. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199300983.013.45>.
- Debusscher, P., Ansoms A. (2013). Gender equality policies in Rwanda: public relations or real transformations? *Development and Change*, 44(5), 1111–1134. <https://doi.org/10.1111/dech.12052>.
- Edgell A. B. (2018). Vying for a Man Seat. *African Studies Review*. Cambridge University Press, 61(1), 185–214.
- Fellman, A. C. (2021). Feminist research in Rwanda: challenges and importance. In S. Randell, H. Yerbury, A. Escrig-Pinol (Eds.), *Gender and Learning in Rwanda*. Sydney: UTS ePRESS. Pp. 27–42.
- Hassim, S. (2012). Perverse consequences? The impact of quotas for women on democratization in Africa. I. Shapiro, S. Stokes, E. Wood, A. Kirshner (Eds.), *Political representation*. Cambridge: Cambridge University Press, 211–235. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511813146.010>.
- Ho Sio Fan. (2024). Research on the Effect of Rwanda Gender Quotas on Political Representation and Optimizing Strategy. <https://doi.org/10.1051/shsconf/202419304012>
- Mansour K. B. (2025). African feminism macroeconomic analysis on the progress of the Beijing platform for action: focus on women, peace, and security. A Pan-African feminist macroeconomic analysis of the Beijing platform and declaration for action. FEMNET. Pp. 35–43.
- Mukabera, J. (2017) Women's Status and Gender Relations in Post-Genocide Rwanda. Focus on the Local and Everyday Life Level. *Globethics.net Theses No. 24*.
- Mukabera J. (2019). Woman's political representation in Rwanda: analysing how quota system increases female leadership and changes patriarchal society towards gender equality. *African journal of democracy and governance*, 6 (2–3).
- Musindarwezo, D. (2018). The 2030 Agenda from a feminist perspective: No meaningful gains without greater accountability for Africa's women. *Agenda: Empowering women for gender equity*, 32(1), 25–35. <https://doi.org/10.1080/10130950.2018.1427693>.
- Niyibizi, E., Sibomana, E., Niyomugabo, C., Yanzigiye, B., Ngabonziza, A., Jean de Dieu, Perumal, J. (2018). Assessment in a Rwandan higher education institution: a quest for aligned assessment to promote socio-economic transformation. *Assessment & Evaluation in Higher Education*, 43(7), 1166–1182. <https://doi.org/10.1080/02602938.2018.143>
- Thomas, P. (2018). Whose Vision 2020? The World Bank's development and educational discourse in Rwanda. *Development Studies Research*, 5(1), 50–58. <https://doi.org/10.1080/21665095.2018.1469422>.

Wallace, I. D., Haerpfer, C. W., Abbott, P. (2008) Women in Rwandan politics and society. *International Journal of Sociology*, 38 (4), 111–125. <https://doi.org/10.2753/IJS0020-7659380406>.

Yeboah, E. K. (2022). The use of gender quota system in promoting women's political representation in Rwanda: lessons for Ghana. University of Ghana.

Денисова, Т. С. (2016). Тропическая Африка: эволюция политического лидерства. Институт Африки РАН.

Шленская, С. М. (2012). Республика Руанда. Справочник. Институт Африки РАН.

Шленская, С. М. (2018). Поль Кагаме и Пьер Нкурунзиза: два президента, два пути к национальной консолидации. Африка: политические портреты. Сб. статей. Москва: Институт Африки РАН, 54–64.

References

Ansoms, A., Rostagno, D. (2012). Rwanda's Vision 2020 halfway through: what the eye does not see. *Review of African Political Economy*, 39(133), 427–450. <https://doi.org/10.1080/03056244.2012.710836>.

Bauer, G., Burnet, J. E. (2013). Gender quotas, democracy and women's representation in Africa: some insights from Democratic Botswana and autocratic Africa. Georgia State University.

Berry, M. E. (2015). When "bright futures" fade: paradoxes of women's empowerment in Rwanda. *Chicago Journal*, 41(1), 1–27. <https://doi.org/10.1086/681811>.

Burnet, J. E. (2012). Women's Empowerment and Cultural Change in Rwanda. In Susan Franceschet, Mona Lena Krook, & Jennifer Piscopo (Eds.). *The Impact of Quotas on Women's Descriptive, Substantive, and Symbolic Representation*. Oxford, England: Oxford University Press, 190–207.

Buss D., Jerusa A. (2017). Rwanda: Women's Political Participation in Post-Conflict State-Building. *The Oxford Handbook of gender and conflict*. Oxford University Press, 567–578. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199300983.013.45>.

Debusscher, P., Ansoms A. (2013). Gender equality policies in Rwanda: public relations or real transformations? *Development and Change*, 44(5), 1111–1134. <https://doi.org/10.1111/dech.12052>.

Denisova, T. S. (2016). Tropical Africa: Evolution of Political Leadership. Moscow: Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Edgell A.B. (2018). Vying for a Man Seat. *African Studies Review*. Cambridge University Press. 61(1), 185–214.

Fellman, A. C. (2021). Feminist research in Rwanda: challenges and importance. In S. Randell, H. Yerbury, A. Escrig-Pinol (Eds.), *Gender and Learning in Rwanda*. Sydney: UTS ePRESS. Pp. 27–42.

Hassim, S. (2012). Perverse consequences? The impact of quotas for women on democratization in Africa. Shapiro I., Stokes S., Wood E., Kirshner A. (Eds.) *Political representation*. Cambridge: Cambridge University Press, 211–235. <https://10.1017/CBO9780511813146.010>.

Ho Sio Fan. (2024). Research on the Effect of Rwanda Gender Quotas on Political Representation and Optimizing Strategy. <https://doi.org/10.1051/shsconf/202419304012>

Mansour K.B. (2025). African feminism macroeconomic analysis on the progress of the Beijing platform for action: focus on women, peace, and security. A Pan-African feminist macroeconomic analysis of the Beijing platform and declaration for action. *FEMNET*. Pp. 35–43.

Mukabera, J. (2017) Women's Status and Gender Relations in Post-Genocide Rwanda. Focus on the Local and Everyday Life Level. Globethics.net Theses No. 24.

Mukabera J. (2019). Woman's political representation in Rwanda: analysing how quota system increases female leadership and changes patriarchal society towards gender equality. *African journal of democracy and governance*, 6 (2–3).

Musindarwezo, D. (2018). The 2030 Agenda from a feminist perspective: No meaningful gains without greater accountability for Africa's women. *Agenda: Empowering women for gender equity*, 32(1), 25–35. <https://doi.org/10.1080/10130950.2018.1427693>.

Niyibizi, E., Sibomana, E., Niyomugabo, C., Yanzigiye, B., Ngabonziza, A., Jean de Dieu, Perumal, J. (2018). Assessment in a Rwandan higher education institution: a quest for aligned assessment to promote socio-economic transformation. *Assessment & Evaluation in Higher Education*, 43(7), 1166–1182. <https://doi.org/10.1080/02602938.2018.143>

Shlenskaya, S. M. (2012). Republic of Rwanda. Data book. Moscow: Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Shlenskaya, S. M. (2018). Paul Kagame and Pierre Nkurunziza: Two Presidents, Two Paths to National Consolidation. *Africa: political portraits. Collection of articles*. Moscow: Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, 54–64. (In Russ.)

Thomas, P. (2018). Whose Vision 2020? The World Bank's development and educational discourse in Rwanda. *Development Studies Research*, 5(1), 50–58. <https://doi.org/10.1080/21665095.2018.1469422>.

Wallace, I. D., Haerpfer, C. W., Abbott, P. (2008). Women in Rwandan politics and society. *International Journal of Sociology*, 38 (4), 111–125. <https://doi.org/10.2753/IJS0020-7659380406>.

Yeboah, E. K. (2022). The use of gender quota system in promoting women's political representation in Rwanda: lessons for Ghana. University of Ghana.

Для цитирования: Прокопенко, Л. Я. Гендерный паритет в политике в Руанде: достижения, противоречия, роль квот / Л. Я. Прокопенко // PolitBook. – 2025. – № 2. – С. 134–152. – DOI 10.24412/2227-1538-2025-2-134-152

**В.А. Васильева,
М.А. Кашина,
С. Ткач**

**V. Vasileva,
M. Kashina,
S. Tkach**

**ПОВЫШЕНИЕ
ЗНАЧИМОСТИ
ОТЦОВСКОЙ РОЛИ
КАК НЕДООЦЕНЕННЫЙ
РЕСУРС РЕГИОНАЛЬНОЙ
ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ
ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ
ДЕПОПУЛЯЦИИ ***

**THE SIGNIFICANCE OF
PATERNAL INVOLVEMENT
AS AN UNDERUTILIZED
RESOURCE FOR
REGIONAL DEMOGRAPHIC
POLICY IN ADDRESSING
DEPOPULATION**

Аннотация

Превышение смертности над рождаемостью в 2024 г. наблюдалось в абсолютном большинстве субъектов Российской Федерации. Жесткая пронаталистская демографическая политика, проводимая в стране с начала 2000-х годов, пока не смогла переломить негативные тенденции. Это актуализирует поиск новых ресурсов роста рождаемости, выходящих за пределы фамилистской политики, сфокусированной на поддержке материнства. Обзор отечественных и зарубежных источников показывает, что существуют разные подходы к оценке роли отцов в демографических процессах. Исследовательский вопрос данной статьи: при каких условиях повышение внимания к вовлеченному отцовству и его культивирование может стать дополнительным ресурсом региональной демографической политики в России. Теоретическая рамка: теория гендерного перехода и теория эволюции типов семьи. Дизайн исследования – монографическое, анализируется ситуация в одном из самых депопуляционных регионов страны – Псковской области. Методы исследования: анализ вторичных источников, анализ статистических данных. Результаты. Ухудшение демографической ситуации в Псковской области началось довольно давно, при этом, несмотря на реализацию ре-

Abstract

This study addresses the persistent demographic challenges faced by the Russian Federation, particularly the negative natural population growth observed across most constituent entities, including in 2024. Despite the implementation of comprehensive pro-natalist policies since the early 2000s, primarily focused on maternal support (familistic approach), these measures have proven insufficient to reverse prevailing negative trends. This necessitates an exploration of alternative or complementary resources for regional demographic policy, specifically focusing on the potential role of fatherhood involved. Research Problem: While existing literature offers diverse perspectives on the father's role in demographic processes, there remains a gap concerning the potential of promoting paternal involvement as a deliberate policy tool within the Russian regional context. This article investigates the conditions under which increased attention to, and support for, involved fatherhood can serve as an additional resource for regional demographic policy in Russia. Theoretical Framework: The analysis is grounded in gender transition theory and the theory of family type evolution, which provide frameworks for understanding shifting gender roles and family structures in relation to demographic change. Methodology: Employing a case-study approach, the

гиональными властями комплекса мероприятий по поддержке семьи и материнства, регион не улучшает свои показатели по сравнению с другими субъектами Северо-Западного федерального округа. Мероприятия по повышению отцовской роли носят в области характер низового общественного движения, по отношению к которому органы власти занимают позицию только информационной и организационной поддержки. В то же время опыт зарубежных стран показывает, что существует прямая связь между повышением рождаемости и наличием оплачиваемого отпуска для отцов по уходу за ребенком и институциональных возможностей для совмещения работы и воспитания детей. Это говорит о необходимости не только идеологической, но и финансово-правовой поддержке отцовской роли со стороны государства. Направления дальнейших исследований: сравнительный анализ общественной активности родителей-мужчин в разных регионах страны; моделировании демографических процессов для оценки значимости фактора вовлеченного отцовства.

research examines the situation in the Pskov region, one of Russia's most acutely depopulated areas. The study utilizes analysis of secondary sources, including demographic statistics and policy documents, to evaluate the current state and potential of paternal involvement within the regional context. Findings indicate that the Pskov region exhibits persistently negative demographic trends despite regional efforts supporting family and motherhood, lagging behind other subjects of the Northwestern Federal District. Initiatives promoting paternal involvement within the region largely originate from grassroots social movements, receiving limited official governmental support, primarily confined to informational and organizational assistance. Drawing upon international comparative evidence, the study suggests a positive association between birth rates and institutional support for involved fatherhood, particularly through measures such as paid parental leave for fathers and policies facilitating work-life balance. This underscores the necessity for the state to move beyond purely ideological support and provide substantial financial and legal backing for the paternal role. Future Research Directions: Future research directions include comparative analysis of the social activity of fathers in different Russian regions and quantitative modeling of demographic processes to assess the statistical significance of involved fatherhood as a factor influencing fertility rates.

Ключевые слова:

гендерные роли, демографический переход, отсутствующий отец, супружеская семья, репродуктивные установки, ролевой конфликт «семья-работа».

Key words:

Gender Roles, Demographic Transition, Father Escapism, Married Family, Reproductive Attitudes, Role Conflict "Family-Work".

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-2-153-180>

Статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

Процесс депопуляции в России продолжается. Численность населения страны за 2024 год сократилась на 27,7 тыс. человек и составила 146,0 млн человек. Естественная убыль на 95,4% компенсировалась миграционным приростом. Снижение числа родившихся и увеличение числа умерших отмечалось в 78 из 89 субъектов Российской Федерации. В целом

число умерших превысило число родившихся в 1,5 раза. в 57 субъектах Российской Федерации это превышение составило 1,5-2,7 раза. Одним из таких субъектов является Псковская область. Коэффициент естественной убыли населения на 1000 человек составил в ней в 2023 году 9,9, в 2024 году – 10,8. Для сравнения: в Санкт-Петербурге в 2023 году естественная убыль составляла 2,1 промилле, а в 2024 г. – 2,8¹.

Государственная политика по решению демографических проблем реализуется в России с помощью национальных проектов. В 2019-2024 гг. осуществлялся проект «Демография». На смену ему пришел проект «Семья» (2025-2030 гг.). В качестве его приоритетной цели заявлен перелом сложившихся демографических тенденций, обеспечение устойчивого роста рождаемости, увеличение числа многодетных семей и рост благосостояния таких семей².

Работа по достижению этой цели будет вестись по следующим направлениям:

- совершенствование целостной системы поддержки семей с детьми;
- создание условий для успешного совмещения воспитания детей и получения образования, профессиональной реализации;
- поддержка многодетности, создание дополнительных стимулов для рождения вторых, третьих и последующих детей;
- охрана материнского и детского здоровья, укрепление репродуктивного здоровья граждан;
- формирование семейно-ориентированной инфраструктуры и оказание поддержки семьям в улучшении жилищных условий;
- развитие социальных услуг для старших поколений семей, продляющих их активное долголетие и обеспечивающих качественный уход;
- поддержка семей, которые воспитывают детей с инвалидностью;
- укрепление института семьи, продвижение в обществе семейных ценностей.

Сравнение инициатив, которые реализуются в рамках этих двух проектов, отчетливо показывает смену приоритетов государственной политики (табл. 1). Если проект «Демография» кроме помощи семьи решал вопросы укрепления здоровья населения и развития человеческого капитала, т.е. был направлен на повышение качества населения, то проект «Семья» во главу угла ставит поддержку многодетности и культивирование семейных ценности и семейной культуры.

¹ Социально-экономическое положение России. 2025. Демография. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801>.

² Татьяна Голикова представила нацпроект «Семья» на международной выставке-форуме «Россия». URL: <http://government.ru/news/52022/>

Таблица 1. Сравнительный анализ инициатив национальных проектов «Демография» и «Семья»

Инициативы Национальных проектов	
Демография (2019-2024)	Семья (2025-2030)
Помощь семьям при рождении детей	Многодетная семья Поддержка семьи Охрана материнства и детства
Старшее поколение	Старшее поколение
Общественное здоровье	Семейные ценности и инфраструктура культуры (в частности, Пушкинская карта, Культура для семьи)
Спорт – норма жизни	
Содействие занятости	

На первый взгляд в национальном проекте «Семья» материальные и финансовые меры поддержки семей с детьми дополняются идеологическими, поскольку речь идет о семейных ценностях и культуре. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что это не совсем так. Поддержка семьи строится на той же основе, что и в проекте «Демография» – это финансовые меры (материнский капитал, различные пособия семьям с детьми), а также развитие инфраструктуры по уходу за детьми (детские сады). Многодетная семья поддерживается в первую очередь материально — это оформление выплаты на погашение ипотеки – до 450 тыс. рублей и приоритет при заключении социального контракта. Охрана материнства и детства будет осуществляться через развитие инфраструктуры - женских консультаций, детских больниц и поликлиник. Работа по формированию семейных ценностей будет вестись через создание условий для совместного досуга членов семьи, т.е. развитие инфраструктуры учреждений культуры и отдыха. Старшее поколение будет поддерживаться через разработку и реализацию программы «Активное долголетие», уже доказавшей свою полезность в ходе осуществления проекта «Демография». Это образовательные проекты, творческие программы, занятия физкультурой и спортом, волонтерской деятельностью, культурные мероприятия для людей старшего возраста. Другими словами, государство берет на себя обязательства по созданию инфраструктуры для благополучной (хорошей) семейной жизни, а также облегчает финансовое бремя семьям с детьми, у которых низкие доходы. Информационно-мировоззренческая работа по культивированию ценности наличия детей в семье в проекте «Семья» явно не прописана.

Также без внимания остался в обоих национальных проектах такой важный участник семейной жизни как отец, акценты сделаны на поддержке материнства. Вопрос о том, может ли подобная политика привести к перелому неблагоприятных демографических тенденций в конкретном регионе – образует исследовательский фокус данной статьи.

Сегодня в российском научном поле роль отца стала предметом изучения многих исследователей (Латышева, 2013). Ученые отмечают, что в последние десятилетия произошли значительные изменения в структуре семьи (Безрукова & Самойлова, 2022), включая рост числа разводов, увеличение доли неполных семей, распространение консенсуальных союзов и рождений детей вне брака (Бурова, 2015; Оганесова, 2023). Эти процессы привели к ослаблению отцовского авторитета и снижению участия отцов в воспитании детей, что, в свою очередь, негативно сказывается на социализации и психологическом благополучии детей (Безрукова & Сорокина 2024). Проблема усугубляется социально-экономическими факторами, такими как высокая занятость мужчин, что ограничивает их возможности для вовлеченного родительства (Подкладова, 2016; Синельников, 2015). Исследуется такой феномен как «отсутствующий отец» (Kashina & Tkash, 2021).

Ориентация на более активное участие мужчин в воспитании детей, вызванная глобальными трансформациями семейных ролей и ожиданий, заметно возросла (Бекетова, 2022). Многие современные исследования указывают на переоценку стереотипов о роли мужчины только как «добытчика», а образ активного и эмоционально доступного отца закрепляется как социально одобряемый и ожидаемый феномен (Сопина, 2016, Бекетова & Мамедова, 2022). Возрастает количество инициатив и программ, направленных на поддержку отцов в их новой роли, как на правительственном уровне¹, так и на уровне отдельных сообществ².

Современные исследования подчеркивают переход от традиционной модели отца-кормильца к модели «вовлеченного отцовства», где отец активно участвует в повседневной жизни ребенка, включая уход, воспитание и эмоциональную поддержку. Эта тенденция особенно заметна в работах (Гурко, 2022; Безрукова, 2022), которые анализируют изменения родительских практик в России.

Увеличилось количество работ, посвященных положительному влиянию отца на когнитивное, эмоциональное и социальное развитие ребенка. Эти исследования (Шевченко, 2023; Илларионова & Горетая, 2023) демон-

¹ Всероссийское общественное движение «Отцы России». URL: <https://xn--h1aaqajhae0b0c.xn--p1ai/>; Всероссийская общественная организация «Союз отцов». URL: <https://www.xn--b1ajubaok6a9d.xn--p1ai/about/>; Фонд поддержки ответственного отцовства «Истоки». URL: <https://istokiotsovstva.ru/>.

² Поддержанный Московской областью проект НПО «Отец.Отцовство.Отечество» URL: <https://xn--90aubiar.xn--80af5akm8c.xn--p1ai/public/application/item?id=2ae2db48-73ac-4ded-b05c-e0a99a6632d9>.

стрируют, что отцы, вовлеченные в жизнь ребенка, способствуют формированию у него уверенности в себе и устойчивой идентичности.

В последние годы исследователи стали также обращать внимание на «постразводное отцовство», когда сохранение контакта с отцом после развода критически важно для адаптации ребенка, однако на практике это часто затруднено из-за юридических и социальных барьеров (Прокофьева & Валетас, 2002; Иванова, 2018; Безрукова & Самойлова, 2020).

При этом до сих пор сравнительно мало исследований посвящено роли отчимов и приемных отцов, хотя А.Ю. Горлатых (2025) и И.О. Шевченко (2018) показывают, что небιологические отцы могут и очень часто успешно выполняют родительские функции.

К сожалению, во многих этих исследованиях эмпирические данные весьма ограничены, сами работы носят теоретический характер и зачастую вообще не содержат эмпирики. Кроме того, ученые сталкиваются с трудностями при измерении уровня вовлеченности отцов и ее влияния на детей, так как многие аспекты отцовства носят субъективный характер (Илларионова, 2023).

Исследований места матери в семье и трудностей женщин, совмещающих семейные и профессиональные роли, несравненно больше. Проблему ролевого конфликта женщин «семья-работа» вообще следует признать центральной для российских ученых (Кашина & Клецина, 2023).

Возможно, это одна из причин того, что в документах российской семейной и демографической политики роль отца практически не отражена, как и не прописаны меры по ее поддержке.

В то же время роль активного и ответственного (вовлеченного) отцовства в достижении ключевых показателей демографической политики является предметом исследовательского интереса множества зарубежных работ, в которых эта роль анализируется в связке с мерами государственной политики.

В частности, М. Сикорска, рассматривая возможные пути повышения уровня рождаемости в Польше, отмечает, что в настоящий момент существуют два основных механизма повышения рождаемости, обладающие доказанной эффективностью:

1. Установление баланса между матерями и отцами в объеме ухода за ребенком. Данный баланс достигается за счет введения резервирования части отпуска по уходу за ребенком за отцами — так называемой отцовской квоты;

2. Обеспечение возможности совмещения работы и ухода за ребенком через внедрение гибких графиков работы (Sikorska, 2021, р. 2). Данная мера также направлена на повышение вовлечения отцов в уход за детьми, поскольку отцы чаще выбирают работу в ущерб времени, проводимому с детьми (Cooclin, 2016; Moran & Koslowski, 2019).

Данные принципы реализованы в шведской модели семейной политики, описанной Е. Клушиной, которая называет ключевой ее чертой отпуск по уходу за ребенком, который составляет суммарно около полутора лет. Однако каждому из родителей доступна лишь половина дней из общего количества. Это, по мнению Клушиной, приводит к росту вовлечённости женщин в профессиональную сферу (за счет уменьшения времени, проведенного в отпуске по уходу за ребенком), а мужчин — в ответственное отцовство (за счет увеличения времени, проведенного в отпуске по уходу за ребенком) (Клушина, 2020). Б. Андерссон с соавторами анализируют данную модель поддержки уровня рождаемости в стране и оценивают ее как преимущественно успешную. Авторы замечают, что более молодые отцы оказываются более вовлеченными в родительство, что указывает на прогрессирующую эффективность семейной политики в Швеции. Это же отражается на позитивной динамике уровня рождаемости. Среди эффективных мер по вовлечению отцов отмечается замена в 1974 году оплачиваемого материнского отпуска по уходу за ребенком родительским отпуском с последующим увеличением его последовательно до двенадцати, а затем и восемнадцати месяцев, а также посредством введения квот для отцов в рамках данного отпуска (Andersson, 1993, p. 15).

Т. Лаппегард и Т. Констад проводят анализ влияния вовлеченности отцов на уровень рождаемости в Норвегии по итогам двадцати пяти лет программы по повышению вовлечения отцов в воспитание и уход за детьми. Авторы приходят к выводу, что формирование социальной нормы вовлеченного отцовства позволяет изменить модель ожиданий родителей о распределении семейных ролей в пользу более стабильной, что в свою очередь, облегчает принятие решения о рождении первого и последующих детей. Полиномиальная регрессия позволяет установить, что эффект оказывается более значим для рождения второго ребенка. Основным индикатором социальной нормы оказывается высокая доля отцов, берущих отпуск по уходу за ребенком (Lappegård & Kornstad, 2019).

Выводы о позитивной связи вовлеченности отцов и уровня рождаемости отмечается также и в контексте азиатских стран, на что указывает М. Ишии-Кунтз (Ishii-Kuntz, 2015).

Вовлеченность отцов способствует росту и ряда иных значимых для демографической политики показателей. В частности, речь идет о позитивном влиянии на вес детей при рождении, а также об уровне младенческой смертности и заболеваемости (Teitler, 2001).

Проведенный выше литературный обзор показывает значительную разницу в освещении роли отцов в решении демографических проблем в отечественной и зарубежной литературе. Это связано с различием фокусов национальной демографической политике в разных странах. Отсюда исследовательский вопрос данной статьи: можно ли считать недооценку роли

отцов фактором, негативно влияющим на успешность региональной демографической политики в России?

Исследование является монографическим и выполнено в кабинетном дизайне. Анализируется демографическая ситуация и демографическая политика в одном отдельно взятом регионе РФ, а именно в Псковской области. Выбор региона определяется ярко выраженными в нем тенденциями депопуляции. Подобная ситуация не является типичной для всей страны, есть субъекты федерации, где депопуляция выражена гораздо меньше, или даже имеет место естественный прирост. Однако это лишь доказывает актуальность исследования именно для Псковской области.

Оценка значимости продвижения и поддержки образа ответственного отцовства для решения задачи повышения рождаемости.

Задачи: анализ демографических процессов в Псковской области в сравнительной и ретроспективной перспективах; обзор мер современной региональной демографической политики Псковской области; описание зарубежного опыта продвижения образа ответственного отцовства и его влияния на уровень рождаемости.

Методы исследования: анализ вторичных источников, анализ статистических данных.

Теоретическую рамку исследования составляют: 1) теория гендерного перехода И.Е. Калабихиной (Калабихина, 2021). Основной тезис данной теории состоит в том, что существует положительная связь между уровнем гендерного равенства в семье и обществе и уровнем рождаемости, и что основой успеха пронаталистской политики в современном обществе выступает улучшение баланса «семья-работа» для мужчин и женщин. 2) теория эволюции типов семьи С.И. Голода, описывающая переход от патриархального типа к детоцентристскому, который в современном обществе сменяется супружеским типом семьи (минимально унифицированным и открывающим перспективу для личностного самовыражения) – французская «семья-клуб» и английский «брак между добрыми друзьями» (Голод, 1998).

Основная гипотеза. В современной региональной демографической политике в России недостаточно представлены меры по продвижению образа ответственного отцовства, финансовой и нормативной поддержке отцовской роли, что лишает эту политику значимого ресурса повышения рождаемости.

Анализ динамики демографических процессов в Псковской области

Для анализа успешности/неуспешности региональной демографической политики в Псковской области необходим сравнительный и исторический анализ демографических процессов. Сравнение будет проводиться с другими субъектами Северо-Западного федерального округа (далее –

СЗФО), а исторический анализ охватит период 2005-2022 гг. Это вызвано тем, что в 2006 г. в стране был официально объявлен курс на решение демографических проблем и началась активная пронаталистская демографическая политика¹.

Псковская область входит в группу регионов СЗФО с наименьшей численностью населения (500-600 тыс. чел.)². В нее также входят Новгородская область (575,9 тыс. чел.) и республика Карелия (527,9 тыс. чел.). В Псковской области проживает почти в 10 раз меньше населения, чем в Санкт-Петербурге.

По показателю ожидаемой продолжительности жизни Псковская область занимает последнюю позицию в СЗФО. В целом по стране гендерный разрыв в продолжительности жизни женщин и мужчин в 2022 г. составил 10 лет (у женщин - 77,77 лет, у мужчин - 67,57 лет). В Псковской области этот разрыв составляет почти 12 лет, и отстают именно мужчины. У женщин в сравнении с лидером рейтинга – Санкт-Петербургом отставание составляет 4,49 лет, а у мужчин - 8,35 лет.

По суммарному коэффициенту рождаемости Псковская область находится в середине рейтинга, см. рис. 1. Здесь аутсайдерами выступают наиболее развитые в промышленном отношении субъекты СЗФО. Низкий показатель рождаемости в Ленинградской области частично объясняется близостью Санкт-Петербурга. Многие жительницы области предпочитают рожать в мегаполисе, где медицинская помощь лучше.

¹ Послание Президента В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации 10.05.2006 // Российская газета. 11.05.2006. Федеральный выпуск №4063. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23577>.

² Данные взяты с Официального сайта Федеральной службы государственной статистики (Росстат). URL: <https://rosstat.gov.ru/>; Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Псковской области (Псковстат). URL: <https://60.rosstat.gov.ru/>.

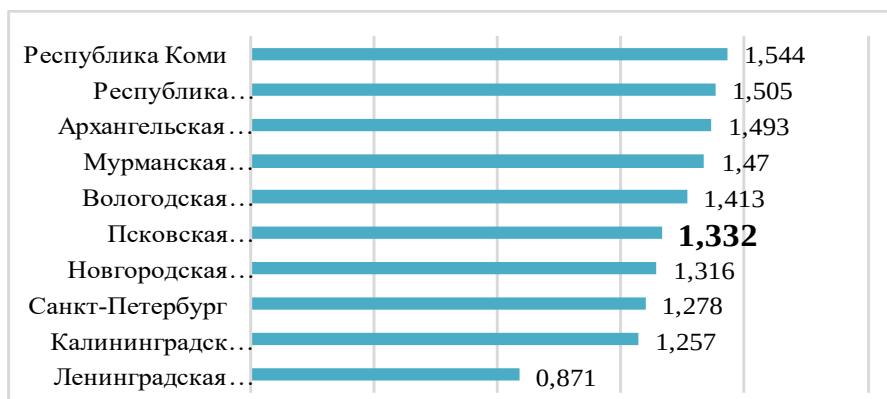

Рисунок 1 – Суммарный коэффициент рождаемости в субъектах СЗФО, 2022

Весьма неблагоприятным является показатель смертности трудоспособного населения в Псковской области (рис. 2). Хотя смертность этой категории населения в Республике Карелия была выше, Псковская область идет сразу второй. В этих двух субъектах она выше, чем в Санкт-Петербурге практически в 2 раза. В Новгородской области, весьма сходной с Псковской по географическому положению, этот показатель в 2022 году составил только 673,6 на 100 тыс. населения. В Архангельской области, являющейся северной территорией, он тоже заметно ниже, чем в Карелии, только 674,6. Это обстоятельство требует специального анализа, но оно в любом случае выступает ярким индикатором низкого качества жизни в регионе.

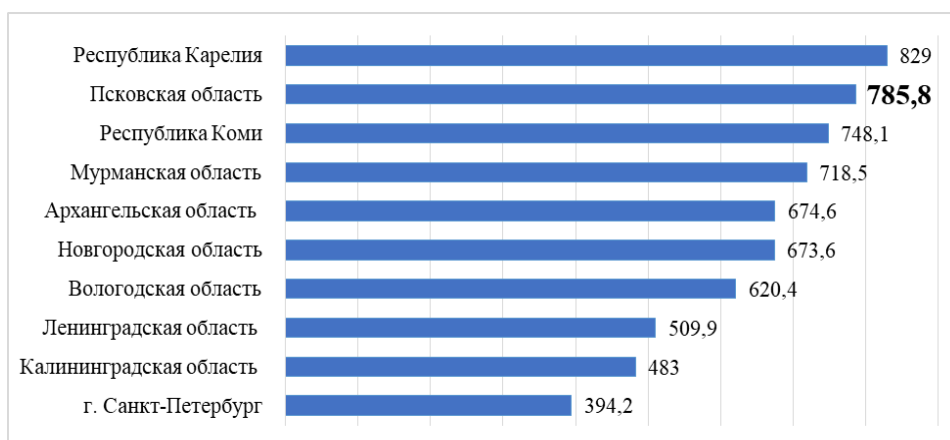

Рисунок 2 – Смертность населения в трудоспособном возрасте (число умерших на 100.000 человек данного возраста), 2022

Псковская область занимала в 2022 году третью позицию по миграционной убыли, ее опережают только северные территории – Мурманская область и Республика Коми. Даже из Архангельской области миграционный отток был ниже (рис. 3).

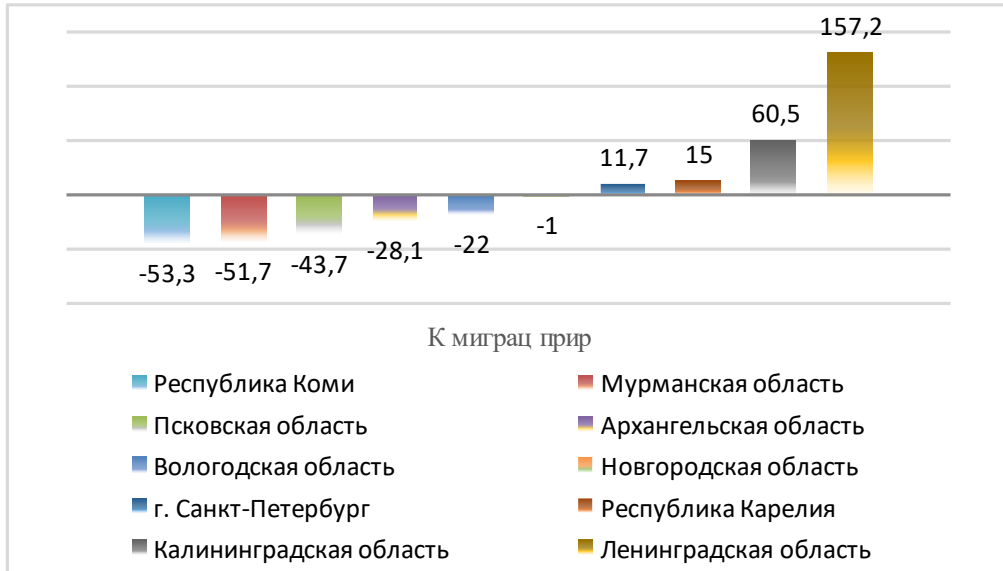

Рисунок 3. Коэффициент миграционного прироста на 10.000 человек в субъектах СЗФО, 2022

Исходя из всего вышеизложенного, можно рассматривать демографическую ситуацию в Псковской области как крайне неблагоприятную. Хотя есть субъекты СЗФО, в которых эта ситуация по отдельным показателям хуже, но это объясняется объективными обстоятельствами – географическим положением, образом жизни мегаполиса и т.п. Псковская область отстает системно сразу по нескольким ключевым параметрам.

Далее рассмотрим ретроспективу, чтобы понять, является такое сложное положение с воспроизводством населения в Псковской области современным явлением, или оно сформировалось уже довольно давно.

На рис. 4 представлена динамика общего коэффициента рождаемости в СЗФО. Все регионы показывают рост этого показателя вплоть до 2015 г., а затем у всех начинается его снижение. Отметим, что Псковская область начинала с более низких стартовых позиций, ниже этот показатель был только в СПб и Ленинградской области. Но если Санкт-Петербург сумел улучшить показатель, и в 2022 году стал лидером округа, то Ленинградской области это не удалось, она так и осталась аутсайдером с показателем общей рождаемости самым низким по стране. Но, как уже отмечалось,

это может быть связано с близостью к Санкт-Петербургу и большой маятниковой миграцией населения.

Псковская область даже немного ухудшила свои позиции, оказалась в 2022 году уже не на третьем, а на втором месте с конца.

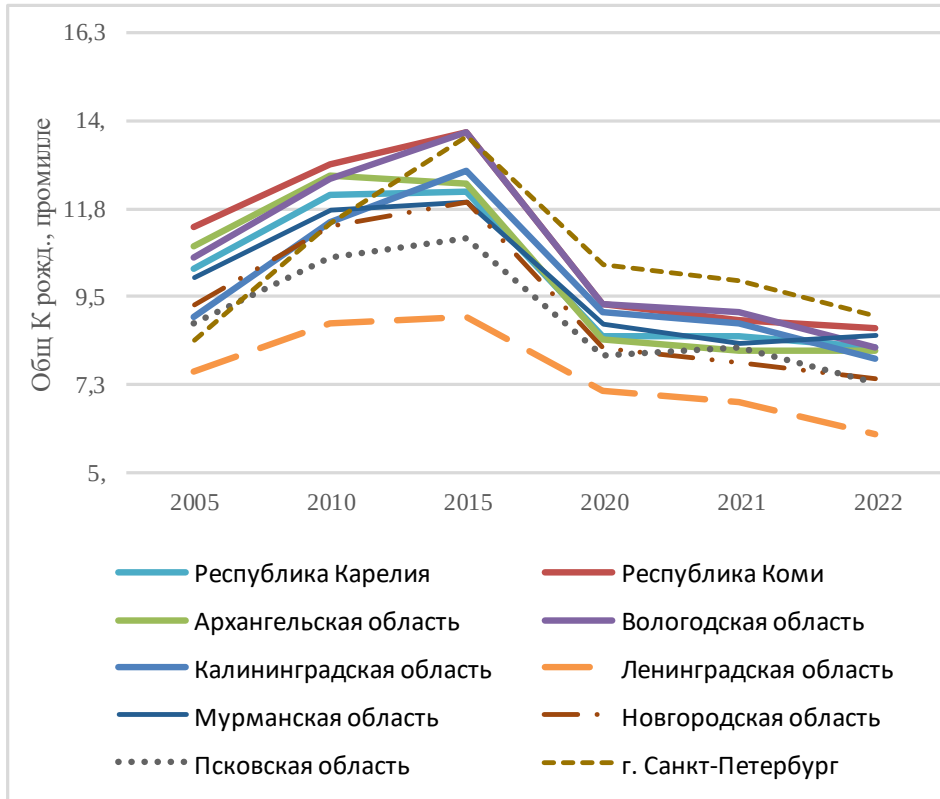

Рисунок 4. Динамика общего коэффициента рождаемости субъектов СЗФО (2005-2022)

На рис. 5 показана динамика смертности населения в трудоспособном возрасте в Псковской области. Хорошо видно резкое снижение этого показателя к 2015 году, но затем эта положительная тенденция прекратилась, и даже наблюдается небольшой рост смертности в сравнении с 2015 годом.

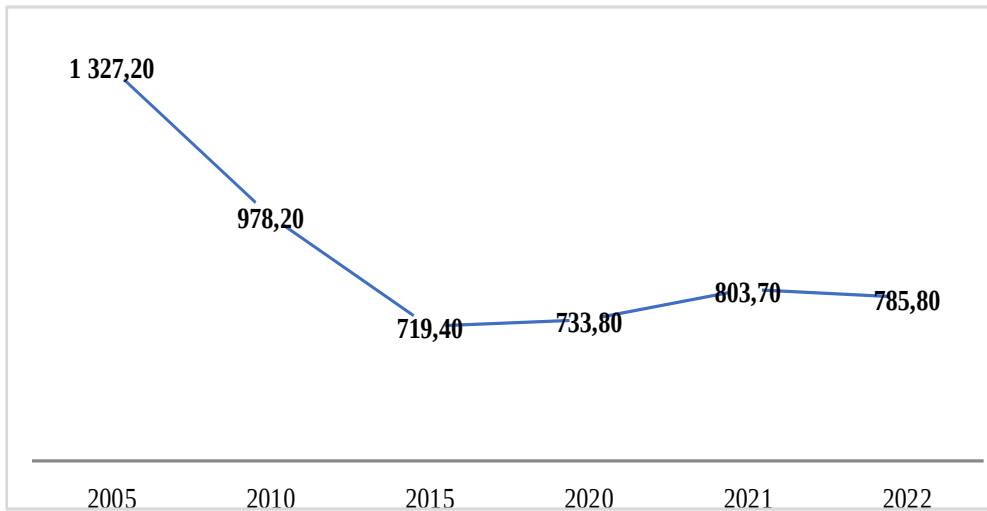

Рисунок 5. Динамика смертности населения Псковской области в трудоспособном возрасте (число умерших на 100 000 человек соответствующего возраста) в Псковской области (2005-2022)

На рис.6 представлена динамика темпов прироста населения в субъектах СЗФО. В отличие от естественного движения населения здесь нет ярко выраженных общих тенденций, можно только выделить регионы-доноры и регионы-реципиенты. Миграционная привлекательность Санкт-Петербурга падает, а Ленинградской области растет, но это во многом связано с политикой привлечения мигрантов, которую проводят эти регионы. Нельзя забывать и о маятниковой миграции из Ленинградской области в Санкт-Петербург. Люди получают регистрацию в Ленинградской области, но фактически живут (арендуют жилье) в Санкт-Петербурге. Ряд районов области, например, Всеволожский, является местом проживания людей, работающих в мегаполисе. В отношении других субъектов СЗФО таких маятниковых миграционных процессов нет, в силу их достаточной территориальной удаленности.

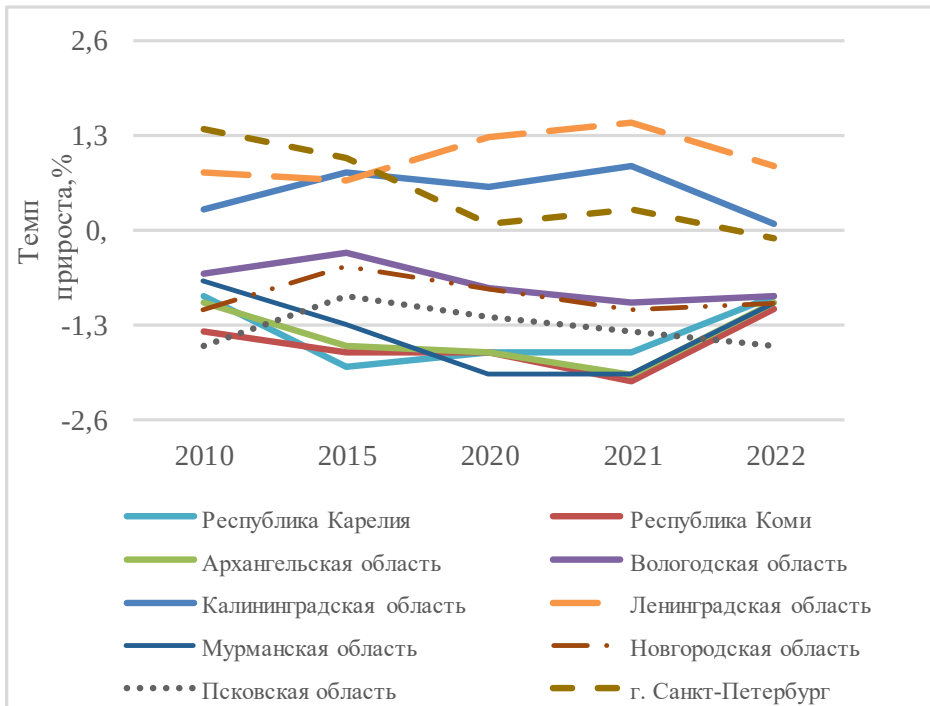

Рисунок 6. Динамика темпов прироста населения в субъектах СЗФО (2005-2022)

В Псковской области, как и в Новгородской, миграционная убыль с 2015 года на протяжении всего периода постепенно нарастает, не испытывая никаких колебаний. Это означает что, факторы, вызывающие отток населения, не изменялись, а только усилились. Как и в случае с общим коэффициентом рождаемости, здесь наблюдается тенденция к выравниванию показателей, хотя условия жизни в субъектах СЗФО заметно различаются.

Подводя итоги, следует отметить большую инерционность демографических процессов в Псковской области. Они изменяются в соответствии с общими тенденциями по СЗФО, но при этом регион не улучшает свои показатели по сравнению с другими субъектами. Как это было, например, в случае с общим коэффициентом рождаемости в Санкт-Петербурге или коэффициентом смертности в Республике Карелия. Ситуация с оттоком населения выглядит в регионе наиболее критичной, потому что даже северные территории смогли сократить миграционную убыль в 2022 году в отличие от Псковской области.

Другими словами, демографическая ситуация в Псковской области была сложной в 2005 году, и спустя 17 лет она практически не изменилась, регион отстает по своим показателям от других субъектов СЗФО даже с менее благоприятными условиями жизни. Наибольшую стабильность демонстрирует показатель миграционной убыли. После 2015 года он монотонно нарастает. По среднему варианту демографического прогноза с 2024 по 2046 гг.¹ Псковская область может потерять 104,5 тыс. жителей, что составляет 18% ее нынешней численности.

Обзор мер региональной демографической политики в Псковской области

В регионе в настоящее время реализуется комплекс мер демографической политики, они прописаны в Стратегии развития Псковской области до 2035 года. Для развития рынка труда и повышения уровня жизни населения субъект Федерации участвует в программах поддержки малого и среднего бизнеса, а также привлечения инвестиций для открытия новых производств².

В Стратегии прописана необходимость развития детских садов, школ, детских площадок, медицинских учреждений, доступных развлекательных объектов, что, безусловно, положительно повлияет на общую ситуацию семей с детьми и на решения многих молодых людей остаться в регионе. Стратегия содержит меры субсидирования ипотечной ставки для поддержки отдельных категорий граждан, в том числе молодых семей, на развитие транспортной доступности. Эти меры, если они будут реализованы в полной мере, создадут комплексную среду, позволяющую семьям чувствовать себя более защищенными, стрессоустойчивыми и менее зависимыми от экономических потрясений.

Конкретно для повышения рождаемости в Псковской области принят комплекс финансовых, социальных и медицинских инициатив (региональный материнский капитал, единовременные выплаты, дополнительные ежемесячные выплаты при рождении третьего и последующих детей, создание специализированных женских консультаций с акцентом на просвещение и кризисную помощь, внедрение программ профилактики аборт, включая выплаты врачам за успешное убеждение сохранить беременность). Все это полностью коррелирует с национальными проектами «Демография» и «Семья».

Отметим, что многочисленные финансовые выплаты не дают устойчивого эффекта, поскольку семьи с 3-5 детьми сегодня не составляют большинства российских семей. При этом далеко не все семьи попадают под программы поддержки (компенсация ЖКУ, бесплатное питание детей в школах),

¹ Демографический прогноз до 2046 г. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>.

² Псковская область планирует укрепить демографию путем комплексного развития территорий. URL: <https://tass.ru/nacionalnye-proekty/15156417>.

например, не все многодетные семьи признаются нуждающимися и получают выплаты, потому что в основе оценки лежат экономические критерии.

Начиная с середины 2010-х гг. в регионе стали уделять внимание активизации отцовского участия в воспитании детей, понимая, что полнота семейной жизни и распределение семейных обязанностей влияют и на демографические решения. Примером служит создание в 2019 году регионально-го Совета отцов, который своей целью ставит укрепление статуса отца в обществе, организацию совместного досуга отцов и детей (спорт, культура, образование) и проведение профилактики семейного неблагополучия. Кроме того, Псковская область присоединилась к всероссийской акции «Отцовский патруль. Мы ГОТОВЫ», инициированной федеральным центром в конце 2018 года. Эта акция направлена на вовлечение детей и родителей (прежде всего пап) в совместные занятия спортом и выполнение норм ГТО. В 2024 году в Пскове комитетом по молодежной политике был организован региональный форум отцов. Во всех перечисленных программах присутствует только моральное стимулирование участников, отцы не получают от этого каких-либо финансовых выгод.

Важно подчеркнуть, что все вышеназванные меры никак не влияют на структурные факторы, снижения рождаемости в регионе, а именно, массовый отток молодежи из-за нехватки рабочих мест и низкой зарплаты в крупные города и старение населения, поэтому они могут только дополнять общую политику региональных властей по улучшению качества жизни в Псковской области. Не требует особых доказательств, что успех возможен только при интеграции демографической политики с программами по улучшению качества образования, создания рабочих мест, здравоохранения, борьбой с бедностью и поддержки баланса семьи и работы для женщин и мужчин.

Если говорить о зарубежном опыте поддержки ответственного отцовства, то нужно начать с того, что в научной литературе выделяется пять типических моделей организации демографической политики в странах, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР) (Thevenon, 2011).

Северные страны. Они предоставляют наиболее широкий спектр социальных услуг и поддержки для семей с детьми. Размер государственных трат на одного ребенка достигают 53% подушевого ВВП, что значительно превышает 28,6% в среднем для стран ОЭСР. Государственные расходы включают компенсации отпуска по уходу за ребенком, который также в своей длительности примерно в два раза превышает средние значения для ОЭСР (50-62 недели против 32). Одновременно с мерами по поддержке ухода за детьми, существует разветвленная сеть государственных дошкольных учреждений, в том числе для детей в возрасте до трех лет. Важным пунктом также является поддержание равенства между родителями в затрачиваемом времени по

уходу за ребенком. Это достигается через выделение специальных «отцовских квот» в Финляндии, Норвегии, Исландии, Швеции.

Страны англо-саксонской системы и Швейцария. Политика ориентирована преимущественно на помощь нуждающимся семьям, Обычным семьям уделяется значительно меньшее внимание. Государственные затраты на поддержку детей из семей с одним родителем могут пятикратно превышать таковые для семей, в которых есть оба родителя. Также заметный разрыв наблюдается в размере финансовой поддержки для семей из первого доходного квартиля в сравнении с остальными семьями. Такая таргетированная политика позволяет добиться самого низкого размера затрат на одного ребенка со стороны государства: всего 8,1% от подушенного ВВП. Кроме ориентации на бедные группы населения сохраняется уклон в предпочтение монетарной поддержки, а не государственных социальных услуг.

Южноевропейские страны, Япония и Корея. Относительно небольшие расходы на выплаты по уходу за ребенком. Они составляют 12,5% от подушенного ВВП, один из самых коротких отпусков по уходу за ребенком, он составляет в среднем 17,4 недели против 32 недель во всех странах ОЭСР. Один из самых низких размеров как финансовой помощи, так и числа дошкольных учреждений, а также учреждений по уходу за ребенком (медицинские, социальные и т.д.). Это сбалансировано более низким разрывом в оплате труда между родителями, уходившими в отпуск, и оставшимися непрерывно работать.

Восточноевропейские страны. Из-за более низкого уровня благосостояния стран финансовые пособия по уходу за ребенком в абсолютных цифрах ниже, чем в остальных странах ОЭСР. Однако сохранились очень разные системы социальной инфраструктуры и перечень оказываемых социальных услуг. Лидирует в данной группе Венгрия, которая имеет самую обширную сеть дошкольных учреждений, а также самый длительный отпуск по уходу за ребенком (73 недели против 16 в Польше или 50 в Чехии). В среднем в данной группе всего десятая часть детей получают услуги от дошкольных учреждений.

Страны континентальной Европы. Относительно высокие выплаты при уходе за ребенком, а также налоговые послабления для семей детьми. В среднем страны данной группы тратят 2,2% ВВП на расходы в данной сфере против 1,5% в среднем по странам ОЭСР. Существующая демографическая политика не стимулирует игроков на рынке к предоставлению отпусков по уходу за ребенком в равной степени как матери, так и отцу, оттого время, которое проводят отцы в таком отпуске, значительно меньше (Ferragina, 2020).

Соединенные Штаты Америки, опираясь на общие принципы, которые лежат в основе проводимой социальной политики, может показаться близким государством к группе стран Англо-Саксонской системы, однако при

более детальном рассмотрении, о чем пишут Э. Фераджинна и М. Дэйли, значительно отличается от всех групп, рассмотренных выше стран (Daly & Ferragina, 2017). В частности, в США не используется система прямых выплат семьям. Налоговые послабления для семей с детьми здесь несколько ниже, нежели в группе стран Англо-Саксонской системы, и составляют 8,3% от ВВП на человека. Отметим, что в США не предусмотрены выплаты по уходу за ребенком, а также оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком — как для матерей, так и для отцов. Также в США низкая доля детей, вовлеченных в систему государственных дошкольных учреждений — 28% от общего количества. Рост уровня рождаемости в США за последние годы исследователи связывают преимущественно с изменениями социально-экономических условий — ростом общего уровня качества жизни населения (Adelman, 2023; НО, 2024).

Обобщая вышеизложенное, можно констатировать, что в зарубежных странах нет единого подхода к организации демографической политики, однако есть ряд общих ключевых факторов, позитивно влияющих на показатели рождаемости: наличие оплачиваемого отпуска для отцов по уходу за ребенком и институциональные возможности для совмещения работы и воспитания детей.

Рассуждение по аналогии не позволяет приходить к однозначным выводам о результативности данных мер в Российской Федерации в целом, и в Псковской области, в частности, однако можно ожидать от них положительного эффекта, поскольку Псковская область близка по ряду значимых демографических показателей к странам, где такая политика в момент ее введения оказалась эффективной: Швеция, Норвегия, Исландия. Эти страны, как и Псковская область, обладают высоким уровнем урбанизации, преимущественно нуклеарными семьями, высокой долей людей с высшим образованием и развитой сферой услуг.

Как уже отмечалось, осознавая, что демографическую проблему нельзя решить только материальной поддержкой, власти Псковской области обратились к социально-культурным мероприятиям, направленным на вовлечение отцов в семейную жизнь. В 2019–2024 гг. в области сформировалось движение ответственного отцовства (Совет отцов, акции, форумы). Проекты по повышению роли отца в семье в Псковской области в целом реалистичны, так как опираются на низовой общественный запрос и информационно-организационное сопровождение властей. Совет отцов создан как общественная организация, т.е. не требует больших бюджетных расходов – его сила в энтузиазме самих отцов. Уполномоченные органы (уполномоченный по правам ребенка, комитет по молодежной политике, по образованию и спорту) заинтересованы в партнёрстве и предоставляют этим проектам площадки и информационную поддержку. При этом многое зависит от активности самих участников: легко провести разовое мероприятие (форум, празд-

ник), но системная ежедневная работа (например, регулярные кружки для отцов, консультирование проблемных семей силами активистов) требует времени, самоорганизации и устойчивой мотивации, особенно в случае отсутствия значимой финансовой поддержки. Получение грантов на проведение мероприятий выглядит вполне реалистично – в других регионах советы отцов успешно выигрывали президентские гранты на свои проекты. С помощью этого псковские активисты смогут привлечь ресурсы для реализации своих идей (лагеря отцов и детей, лектории, школы молодого отца и т.п.).

Пока масштабы этих инициатив незначительны. Участие 2,5 тысяч отцов в форумах и спортивных акциях говорит о том, что ядро активных отцов в регионе сформировалось, но оно составляет только 3,5% из почти 73 тыс. мужчин-родителей Псковской области. Географический охват этими инициативами постепенно расширяется: из Пскова и крупных городов движение отцов затрагивает и районы (есть примеры мероприятий в Опочке, Гдове, Великих Луках). В идеале, если в каждом районе при поддержке Совета отцов появятся свои активисты, масштаб их влияния станет региональным.

Эксперты отмечают, что сами по себе клубы и советы отцов не приводят непосредственно к скачку рождаемости – их задача скорее качественная: изменить установки и повысить престиж семьи. Тем не менее, это важная часть комплексной демографической политики. В сочетании с материальными стимулами такие инициативы создают всеобъемлющую поддержку семьи: и материальную, и морально-психологическую. Если финансовые выплаты снимают часть экономических барьеров, то работа с отцами снимает важные психологические барьеры (страх «не справиться» с ребенком, столкнуться с осуждением либо насмешками со стороны ближайшего окружения, ревность со стороны матери). В этом смысле потенциал результативности «отцовских» программ проявится постепенно – в виде более крепких семей и желании заводить детей в атмосфере партнерства.

Политика большинства парламентских фракций Псковского областного собрания депутатов не обращена непосредственно к проблематике отцовства. В настоящий момент в законодательном собрании Псковской области представлено шесть фракций: «ЛДПР», «Новые Люди», «Яблоко», «Единая Россия», «Справедливая Россия – Патриоты – За правду», «КПРФ». На сайте регионального отделения «Единой России» представлена одна программа – «Народная программа Единой России». В программе упоминается следующее положение: «Для укрепления семейных ценностей установить в России День отца». В программе партии «Справедливая Россия – Патриоты – За Правду» есть такой пункт программы «Проведение на постоянной основе пропагандистских кампаний, создающих позитивный имидж многодетной семьи, материнства, отцовства и традиционных семейных ценностей».

На сайте регионального отделения ЛДПР опубликованы две программы: «Предвыборная программа политической партии ЛДПР – Либерально-

Демократической Партии России на дополнительных выборах депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации» и «Предвыборная программа ЛДПР “Дело Жириновского живёт”». В них вообще не упоминаются инициативы, направленные на поддержку ответственного отцовства. В пяти программах регионального отделения партии «Яблоко» («Город для людей», «Сохраним Псковскую область», «Программа Псковского “ЯБЛОКА” на выборах депутатов Псковского областного Собрания шестого созыва», «Муниципальная программа Псковского регионального отделения партии “ЯБЛОКО”», «Программа Псковского “ЯБЛОКА” на выборах депутатов Псковского областного Собрания для города Пскова») также не акцентируется внимание на проектах о вовлеченном отцовстве. Это же справедливо и для программы партии «Новые Люди» – «Программа партии», а также для программы партий КПРФ («Программа партии»). Тем самым можно констатировать, что вопросы продвижения вовлеченного отцовства не находят заметного отражения в программах фракций политических партий, входящих в региональный орган представительной власти Псковской области.

Для успеха программ по повышению отцовской роли важна постоянность, необходима регулярная работа, например наставничество опытных отцов для молодых, система обмена практическими советами, вовлечение отцов в работу школ и детских садов (классные часы с папами, совместные мероприятия). Сложностью является то, что наиболее активные участники – и без того благополучные семьи. Труднодостижимая аудитория – отцы из неблагополучных семей этими программами пока не охвачена, а именно там часто кроются проблемы (алкоголизм, единоличное воспитание матерью и пр.). Поэтому эффективность программ по повышению отцовской роли будет зависеть от того, удастся ли советам отцов и социальным службам привлечь широкие слои родителей-мужчин, а не превратиться в клуб по интересам небольшой группы.

Государственная награда орден «Родительская слава», учрежденный в 2008 году, выдается ежегодно семьям, которые воспитали 7 детей или больше. Награждение орденом сопровождается денежной выплатой – 500 000 рублей. Кроме ордена «Родительская слава», есть одноимённая медаль, её вручают семьям, которые воспитали 4-х детей. Денежное вознаграждение к ней 200 000 рублей. Подчеркнем, что получает эти деньги семья в целом, а не отец или мать. При этом звание «Мать-героиня» существует с 1944 года, а с 2022 года награждённой матери выплачивается единовременное денежное поощрение в размере 1 млн рублей, однако, несмотря на предложение АНО «Национальные приоритеты», пока не учреждена награда многодетным отцам.

Российское государство поддерживает семью и мать, а такой ресурс демографической политики как вовлеченное отцовство оказывается недооцененным. Социальный эффект вовлеченного отцовства может быть значи-

тельным, хотя и труднее измеримым, чем прямая финансовая поддержка семьи. Повышение роли отца в воспитании детей способствует более благополучной семейной обстановке и гармоничному развитию детей. В семьях, где обязанности по уходу за ребенком распределяются между обоими родителями более равномерно, матери испытывают меньше стресса и с большей вероятностью могут решиться на рождение второго и последующих детей. Кроме того, активное участие отцов в делах семьи снижает риск семейных конфликтов и разводов, что в долгосрочной перспективе создает более стабильную среду для роста рождаемости.

Лоббирование «отцовских» инициатив в России представляет собой пример мягкого политического влияния, когда общественные движения и организации используют релевантные информационные поводы, коммуникацию с властью, медийные ресурсы и поддержку авторитетных лидеров мнений, чтобы добиться принятия соответствующих политических решений. Власть охотно идет на встречу подобным инициативам, поскольку они совпадают с актуальным политическим курсом на поддержку семьи и традиционных ценностей. Например, «День отца», введенный в 2021 году, является результатом неоднократных обращений Союза отцов, экспертов и Общественной палаты к Президенту РФ. Однако, поддерживаются властью далеко не все инициативы, например законопроекты по расширению прав отцов на декретный отпуск, увеличению социальной поддержки одиноких отцов и семей с детьми, где роль отца особенно значима, пока находятся на стадии обсуждения.

В то же время, необходимо отметить, что зарубежная демографическая политика, использующая ресурс вовлеченного отцовства, также не свободна от противоречий.

Если рассматривать показатель рождаемости, как признак, по которому можно оценивать эффективность проводимой демографической политики, то группа Северных стран, стран Континентальной Европы и США лидируют в сравнении с остальными. Рестриктивные меры, принимаемые в отдельных странах (например, запрет аборт в Польше) не оказывают существенного влияния на демографическую политику (Fiala et al., 2022; Zabera et al., 2021). В последние годы, начиная с 2022, в группе Северных стран и стран Континентальной Европы наблюдается снижение уровня рождаемости при сохранении принятых странами политик (Neino, 2024). Исследователи выдвигают несколько основных предположений о причинах данных изменений.

Первое из них связано с пандемией COVID-19 и организуемыми локдаунами. Л. Помар с соавторами отмечают, что локдаун сопровождается отложенным снижением рождаемости, а происходящее после восстановление не позволяет полностью компенсировать наблюдавшееся снижение (Pomar, 2022). В европейских странах двух вышеприведённых групп (Северные и

Континентальной Европы) были одни из самых строгих политик в отношении локдаунов.

М. Уинклер-Дворак с соавторами развивают далее линию рассуждений о связи пандемии и уровней рождаемости. Пандемия сформировала у граждан чувство финансовой незащищенности и неуверенности в будущем материальном благополучии, которое оставалось высоким и на момент проведения исследования — начало 2022 года. В этот же период снижение рождаемости было обусловлено двухкомпонентным дизайном вакцин, которые использовались во время пандемии, поскольку многие женщины отказывались от беременности на период между вакцинациями первым и вторым компонентом. Восстановление же уровня рождаемости после второй вакцинации не позволяло в полной мере компенсировать снижение после первой полученной дозы, как и в случае с локдаунами (Winkler-Dworak, Zeman & Sobotka, 2024).

Интересными видятся выводы Р. Харт и К. Холст о том, что причина снижения рождаемости, как минимум в Северных странах, заключается в сознательном отказе властей от ориентации на высокий уровень рождаемости. Харт и Холст обнаруживают, что уровень рождаемости как ключевой показатель оказывается релевантным только для первых стратегических документов демографической политики конца 1970-х годов. Последняя действующая стратегия, принятая в 2017 году, смещает фокус от показателя рождаемости к показателям благополучия населения, а также не проблематизирует в должной мере низкий уровень рождаемости (Hart & Holst, 2024). Дж. Джонстон формулирует это изменение более явно, когда отмечает конфликт двух дискурсов: пронаталисткой демографической политики и дискурса свобод человека. Концентрация на последних ведет к уходу от терминологии, включающей в себя «уровень рождаемости», «фертильность» и др. демографические показатели (Johnston, 2025).

Россия продолжает переживать депопуляцию, в связи с этим государством в 2019-2024 гг. реализовался национальный проект «Демография», а в 2025-2030 гг. будет реализован проект «Семья». Однако ни в одном из этих проектов специально не прописана роль отца и ответственного отцовства, в то время как в зарубежных странах это значимый элемент государственной демографической политики.

Псковская область – субъект СЗФО, в котором на протяжении последних 20 лет сохраняются негативные тенденции как в естественном, так и в механическом движении населения. Хотя региональная демографическая политика разрабатывается и реализуется в рамках общих установок государства по поддержке семьи и материнства, негативные тенденции переломить пока не удается.

Зарубежных опыт свидетельствует, что роль ответственного и вовлеченного отца нуждается не только в информационно-идеологической под-

держке со стороны гражданского общества и активистов родительского движения, но и в материально-нормативной поддержке со стороны государства. Только в этом случае ответственное отцовство может стать одним из дополнительных ресурсов повышения рождаемости и укрепления института семьи в Псковской области и в стране в целом.

Поскольку Россия уже находится на этапе гендерного перехода, связанного с выходом женщин на рынок труда, а семьи в основном стали партнерскими, а не патриархальными или детоцентричными, значимое повышение рождаемости возможно только на пути развития современных гендерных ролей, предполагающих активное участие мужчин в жизни семьи. Апелляция к образу матери, полностью погруженной в дела семьи и воспитания детей, уже не отвечает реалиям современного общества.

Анализ полученных результатов необходимо вести с учетом ряда ограничений, а именно:

- демографические процессы исследовались только в одном субъекте Российской Федерации – Псковской области, который нельзя считать типичным для всей страны; не проводились сравнительные исследования распространенности и результативности проектов развития вовлеченного отцовства в различных регионах страны и их влияния на повышение рождаемости и укрепление института семьи;

- в исследовании не использовался метод моделирования, позволяющий проводить анализ демографической политики с учетом и без учета фактора вовлеченного отцовства;

- в ходе работы не проводились эмпирические социологические исследования, позволяющие изучить репродуктивные установки конкретно населения Псковской области;

- при описании причин снижения рождаемости в регионе не анализировались такие объективные факторы как уменьшение контингента женщин активного репродуктивного возраста.

Можно выделить следующие направления дальнейших исследований в избранной теме: 1) сравнительный анализ низовой активности родителей-мужчин в разных регионах страны; 2) моделировании демографических процессов для оценки значимости фактора вовлеченного отцовства.

Представленная в статье дискуссия позволяет поставить вопрос о границах влияния эффекта вовлеченного отцовства на показатель рождаемости. Не исключено, что при достижении определенного уровня гендерного равенства в обществе через стимулирование выхода женщин на рынок труда и вовлечение мужчин в семейную жизнь, позитивный эффект подобной политики может быть утрачен в силу рутинизации самого явления вовлеченного отцовства. Для проверки данного предположения необходимы дальнейшие исследования.

Литература

- Adelman, S., et al. (2023). State-specific fertility rate changes across the USA following the first two waves of COVID-19. *Human Reproduction*, 38(6), 1202-1212.
- Andersson, B.-E., Kihlblom, U., & Sandqvist, K. (1993). Rising birth rate in Sweden: A consequence of the welfare state and family policy? *Childhood*, 1(1), 11–25.
- Cooklin, A. R., et al. (2016). Fathers at work: Work–family conflict, work–family enrichment and parenting in an Australian cohort. *Journal of Family Issues*, 37(11), 1611-1635.
- Daly, M., & Ferragina, E. (2017). Family policy in high-income countries: Five decades of development. *Journal of European Social Policy*, 28(3), 255–270. <https://doi.org/10.1177/0958928717735060>.
- Ferragina, E. (2020). Family policy and women's employment outcomes in 45 high-income countries: A systematic qualitative review of 238 comparative and national studies. *Social Policy & Administration*, 54(7), 1016-1066.
- Fiala, C., et al. (2022). Abortion: Legislation and statistics in Europe. *The European Journal of Contraception & Reproductive Health Care*, 27(4), 345-352.
- Hart, R. K., & Holst, C. (2024). What about fertility? The unintentional pro-natalism of a Nordic country. *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*, 31(3), 429-454.
- Heino, A., et al. (2024). Perinatal statistics in the Nordic countries 2022.
- Ho, C., & Wang, Y. (2024). Social institutions and low birth rates. https://ink.library.smu.edu.sg/soe_research/2770.
- Ishii-Kuntz, M. (2015). Fatherhood in Asian contexts. In *Routledge handbook of families in Asia* (pp. 161-174). Routledge.
- Johnston, J. (2025). Reframing low birth rates as an existential opportunity. *Journal of Ethics and Emerging Technologies*, 35(2), 1-8.
- Kashina, M., & Tkach, S. (2021). Fatherhood escape as a significant feature of the gender contract of Russian men. *International Journal of Sociology and Social Policy*, 41(9/10), 1058-1071. <https://doi.org/10.1108/IJSSP-09-2020-0426>.
- Lappegård, T., & Kornstad, T. (2019). Social norms about father involvement and women's fertility. *Social Forces*. <https://doi.org/10.1093/sf/soz124>.
- Moran, J., & Koslowski, A. (2019). Making use of work–family balance entitlements: How to support fathers with combining employment and caregiving. *Community, Work & Family*, 22(1), 111-128.
- Pomar, L., et al. (2022). Impact of the first wave of the COVID-19 pandemic on birth rates in Europe: A time series analysis in 24 countries. *Human Reproduction*, 37(12), 2921-2931.
- Sikorska, M. (2021). Is it possible to increase the fertility rate in Poland (IBS Policy Paper). Warsaw: Institute for Structural Research, 1-13.
- Teitler, J. O. (2001). Father involvement, child health and maternal health behavior. *Children and Youth Services Review*, 23(4-5), 403–425. [https://doi.org/10.1016/s0190-7409\(01\)00137-2](https://doi.org/10.1016/s0190-7409(01)00137-2).
- Thévenon, O. (2011). Family policies in OECD countries: A comparative analysis. *Population and Development Review*, 37(1), 57-87.
- Winkler-Dworak, M., Zeman, K., & Sobotka, T. (2024). Birth rate decline in the later phase of the COVID-19 pandemic: The role of policy interventions, vaccination programmes, and economic uncertainty. *Human Reproduction Open*, 2024(3), hoae052.
- Zaręba, K., et al. (2021). The influence of abortion law on the frequency of pregnancy terminations: A retrospective comparative study. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 18(8), 4099. <https://doi.org/10.3390/ijerph18084099>

Бекетова, Е. Н., Мамедова, Л. В. (2022). Классификация ролевых моделей отцовства. Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования, 11(4-1), 219–226. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.42.82.018>.

Безрукова, О. Н. (2022). Межпоколенческая трансляция практик отцовства в молодых семьях. Семья и преемственность поколений: Материалы Международного симпозиума. Ивановский государственный университет, 60-64.

Безрукова, О. Н., Самойлова, В. А. (2020). Материнский гейткипинг в России: молодые отцы о матерях и барьерах доступности детей после развода. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 3(157), 463-498. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1680>.

Безрукова, О. Н., Самойлова, В. А. (2022). Отцовство в современной России: смыслы, ценности, практики и межпоколенческая трансляция. Социологические исследования, 2, 94-106. <https://doi.org/10.31857/S013216250016970-0>.

Безрукова, О. Н., Сорокина, А. И. (2024). Девиантное поведение подростков: фактор отца. Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология, 10(76)(4), 3-18.

Бурова, С. Н. (2015). Современная семья: крах или другая жизнь? Социология, 2, 4-15.

Голод, С. И. (1998). Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб: ТОО ТК «Петрополис».

Горлатых, А. Ю., Абрамов, А. П. (2025). Гендерные роли в семье: меняющиеся ожидания и обязанности. Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент, 15(1), 247-259. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-1-247-259>.

Гурко, Т. А. (2022). Развитие института родительства: анализ эмпирических показателей. Женщина в российском обществе, 4, 3-14. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.4.1>.

Иванова, Е. А. (2018). Алименты как множественные деньги: контрибуция, обязательство или забота? Исследование практик содержания ребёнка отцами после развода. Экономическая социология, 19(4), 101-133. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2018-4-101-133>.

Илларионова, А. Ю., Горетая, В. Ю. (2023). Трансформация гендерных ролей в семье: институт отца и институт матери в традиционных обществах. Тенденции развития науки и образования, 104-1, 170-173. <https://doi.org/10.18411/trnio-12-2023-47>.

Калабихина, И. Е. (2021). Как мы узнаем, что наступает гендерное равенство? Женщина в российском обществе, 2, 3-16. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.2.1>.

Кашина, М. А., Клецина, И. С. (2023). Ролевой конфликт работающей женщины и его преодоление как предмет научных исследований и задача гендерной политики. PolitBook, 4, 22-34. <https://doi.org/10.24412/2227-1538-2023-4-22-34>.

Клушина, Е. А. (2020). Семейная политика в Швеции: исторический, социально-экономический и политический контексты. Вестник Северо-Кавказского федерального университета, 3(78), 166-171. <https://doi.org/10.37493/2307-907X.2020.3.19>.

Латышева, Ю. А. (2013). Феномен отцовства: современные исследования. Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика, 19(1), 47-51.

Оганесова, Н. Л. (2023). Семейные кризисы и развод как утрата семьи. На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания, 3(27), 418-423.

Подкладова, Т. Д. (2016). Мужчина-отец в семье и обществе: вовлеченность vs. исключенность. Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология, 1(33), 107-112. <https://doi.org/10.17223/1998863X/33/11>.

Прокофьева, Л., Валетас, М.-Ф. (2002). Отцы и их дети после развода. Социологические исследования, 6, 111-115.

Синельников, А. Б. (2015). Супружество, отцовство и материнство в российском обществе. Социологический журнал, 21(4), 132-148. <https://doi.org/10.19181/socjour.2015.21.4.3068>.

Сопина, Е. Л. (2016). Роль мужчины в современной семье. Общество и цивилизация, 2, 57-59.

Шевченко, И. (2018). Зачем нужны отцы: размышления детей о важности отцов и их роли в семье. Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение, 2(12), 65-73. <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2018-2-65-73>.

Шевченко, И. О. (2023). Эволюция научных исследований отцовства. Вестник Института социологии, 14(3), 175-196. <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.3.12>.

References

Adelman, S., et al. (2023). State-specific fertility rate changes across the USA following the first two waves of COVID-19. *Human Reproduction*, 38(6), 1202-1212.

Andersson, B.-E., Kihlblom, U., & Sandqvist, K. (1993). Rising birth rate in Sweden: A consequence of the welfare state and family policy? *Childhood*, 1(1), 11-25.

Beketova, E. N., & Mamedova, L. V. (2022). Classification of fatherhood role models. *Psychology: Historical-Critical Reviews and Contemporary Research*, 11(4-1), 219-226. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.42.82.018> (in Russ).

Bezrukova, O. N., & Samoilova, V. A. (2020). Maternal gatekeeping in Russia: Young fathers on mothers and barriers to child access after divorce. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 3(157), 463-498. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1680> (in Russ).

Bezrukova, O. N., & Samoilova, V. A. (2022). Fatherhood in contemporary Russia: Meanings, values, practices, and intergenerational transmission. *Sociological Studies*, (2), 94-106. <https://doi.org/10.31857/S013216250016970-0> (in Russ).

Bezrukova, O. N., & Samoilova, V. A. (2022). Intergenerational transmission of fatherhood practices in young families. In *Family and Intergenerational Continuity: Proceedings of the International Symposium, Ivanovo-Plyos, September 30 – October 1, 2022* (pp. 60-64). Ivanovo State University (in Russ).

Bezrukova, O. N., & Sorokina, A. I. (2024). Deviant adolescent behavior: The father factor. *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology, Pedagogy, Psychology*, 10(76)(4), 3-18 (in Russ).

Burova, S. N. (2015). Modern family: Collapse or another life? *Sociology*, (2), 4-15 (in Russ).

Cooklin, A. R., et al. (2016). Fathers at work: Work-family conflict, work-family enrichment and parenting in an Australian cohort. *Journal of Family Issues*, 37(11), 1611-1635.

Daly, M., & Ferragina, E. (2017). Family policy in high-income countries: Five decades of development. *Journal of European Social Policy*, 28(3), 255-270. <https://doi.org/10.1177/0958928717735060>.

Ferragina, E. (2020). Family policy and women's employment outcomes in 45 high-income countries: A systematic qualitative review of 238 comparative and national studies. *Social Policy & Administration*, 54(7), 1016-1066.

Fiala, C., et al. (2022). Abortion: Legislation and statistics in Europe. *The European Journal of Contraception & Reproductive Health Care*, 27(4), 345-352.

Golod, S. I. (1998). Family and marriage: A historical-sociological analysis. *Petropolis* (in Russ).

Gorlatykh, A. Yu., & Abramov, A. P. (2025). Gender roles in the family: Changing expectations and responsibilities. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Management*, 15(1), 247–259. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-1-247-259> (in Russ).

Gurko, T. A. (2022). Development of the parenting institution: An analysis of empirical indicators. *Woman in Russian Society*, (4), 3–14. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.4.1> (in Russ).

Hart, R. K., & Holst, C. (2024). What about fertility? The unintentional pro-natalism of a Nordic country. *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*, 31(3), 429-454.

Heino, A., et al. (2024). Perinatal statistics in the Nordic countries 2022.

Ho, C., & Wang, Y. (2024). Social institutions and low birth rates. https://ink.library.smu.edu.sg/soe_research/2770

Illarionova, A. Yu., & Goretaya, V. Yu. (2023). Transformation of gender roles in the family: Institutions of fatherhood and motherhood in traditional societies. *Trends in the Development of Science and Education*, (104-1), 170-173. <https://doi.org/10.18411/trnio-12-2023-47> (in Russ).

Ishii-Kuntz, M. (2015). Fatherhood in Asian contexts. In *Routledge handbook of families in Asia* (pp. 161-174). Routledge.

Ivanova, E. A. (2018). Alimony as multiple monies: Contribution, obligation, or care? A study of fathers' practices of child support after divorce. *Economic Sociology*, 19(4), 101-133. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2018-4-101-133> (in Russ).

Johnston, J. (2025). Reframing low birth rates as an existential opportunity. *Journal of Ethics and Emerging Technologies*, 35(2), 1-8.

Kalabikhina, I. E. (2021). How do we know that gender equality is being achieved? *Woman in Russian Society*, (2), 3-16. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.2.1> (in Russ).

Kashina, M. A., & Kletsina, I. S. (2023). Role conflict of working women and its overcoming as a subject of scientific research and gender policy objectives. *PolitBook*, (4), 22-34. <https://doi.org/10.24412/2227-1538-2023-4-22-34> (in Russ).

Kashina, M., & Tkach, S. (2021). Fatherhood escape as a significant feature of the gender contract of Russian men. *International Journal of Sociology and Social Policy*, 41(9/10), 1058-1071. <https://doi.org/10.1108/IJSSP-09-2020-0426>

Klushina, E. A. (2020). Family policy in Sweden: Historical, socio-economic, and political contexts. *Bulletin of North Caucasus Federal University*, 3(78), 166-171. <https://doi.org/10.37493/2307-907X.2020.3.19> (in Russ).

Lappegård, T., & Kornstad, T. (2019). Social norms about father involvement and women's fertility. *Social Forces*. <https://doi.org/10.1093/sf/soz124>

Latysheva, Y. A. (2013). Fatherhood phenomenon: Contemporary research. *Bulletin of Kostroma State University*, 19(1), 47-51 (in Russ).

Moran, J., & Koslowski, A. (2019). Making use of work-family balance entitlements: How to support fathers with combining employment and caregiving. *Community, Work & Family*, 22(1), 111-128.

Oganesova, N. L. (2023). Family crises and divorce as a loss of family. *At the Intersection of Languages and Cultures. Current Issues in Humanities*, 3(27), 418-423 (in Russ).

Podkladova, T. D. (2016). Father in the family and society: Inclusion vs exclusion. Bulletin of Tomsk State University, Philosophy, Sociology, Political Science, 1(33), 107-112. <https://doi.org/10.17223/1998863X/33/11> (in Russ).

Pomar, L., et al. (2022). Impact of the first wave of the COVID-19 pandemic on birth rates in Europe: A time series analysis in 24 countries. Human Reproduction, 37(12), 2921-2931.

Prokofyeva, L. & Valetas, M.-F. (2002). Fathers and their children after divorce. Sociological Studies, (6), 111-115 (in Russ).

Shevchenko, I. (2018). Why fathers are needed: Children's reflections on the importance of fathers and their role in the family. Bulletin of the Russian State University for the Humanities, Series: Philosophy, Sociology, Art Studies, 2(12), 65-73. <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2018-2-65-73> (in Russ).

Shevchenko, I. O. (2023). Evolution of scientific studies on fatherhood. Bulletin of the Institute of Sociology, 14(3), 175-196. <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.3.12> (in Russ).

Sinelnikov, A. B. (2015). Marriage, fatherhood, and motherhood in Russian society. Sociological Journal, 21(4), 132-148 <https://doi.org/10.19181/socjour.2015.21.4.3068> (in Russ).

Sikorska, M. (2021). Is it possible to increase the fertility rate in Poland (IBS Policy Paper). Warsaw: Institute for Structural Research, 1-13.

Sopina, E. L. (2016). The role of men in the modern family. Society and Civilization, 2, 57-59 (in Russ).

Teitler, J. O. (2001). Father involvement, child health and maternal health behavior. Children and Youth Services Review, 23(4-5), 403-425. [https://doi.org/10.1016/s0190-7409\(01\)00137-2](https://doi.org/10.1016/s0190-7409(01)00137-2).

Thévenon, O. (2011). Family policies in OECD countries: A comparative analysis. Population and Development Review, 37(1), 57-87.

Winkler-Dworak, M., Zeman, K., & Sobotka, T. (2024). Birth rate decline in the later phase of the COVID-19 pandemic: The role of policy interventions, vaccination programmes, and economic uncertainty. Human Reproduction Open, 2024(3), hoae052.

Zaręba, K., et al. (2021). The influence of abortion law on the frequency of pregnancy terminations: A retrospective comparative study. International Journal of Environmental Research and Public Health, 18(8), 4099. <https://doi.org/10.3390/ijerph18084099>.

Для цитирования: Васильева, В. А. Повышение значимости отцовской роли как недооцененный ресурс региональной демографической политики в условиях депопуляции / В. А. Васильева, М. А. Кашина, С. Ткач // PolitBook. – 2025. – № 2. – С. 153-180. – DOI 10.24412/2227-1538-2025-2-153-180

С.В. Рогачев

S. Rogachev

**РОССИЯ -
ЦИВИЛИЗАЦИЯ:
УПРЕЖДЕНИЕ
ПОЛИТИЧЕСКИХ РИСКОВ
СТАНОВЛЕНИЯ
В УСЛОВИЯХ
ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО
РАЗЛОМА**

**RUSSIA - CIVILIZATION:
ANTICIPATION OF THE
POLITICAL RISKS OF
FORMATION UNDER
CONDITIONS OF THE
CIVILIZATIONAL RIFT**

Аннотация

Современная Россия сталкивается с множеством вызовов в условиях глобальной нестабильности, санкционного давления и продолжающейся СВО. На фоне этих событий усиливается процесс формирования национальной идентичности и укрепления суверенитета. В таких условиях возрастает значение изучения политических рисков и разработки методов их упреждения.

Цель статьи – теоретическое осмысление природы политических рисков в контексте развития Российской цивилизации и предложение подходов к их эффективному упреждению, что является важной задачей для обеспечения устойчивого развития страны.

В исследовании используются методы системного анализа и синтеза, теоретическое моделирование, а также интеграция различных подходов политических наук для разработки комплексного понимания политических рисков и стратегий их минимизации.

Проанализированы ключевые политические риски, включая внутренние и внешние угрозы, а также определены механизмы их проявления. В статье представлены классификации рисков, основанные на их значимости и вероятности, и предложены стратегические развилки для оптимального развития Российской цивилизации.

Упреждение политических рисков требует развития политической рискологии и тесного взаимодействия науки и власти. Статья акцентирует внимание на необходимости своевременной оценки и выбора стратегических альтернатив, что позволит миними-

Abstract

Modern Russia is facing many challenges in the context of global instability, sanctions pressure and ongoing freedom. Against the background of these events, the process of forming national identity and strengthening sovereignty is intensifying. In such conditions, the importance of studying political risks and developing methods for their prevention increases.

The purpose of the article is a theoretical understanding of the nature of political risks in the context of the development of Russian civilization and the proposal of approaches to their effective prevention, which is an important task to ensure the sustainable development of the country.

The research uses methods of system analysis and synthesis, theoretical modeling, as well as the integration of various political science approaches to develop a comprehensive understanding of political risks and strategies to minimize them.

The key political risks, including internal and external threats, are analyzed, and the mechanisms of their manifestation are determined. The article presents classifications of risks based on their significance and probability, and suggests strategic forks for the optimal development of Russian civilization.

Pre-empting political risks requires the development of political risk management and close cooperation between science and government. The article focuses on the need for timely assessment and selection of strategic alternatives, which will minimize risks and contribute to the sustainable development of Russian civilization in the context of global

зировать риски и способствовать устойчивому развитию Российской цивилизации в условиях глобальной нестабильности.

instability.

Ключевые слова:

Россия, политические риски, цивилизационный разлом, суверенитет, национальная идентичность, политическая рискология, стратегия развития, социальные альтернативы, управление рисками.

Key words:

Russia, political risks, civilizational rift, sovereignty, national identity, political riskology, development strategy, social alternatives, risk management.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-2-181-195>

Тема упреждения рисков, а тем более политических рисков, - всегда актуальна, особенно в свете событий, происходящих в мире и стране сегодня, когда, в условиях санкционного давления объединенного Запада и продолжающейся СВО, идет активный процесс развития национальной идентичности и национального суверенитета. В таких условиях особенно возрастает роль науки, в частности, политической рискологии, и политического прогноза в упреждении широкого спектра рисков, в том числе, политических рисков. «Учет опасности рисков, политических рисков необычайно важен для понимания современного общества, которое не без основания квалифицируется как общество риска» (Kerimova, 2009). В процессе упреждения рисков исключительно значимо их теоретическое осмысление в контексте формирующейся реальности в условия рискогенности цивилизационного разлома и складывающейся рискогенной ситуации в стране в целом, согласно критериям политического риска, и выбор на этой основе оптимальной в данный момент социально-политической развилки ситуационного и стратегического развития России – цивилизации.

В центре «Национальной безопасности и политических рисков» ИСПИ РАН проведены исследования по анализу рискогенности многочисленных ситуаций и упреждению рисков, но очень редко занимались непосредственно теорией и методологией оценки и упреждения политического риска. При исследовании ключевых рисков, стоящих перед страной и декларируемых политическими деятелями или экспертами, определено, что интерпретация рисков зависит в основном от сферы интересов их профессиональной деятельности (Lapin & Ilyicheva, 2024). В Послании Президента России В.В. Путина в 2023 года говорится о четких задачах развития суверенитета страны в ракурсе подготовки специалистов рабочих профессий в областях, являющихся стратегически важными для государства. Особое значение всех этих задач, поставленных руководством страны, обусловило особый контроль их реализации, особенно ключевым элементом – развитию человеческого по-

тенциала и развитию экономики знаний (Ilyicheva & Shunina, 2024). Несмотря на то, что спрос на теорию риска и на теоретическую политическую рискологию пока небольшой, есть все основания полагать, что он будет возрастать, в связи с этим предпринятая в данной статье попытка исследования теоретического аспекта проблемы представляется нам своевременной.

Для достижения поставленных целей исследования использовался комплексный методологический подход, включающий системный анализ и синтез, а также теоретическое моделирование. Системный анализ позволил структурировать изучение политических рисков, выделив основные элементы и их взаимосвязи. Синтез помог интегрировать данные из различных источников и подходов, обеспечивая всестороннее рассмотрение политических рисков. Теоретическое моделирование применялось для прогнозирования развития рискованных ситуаций и оценки их потенциального влияния на социально-политическую стабильность. Кроме того, использовались элементы сравнительного анализа, позволяющего сопоставить российские реалии с международным опытом в области управления политическими рисками (Knyazeva & Kurdyumov, 2005).

Теоретическая доминанта развития цивилизационной реальности

XXI век – век динамичных цивилизационных перемен и усиления цивилизационного многообразия. Чрезвычайно расширился спектр проявления и взаимосвязи объективных и субъективных факторов становления новой цивилизации: Российской цивилизации, сопровождаясь различными формами риска, в том числе и политического риска.

Существуют два подхода к пониманию сущности риска. Первый из них исходит из понимания риска как нежелательности результата. Второй рассматривает риск как возможность выиграть. Оба подхода являются реальностью, предполагая глубокий научный анализ и осмысление складывающейся ситуации, а также взвешенные, практически значимые рекомендации и решения.

Сегодня мы имеем сложную, динамично и противоречиво развивающуюся социальную реальность с различными вариантами возможной практической реализации, в том числе и с вариантом возможной случайности. Предлагается следующее системное видение процесса социального развития формирующейся цивилизационной реальности в их последовательности, что является задачей специальных разделов современной рискологии: нелинейность, статистическая закономерность развития; вероятность альтернатив, опосредованная различными рисками, выбор альтернатив по критериям риска.

Необходимо отметить, что многие известные российские философы, например, Н.А. Бердяев, А.Ф. Лосев успешно разрабатывали исключительно

актуальную проблематику осмысления России, ее духовной идентичности. Но также чрезвычайно важны исследования закономерностей и рисков развития общества, что тоже является задачей рискологии. И в этом контексте проявляются проблемы статистических и динамических закономерностей развития, нелинейная динамика больших социальных систем. Теория нелинейности, нелинейной динамики – это, по сути, объективная основа развития вероятности альтернатив и вариантность выбора из альтернатив. Определение вероятности событий и их оценка по критериям риска позволяет на основе множества случайных факторов определить статистическую закономерность перехода возможности в действительность и риски такого перехода.

Отмечу, что статистическая закономерность, а именно деление законов развития на динамические и статистические, возникла в естественных науках, где под динамическим детерминизмом понимается однозначная обусловленность одного элемента другим (например, закон всемирного тяготения), а под статистической – результат взаимодействия многих факторов (например, броуновское движение). Такой подход усилил возможность анализа и особенно прогноза. Возможен и такой вариант: статистическая закономерность в рамках динамической закономерности. В любом случае присутствует единство необходимости и возможности осуществления как возможные доминанты, как варианты, или варианты возможности. Их осуществление может ослабляться или усиливаться, в зависимости от конкретной ситуации.

Возникает законный вопрос: правомерно ли использовать принципы развития естественных процессов в обществоведении? В данном случае общество рассматривается как большая система с вероятностью развития и рисками. Однако, такой подход не исключает необходимости использовать социальные и классовые принципы, традиционно применяемые в обществоведении. Вероятностный тип развития и объективно, и субъективно рождает рискогенную ситуацию. Риск, а тем более политический риск, имеет объективную и субъективную составляющую.

В этом контексте важная особенность исследования рисков – исследование диалектики взаимообусловленности объективных и субъективных факторов рискогенности в условиях развивающегося процесса. Определяющий объективный фактор общественного развития – средства производства, а субъективными факторами являются государство, общество, партии, личность. Возможно рассмотрение государства в качестве важнейшего объективного фактора, в таком случае партии и общественные организации выступают субъективными факторами. Общество, институты гражданского общества, политические партии выступают как активный субъективный фактор, но они могут выступить и как объективный фактор по отношению к

группе, к личности. В этом состоит ступенчатый детерминизм взаимосвязи факторов и их роль в развитии и упрочении социально-политических отношений и государственности на этапе развития цивилизации.

Возможен следующий теоретический подход к пониманию закономерности развития рискогенной ситуации с учетом её нелинейного характера развития, осуществляющегося обычно как статистическая закономерность, редко, как динамическая закономерность (возможен вариант, когда статистические закономерности проявляются в рамках динамических): нелинейность – статистическая закономерность – вероятность – альтернатива. Риски выбора необходимой альтернативы — это, по своей сути, одна из форм проявления вероятности, как особое видение мира, его эволюции во взаимосвязи социального и технологического (Rogachev, 2012).

«Аналитическая теория вероятности» физика Г. Лоренца является хорошим примером возможности использования методологии точных наук в обществоведении. Сложившаяся, развивающаяся вариантная реальность с альтернативами случайности развивается на принципах нелинейности и статистической закономерности.

Теория социальных альтернатив, отрицая однозначность обусловленности вариантов развития общественных процессов, единый тип цивилизации, исходит из наличия особой цивилизации, цивилизации – России, преемницы Российской империи и СССР, России после перестройки, и наличия у нее специфических развилок, и рисков (Rogachev, 2012).

Формационные тренды формирующейся реальности, такие как динамизм, технологизм и диктатура времени адекватно наложились на принципы «Русского мира», представляющие собой суверенность, патриотизм и семейные ценности. На социальной базе их взаимодействия и активно развивается Россия – цивилизация.

В современных условиях возникла и получила политический характер проблема о необходимости единой государственной идеологии для современной России. Вопрос об изменении 13 статьи Конституции России о неправомерности государственной идеологии всё чаще ставится в профессиональных кругах. Например, он активно обсуждался на Петербургском юридическом Форуме.

Выбор необходимой развилки – это, в конечном счете, – реализация принципа необходимости и возможности, использования или не использования возможных вариантов и оценка выбора по критериям риска, в т.ч. политического риска. Проблема большой политической значимости состоит в том, какие развилки будут типичными для развития страны в стратегической и

среднесрочной перспективах, а какие оценки социальных альтернатив и выбор оптимальной останутся потенциальной возможностью.

Сегодняшняя социально-политическая реальность нашей страны обусловлена множеством различных факторов, внутренних и чрезвычайно рискогенных внешних, рождающих различные риски. В современных условиях растет сложность оценки социальных альтернатив и сокращается время на выбор и принятие решений. На этом социально-политическом фоне растет политическая и экономическая значимость своевременной и адекватной оценки возникших и формирующихся рисков, в том числе риск-идей, риск-задач и риск-действий.

Сложность и динамизм решаемых стратегических и ситуационных задач делают для властных структур крайне актуальным желание и умение опереться на науку, а для науки – быть адекватной этим вызовам. В этом контексте чрезвычайно важны прогноз и анализ диалектики объективных и субъективных факторов развивающейся цивилизации, рискогенности цивилизационного развития.

Риски: оценка их политической значимости

Пересечение естественно – исторических и социально – политических процессов создали специфическую ситуацию диалектики объективных и субъективных факторов крайней рискованности с широким набором различных рисков, стратегических и ситуационных. В объективной реальности представлена широкая номенклатура рисков. Исключительно значим политический риск. Отмечу, что политический риск может быть риском собственно политических отношений и риском политизированных экономических, социальных, экологических процессов.

К сожалению, в настоящее время все чаще и все больше российских рисков принимают формат политических со всеми вытекающими из этого факта последствиями. Расширяется процесс политизации многих сфер государственной и общественной деятельности и соответственно - политические риски. Исключительно опасен часто встречающийся риск ошибочно принятых решений и риск упущенных возможностей, как политический риск.

На базе интеграции политических наук сформировалась и успешно развивается особая научная дисциплина: политическая рискология. Ее задача на теоретической базе закономерности процессов вероятности определять процессы появления, развития и упреждения политического риска и форм его упреждения. Для управления рисками исключительно важна адекватная оценка его сущности и динамики развития, оценка реальности его перехода из возможности в реальность и из реальности - в необходимость. В

литературе говорится о «парадоксе плановика», когда правильные выводы для временного периода 5-7 лет могут оказаться ошибочными для временного периода в 15-20 лет и гибельными для временного периода в 40-60 лет (Susskind & Susskind, 2020).

Риск оценивается по трем аспектам, а именно, тяжесть последствий, вероятность появления, и частота проявления. Нередко они совпадают, что являет собой особенно негативный вариант проявления риска.

Важнейшим аспектом политической рискологии на сегодняшний день является философия взаимодействия государства и общества по упреждению рисков на идеологической базе национальной идентичности, ее связь с идеями «Русского мира», адаптированных к специфике XXI века, реально-сти, в которой нередко ситуационный риск становится стратегическим.

Возможный алгоритм исследования риска представляет собой последовательность следующих действий: выявление опасности; определение возможных сценариев последствия риска; оценка вероятности каждого сценария; оценка возможных последствий; возможные варианты упреждения (локализации) риска; выбор вариантов упреждения негативных последствий риска.

Категоризация рисков на ситуационные, стратегические (особо значимые) и случайные позволяет применять необходимый инструментарий для их анализа, с учетом проявления в них диалектики объективных и субъективных факторов.

Ситуационные риски: Риск бездействия; риск упущенных возможностей; риск ошибочных, недостаточно просчитанных решений; риск упрощенчества.

Стратегические (особо значимые) риски: риски потери суверенитета.

Ввиду исключительной значимости данного типа рисков остановимся на нём подробнее. Суверенитет в данном контексте трактуется широко, как территориальный, технологический (Lapin & Chaikovskaya, 2024), идеологический, экономический, и важнейший риск - риск военного противостояния объединенному Западу (риск СВО и Курска). В связи с этим, на первый план выходят задачи усиления обороноспособности страны, повышается идеологическая роль обеспечения её защиты и отношения к своей стране со стороны различных слоев населения. Особую идеологическую и мобилизующую роль играет впечатляющая история нашей страны, ее успешная борьба за свой суверенитет. Вопрос стратегической политической важности, особенно в контексте изменения атомной доктрины в ноябре 2024 года, состоит в том, будет ли Россия вынуждена применять атомное оружие? Проблема национальной безопасности усугубляется наличием «иностранных агентов», их отрицательным отношением к историческому национальному прошлому, ак-

тивным его неприятием. Отмечается негативная эволюция западничества: от патриотов до статуса «иностранных агентов». Некоторые из «иностранных агентов» достаточно авторитетны в обществе, поэтому способны оказывать негативное влияние на общество, особенно на молодежь. Роль литературы и искусства играет важную роль в упреждении этого риска, но, порой, наоборот, приводит к его усугублению. Риски, связанные с национальной идеологией, происходят и при её отсутствии, и при её наличии.

Риски коррупции. Значительные масштабы коррупции, несмотря на жесткие меры, приобретение ей системного характера, характера обыденности, является по форме экономическим, а по существу – политическим риском.

Риски разлома общественного сознания. Структура и динамика общественного сознания оказались более сложными, чем можно было ожидать. И этим пользуется оппозиция, интеллектуальная оппозиция. Данные риски проявляются в негативном отношении к различным, часто противоположным историческим личностям, например, Сталин, Столыпин, Горбачев, Ельцин.

Риски непрофессионального освоения цифровых технологий, технологического прогресса, связанные с его не просчитанными последствиями и страхами ожидания негативных последствий, часто неожиданных. Значимость данного риска будет возрастать со временем (Borovkov & Petrovskaya, 2020).

Риски народосбережения. С 1964 года в стране продолжается сокращение населения, падает рождаемость. Коэффициент рождаемости 1,41, а требуется – 2,1. Образцовая семья с 3–4 детьми пока утопия.

Экологические риски. Динамизм и значимость политических событий отодвинули на задний план экологические риски. Но их значимость постепенно возрастает, это связано как с загрязнением окружающей среды, так и возможным изменением климата.

Риски нарушения принципа социальной справедливости, что чрезвычайно болезненно воспринимается обществом, могут приводить к социальному разлому между различными социальными стратами и внутри них, между регионами и профессиями, усугублять гендерное неравенство.

Риски нереализованного интереса связаны с его возможностью вызывать разлом и серьёзные социальные потрясения. Можно вспомнить яркий афоризм Гегеля: «интересы правят миром», интересы правят и развитием нашего общества, России – цивилизации. Сегодня в условиях формирующейся особой цивилизации – России консолидация интересов различных социальных групп и слоев приобрела характер важнейшей политической доминанты, важнейшего фактора упреждения этих рисков.

Риски случайности («тирания случая») представляют собой третий, особый вид рисков. Нельзя отрицать возможности и реальности рисков слу-

чайности, но можно предположить, что в каждой случайности проявляется определенная устойчивая закономерность.

Важно отметить, что вышеуказанные риски появляются на фоне устойчивого повышения уровня жизни (2024 год – рост 7,4%). Несмотря на принимаемые меры по их упреждению, риски практически невозможно устранить полностью. Чрезвычайно значимым и позитивным моментом является то, что трудовые конфликты не переходят в политические риски.

Существуют две формы упреждения рисков: пассивная и активная.

Пассивная форма, фактически, состоит в локализации негативных последствий и является наиболее часто встречающейся формой реакции на риск, однако, он не должен возникать неожиданно, к удивлению политической элиты, науки и общества.

Активная форма состоит в воздействии на возможные причины рисков. На базе цифровых сетей активно самоорганизуются новые формы гражданского общества, оказывающие различную помощь, например, помощь участникам СВО, жертвам терактов. Роль таких организаций, в том числе, политическая роль, будет возрастать и властным структурам придется с этим считаться. Наш прогноз уверенно констатировал (70%), что они будут играть важную роль в упреждении различных рисков. Недостаточное внимание таким организациям представляет политический риск.

В дополнение к этому мы наблюдаем возрастающую активность со стороны политических партий. Активное участие приняли многие политические партии в социальной помощи жителям Курска (КПРФ, ЛДПР, Гражданская инициатива, Новые люди). Это пример, когда политические установки реализуются в конкретных социальных действиях. В литературе присутствует идея, что политические партии заменят цифровые платформы, однако, на данном этапе этого не произошло, и мы полагаем, что как политика, так и политические партии сохранятся в обозримом будущем. Концепция двухпартийной системы (партия власти и партия оппозиции), на наш взгляд, является мало реалистичной для российской действительности. Ряд политических деятелей выступает против политической цензуры (самосанкций). Власть оправдывает ее военным положением. Но фактически, получается это плохо. Работа Петербургского международного экономического форума является примером упреждения экономических, а, по существу, и политических рисков, связанных с процессом усиления роли экономических интересов государства и политических интересов общества. Политические риски несоблюдения этих принципов велики.

Огромная роль в упреждении рисков состоит в выборе альтернатив будущего и его оценки по критериям риска. Какое общество мы хотим

иметь? Какое общество реально формируется? Какие будут новые идеологические доминанты? Как будут реализовываться интересы различных социальных слоев? Эти проблемы находят отражение в заслуживающих внимание публикациях, посвященных образу будущего России (Bulanova & Grebnyak, 2023), где особое место занимает, помимо прочего, необходимость выработки моделей взаимодействия государства и бизнеса, в том числе, международного бизнеса в условиях геополитической конфронтации (Chaikovskaya & Lapin, 2023). Ответы на эти вопросы чрезвычайно актуальны сегодня, поскольку они будут способствовать упреждению важнейшего стратегического риска, риска политической перспективы.

Согласно нашему среднесрочному прогнозу, развитие страны в период 2024-2030 гг. будет переломным с точкой бифуркации в 2025 г. и приведет к новым социальным и экономическим трендам и рискам. В этом контексте представляет несомненный интерес книга отца и сына Сасскинд «История вашего будущего: что технологии сделают с вашей работой и жизнью» (Susskind & Susskind 2020).

В условиях обострения международной ситуации, стратегической ситуации, проведение активной внешнеполитической и активной внутриэкономической деятельности позволяет России-цивилизации упреждать серьезные цивилизационные риски. Особо необходимо отметить роль государственной политики, ориентированной на динамичное решение крупных разнотипных стратегических, инновационных задач технологического, в т.ч. цифрового прогресса. Это является и стратегией упреждения рисков.

Оценивая риск, важно определить его уровень (является ли риск федеральным, зональным, локальным или личностным), определить его характер (является ли риск риском идей, риском задач, риском действий, либо совокупным риском), определить его категорию (является ли риск стратегическим или ситуационным), а также выявить насколько риск имеет политический характер, что чрезвычайно значимо. В условиях динамизма цивилизационного разлома важным государственным приоритетом России является продвижение концепции «Русского мира», адаптированной к экономическим, политическим, социальным, и экологическим трендам 21 века. Важное место занимают патриотизм и самодостаточность, которые широко используются в идеологическом смысле.

Роль политической науки в упреждении рисков

Важнейшая задача научного сообщества, Российской Академии наук, ее институтов состоит в том, чтобы обеспечить результативное сопровождение развития России, как особой цивилизации, Российской цивилизации, выявив и упредив возможные риски, в т. ч. политические риски.

Научное осмысление политического риска, анализ и прогноз, обобщения форм его проявления в жизнедеятельности общества – это функции политической науки и, прежде всего, политической рискологии. Можно уверенно утверждать, что доминантой необходимой исследовательской политики должны стать отказ от линейного, одновариантного принципа и поиска одномерных зависимостей. Важно, что рискология базируется на интеграции различных форм научного знания, политической экономии, политологии, политической социологии, политической философии. В этом ее преимущество и слабость. В настоящее время в различных сферах научного знания накоплен огромный, весьма значимый эмпирический материал, который в полной мере не всегда может быть осмыслен в рамках одной науки. Сложные и противоречивые проблемы развития современного общества, его политической трансформации наиболее полно могут быть осмыслены совместными (интеграционными) усилиями наук различного профиля. Можно утверждать, что широкая интеграция наук стала сегодня велением времени. Без преувеличения можно сказать, что интеграция различных наук является важнейшим условием упреждения риска. Исключительно важную роль играет теоретическое, фундаментальное знание. В этом контексте можно уверенно утверждать, что назрела важнейшая необходимость в повышении роли политической науки в теоретическом осмыслении рискогенной ситуации и анализе в формате политической теории среднего уровня, когда теоретические выводы востребованы и на их крупных теоретических разработках реализуются общественно значимые цивилизационные проекты.

Важная форма изучения формирующейся реальности анализ, обобщение и тиражирование передового производственного опыта властными структурами и наукой. Трудовые коллективы путем проб и ошибок находят оптимальные развилки развития. Эти развилки – есть результат проявления трендов новой реальности, что очень значимо для научного прогресса. Развитие теоретических исследований, упрочение теоретического базиса позволяет эффективно сочетать индуктивные и дедуктивные методы анализа, что предоставляет широкие возможности современным исследователям.

К сожалению, многие стратегические и важные ситуационные проблемы осмысливаются на уровне обыденного сознания, рождая догматизм, вульгарное упрощенчество, банальность. Отметим также и достаточно

скромные успехи в политической теории и методологии. Недооценка теоретического знания, теоретического анализа и обобщения – серьезнейший риск, связанный с тем, что на теоретических направлениях исследований не сконцентрировано внимание научного сообщества. Для эффективного упреждения риска властным структурам очень важно умение и желание опереться на науку, а науке – быть адекватной вызовам XXI века. Это отчетливо проявляется пока по отношению к естественным и техническим наукам.

Очень многое зависит от руководства Академии, ее Президиума. Были разные времена. Был теоретический подъем, запуск первого спутника, полет Ю.А. Гагарина, в историю страны золотыми буквами вписаны имена И.В. Курчатова, С.И. Вавилова, А.Д. Сахарова, С.П. Королева, М.В. Келдыша (Kerimova, 2009), исключительно много сделавших для развития науки и, одновременно, для развития народного хозяйства. Но была и борьба с космополитизмом, с генетикой – «девкой империализма», передача руководства институтами в руки министерству.

Сегодня начинается новый этап, руководство РАН делает серьезную заявку на теоретический прорыв в технологическом прогрессе. Хотелось бы, чтобы аналогичный подход был внедрен и в обществоведении.

В условиях динамично и разнообразно формирующейся реальности чрезвычайное значение имеет среднесрочный и стратегический политический прогноз (Knyazeva & Kurdyumov, 2005).

Вероятностный характер развивающегося процесса затрудняет прогноз, но не отменяет его, придавая прогнозу различную степень определенности и относительности. Прогноз рисков развития социальной развилки может определить следующее: Какая из возможных альтернатив станет эмпирической реальностью? Какие возможны и какие предпочтительны варианты? Какие возможны политические риски? Что надо сделать, чтобы достичь желаемого?

Наш политический экспертный, нормативный прогноз показал, что на вопрос «Сохранится ли сегодняшняя политико-административная структура государства?» утвердительно отвечают 78% опрошенных, на вопрос «Возможен ли правый поворот?» – 10% опрошенных, а на вопрос «Возможен ли левый поворот?» – 7% опрошенных.

Переломные этапы в развитии общества – это и переломные этапы в развитии науки. Сегодня как раз такой переломный момент, который означает повышение ответственности науки за выводы и рекомендации. Важно не упустить время, которое представляет сегодня исключительно значимый риск, который необходимо упреждать. Для науки чрезвычайно важно ответить на вопросы: почему риск был? Почему риск есть? Почему риск будет?

На эти вопросы мы, к сожалению, обычно не отвечаем или отвечаем слишком расплывчато.

Есть две принципиально разные позиции о роли науки в осмыслении реальности. Одна из них видит задачу науки в саморазвитии, в открытии научных истин, важных для человечества, при этом в задачи науки не входит давать рекомендации практикам. Другая позиция исходит из того, что крупные фундаментальные открытия должны обеспечивать решение крупных практических задач (Naiborodenko, 2003). Полагаю, предпочтителен второй вариант. Четкую позицию в этой проблеме занимает президент РАН Г.Я. Красников, отмечая, что «Сегодня ситуация требует активного участия РАН в реализации крупных народнохозяйственных проектов. РАН – ключевой партнер государственной власти».

Динамичное и многогранное развитие технологического прогресса (цифрового прогресса) обусловило появление новых мировоззренческих проблем, которые наука должна осмыслить. Риск, политический риск с полным основанием считают одним из доминантных факторов развития новой реальности. Необходимо и в теоретической, и в прикладной научной деятельности исходить из этой объективной ситуации. В связи с этим, необходимо более тесное практическое взаимодействие Академии наук, ее институтов с Государственной Думой, Правительством, регионами, участие научного сообщества в их практической деятельности, а не ограничиваться публикацией в журналах, особенно в иностранных журналах.

Диалектика объективного и субъективного имеет два взаимосвязанных контекста, а именно:

1. Развитие эффективных общественных отношений на базе эффективных средств производства;
2. Формирование более совершенных средств производства на более зрелых общественных отношениях.

В обоих случаях упреждение рисков несоответствия таких взаимосвязей на основе научного знания, в том числе и на основе развития политической рискологии и ее востребованности практикой.

Сегодня Россия-цивилизация развивается в условиях динамичного, противоречивого формирования суверенной реальности и традиционализма. Происходит усиление парадигмы национальной государственности, расширение сферы деятельности государства и расширение сферы деятельности институтов гражданского общества. На основе усиления их взаимодействия происходит усиление национального самосознания и возникает риск его недооценки и недоиспользования.

В связи с этим, возрастает роль науки в оценках возможных альтернатив развития и сопутствующих рисков, в том числе рисков упущенных возможностей и способов их упреждения, что требует разработки комплексной программы национального цивилизационного развития, включающей стратегическую цель, способы стратегического и ситуационного ее достижения на основе своевременного упреждения рисков.

Литература

Susskind, R., & Susskind, D. (2022). The future of the professions: How technology will transform the work of human experts. OUP Oxford.

Боровков, И. И., Петровская, О. В. (Eds.). (2020). *Влияние технологий искусственного интеллекта на геополитический баланс сил*. Российский институт стратегических исследований.

Буланова, М. Б., Великая, Н. М., Гребняк, О. В. (2023). *Образ будущего в призме социологических измерений*. Мир Науки.

Губарев, В. С. (2016). *Мстислав Всеволодович Келдыш*. Москва: Комсомольская правда.

Ильичева, М. В., Шунина, Т. (2024). Стратегия социально-экономического развития федеральной территории «Сириус» и ее роль в научно-техническом развитии Российской Федерации. *Власть*, 32(4). <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2024-4-57-66>.

Керимова, Т. В. (2009). *Человек риска: социально-философские проблемы*. ОЛМА Медиа Групп.

Князева, Е. Н., Курдюмов, С. П. (2005). *Основания синергетики: синергетическое мировидение*. КомКнига.

Лапин, А. В., Ильичева, М. В., Чайковская, И. С. (2024). Технологический суверенитет: оптимизация в парадигме агентно-ориентированного подхода. *Власть*, 32(5), 166–178. <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2024-5-166-178>.

Лапин, А. В., Авдои, Д. Т., Ильичева, М. В. (2024). Проблемный подход к управлению рисками в системе регионального управления. *Власть*, 32(2), 9-23. <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2024-2-9-23>.

Найбороденко, Н. М. (2003). *Прогнозирование и стратегия социального развития России*. Маркетинг.

Рогачев, С. В. (2012). *Выбор альтернатив: риски и мифы*. ИСПИ РАН.

Чайковская, И. С., Лапин, А. В. (2023). Транснациональные корпорации и государство: сотрудничество на основе баланса интересов в формировании будущего России. *Власть*, 31(6), 263–275. <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i6.9913>.

Шумилов, В. К. (2009). Теория и методология общественного развития. *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*, 3-4, 60-64.

References

- Borovkov, I. I., & Petrovskaya, O. V. (Eds.). (2020). *The impact of artificial intelligence technologies on the geopolitical balance of power*. (In Russ)
- Bulanova, M. B., Velikaya, N. M., & Grebnyak, O. V. (Eds.). (2023). *The image of the future in the prism of sociological measurements*. (In Russ)
- Chaikovskaya, I. S., & Lapin, A. V. (2023). Transnational corporations and the state: Cooperation based on balancing interests for shaping Russia's future. *Vlast'*, 31(6), 263–275. <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i6.9913>. (In Russ)
- Gubarev, V. (2016). *Mstislav Vsevolodovich Keldysh*. (In Russ)
- Ilyicheva, M. V., & Shunina, T. (2024). Strategy of socio-economic development of the federal territory "Sirius" and its role in the scientific and technical development of the Russian Federation. *Vlast'*, 32(4). <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2024-4-57-66>. (In Russ)
- Kerimova, T. V. (2009). *The person of risk: Socio-philosophical problems*. (In Russ)
- Knyazeva, E. N., & Kurdyumov, S. P. (2005). *Foundations of synergetics: A synergetic worldview*. (In Russ)
- Lapin, A. V., Avdoi, D. T., & Ilyicheva, M. V. (2024). Problematic approach to risk management in the regional governance system. *Vlast'*, 32(2). <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2024-2-9-23>. (In Russ)
- Lapin, A. V., Ilyichev, M. V., & Chaikovskaya, I. S. (2024). Technological sovereignty: Optimization in the paradigm of an agent-oriented approach. *Vlast'*, 32(5), 166–178. <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2024-5-166-178>. (In Russ)
- Naiborodenko, N. M. (2003). *Forecasting and strategy of social development of Russia*. (In Russ)
- Rogachev, S. V. (2012). *Choosing alternatives: Risks and myths*. (In Russ)
- Susskind, R., & Susskind, D. (2022). *The future of the professions: How technology will transform the work of human experts*. OUP Oxford.
- Shumilov, V. K. (2009). Teoriya i metodologiya obshchestvennogo razvitiya [Theory and methodology of social development]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, 3-4, 60-64. (In Russ)

Для цитирования: Рогачев, С. В. Россия – цивилизация: упреждение политических рисков становления в условиях цивилизационного разлома / С. В. Рогачев // PolitBook. – 2025. – № 2. – С. 181-195. – DOI 10.24412/2227-1538-2025-2-181-195

НАШИ АВТОРЫ

АТАМАНЕНКО Артемий Андреевич – аспирант кафедры истории и теории политики, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, (Москва, Россия).

ATAMANENKO Artemiy – postgraduate student at the Department of History and Theory of Politics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: atamanenko@polit.msu.ru

SPIN-код: 2289-4901

ORCID: 0000-0003-4433-7847

ВАСИЛЬЕВА Валерия Алексеевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры сравнительных политических исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия).

VASILYEVA Valeria – PhD in sociology, associate professor at the Department of comparative political studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia).

E-mail: vasiljeva-va@ranepa.ru

SPIN-код: 4529-7376

ORCID: 0000-0002-8300-5223

ГОГИШВИЛИ Тамара Теймуразовна – соискатель кафедры государственной политики и публичного управления, Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия).

GOGISHVILI Tamara - candidate of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University (Krasnodar, Russia).

E-mail: toma.gogishvili.84@mail.ru

SPIN-код: 7997-8270

ORCID: 0009-0008-0982-2023

ДОНЦОВА Мария Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия).

DONTSOVA Maria – PhD in sociology, associate professor, Kuban State University (Krasnodar, Russia).

E-mail: dontsova_79@list.ru

SPIN-код: 4826-5843

ORCID: 0000-0003-0957-2200

КАШИНА Марина Александровна – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории стратегического планирования и евразийской интеграции; профессор кафедры социальных технологий, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург, Россия).

KASHINA Marina – doctor of political sciences, Leading Researcher at the Research Laboratory of Strategic Planning and Eurasian Integration; Professor at the Department of Social Technologies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (St. Petersburg, Russia).

E-mail: kashina-ma@ranepa.ru

SPIN-код: 3108-7931

ORCID: 0000-0003-4509-8657

КОРЯКОВЦЕВА Ольга Алексеевна – доктор политических наук, директор Института развития кадрового потенциала, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Ярославль, Россия).

KORYAKOV TSEVA Olga – doctor of political sciences, director of the Institute for Human Resources Development, Yaroslavl State Pedagogical University (Yaroslavl, Russia).

E-mail: youth1@mail.ru

SPIN-код: 1944-3206

ORCID: 0000-0002-2169-7906

МАЙОРОВ Илья Евгеньевич – старший преподаватель, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия).
MAYOROV Ilya – Senior lecturer, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia).

E-mail: ilyamayorov@yandex.ru

SPIN-код: 3617-9741

ORCID: 0009-0002-8310-9919

ПРОКОПЕНКО Любовь Ярославовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт Африки РАН (Москва, Россия).

PROKOPENKO Liubov – PhD in History, Senior Research Fellow, Institute for African Studies of the Russian Academy of Science (Moscow, Russia).

E-mail: skole60@mail.ru

SPIN-код: 1407-4238

ORCID: 0000-0002-1121-8828

РОГАЧЕВ Сергей Владимирович – доктор экономических наук, профессор, Главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра, Российская академия наук (Москва, Россия).

ROGACHEV Sergey – Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute of Socio-Political Studies of the Federal Research Sociological Center, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: rogachev33@mail.ru

SPIN-код: 3467-1751

САЗАНТОВИЧ Алексей Борисович – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия).

SAZANTOVICH Alexey – PhD in political science, associate professor of the Department of Political Science and Political Management, Kuban State University (Krasnodar, Russia).

E-mail: sazantovich@kubsu.ru

SPIN-код: 9301-2372

ORCID: 0009-0002-4473-288X

САМАРКИНА Ирина Владимировна – доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой политологии и политического управления, Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия).

SAMARKINA Irina – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Political Science and Political Management, Kuban State University (Krasnodar, Russia).

E-mail: smrkn@mail.ru

SPIN-код: 9261-7641

ORCID: 0000-0002-0205-8543

СТОМИН Владислав Витальевич – аспирант кафедры национальных и федеративных отношений, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия).

STOMIN Vladislav – PhD students Department of National and Federal Relations, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow, Russia).

E-mail: vladislavstomin@gmail.com

SPIN-код: 5711-0819

ORCID: 0009-0007-0972-7280

ТКАЧ Сергей – ведущий социолог Центра прикладной социологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).

TKACH Sergey – leading sociologist at the Center for Applied Sociology, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia).

E-mail: s.tkach@spbu.ru

SPIN-код: 6740-2773

ORCID: 0000-0001-5016-9187

ЩЕДРОВА Галина Петровна – доктор политических наук, профессор кафедры государственного управления, Луганский государственный университет имени Владимира Даля (Луганск, Россия).

SHCHEDROVA Galina – Doctor of Political Science, Professor, Department of State Management, Lugansk State University (Lugansk, Russia).

E-mail: galina_shedrova1954@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1884-0799

ЮРЧЕНКО Виктор Михайлович – доктор философских наук, профессор кафедры политологии и политического управления – базовой кафедры ФИЦ ЮНЦ РАН, Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия).

YURCHENKO Viktor – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Political Science and Political Management, Kuban State University (Krasnodar, Russia).

E-mail: politics@kubsu.ru

SPIN-код: 9244-8932

ORCID: 0009-0003-8139-4418

ЮРЧЕНКО Инна Вадимовна – доктор политических наук, главный научный сотрудник, Южный научный центр РАН; профессор кафедры политологии и политического управления – базовой кафедры ФИЦ ЮНЦ РАН, Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия).

YURCHENKO Inna – Doctor of Political Sciences, Chief Researcher, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; Professor of the Department of Political Science and Political Management, Kuban State University (Krasnodar, Russia).

E-mail: ivyurchenko@mail.ru

SPIN-код: 6113-5159

ORCID: 0000-0002-4834-9338

THE CONTENTS

POLITICAL IDENTITY AND YOUTH

I. Samarkina, A. Sazantovich, T. Gogishvili

YOUTH IN A TRANSFORMING POLITICAL SPACE: A RETROSPECTIVE ANALYSIS
OF THE PROCESSES OF POLITICAL SOCIALIZATION AND RESOCIALIZATION **6**

O. Koryakovtseva

WHO DOES RUSSIA NEED: A "YOUNG ELITE" OR A SOCIALLY ACTIVE CITIZEN? **27**

G. Shchedrova

CONSTRUCTING A POLITICAL IDENTITY:
FOREIGN EXPERIENCE AND PROSPECTS FOR RUSSIA **42**

I. Yurchenko, V. Yurchenko, M. Dontsova

FORMATION OF ALL-RUSSIAN IDENTITY OF YOUTH:
REGIONAL ASPECT OF THE PROBLEM **54**

V. Stomin

THE IMAGE OF MOSCOW'S FUTURE THROUGH THE PRISM OF STUDENT IDEAS **72**

A. Atamanenko

COMICS AS A TOOL FOR SHAPING RUSSIAN YOUTH'S PERCEPTIONS OF THE FUTURE **98**

I. Mayorov

FORMATION OF RUSSIA'S POLITICAL IMAGE THROUGH RUSSIAN
FAMILY STUDENTS IN GERMANY: CHALLENGES AND PROSPECTS **109**

ARTICLES

L. Prokopenko

GENDER PARITY IN POLITICS IN RWANDA:
ACHIEVEMENTS, CONTRADICTIONS, ROLE OF QUOTAS **134**

V. Vasileva, M. Kashina, S. Tkach

THE SIGNIFICANCE OF PATERNAL INVOLVEMENT AS AN UNDERUTILIZED RESOURCE
FOR REGIONAL DEMOGRAPHIC POLICY IN ADDRESSING DEPOPULATION **153**

S. Rogachev

RUSSIA - CIVILIZATION: ANTICIPATION OF THE POLITICAL RISKS
OF FORMATION UNDER CONDITIONS OF THE CIVILIZATIONAL RIFT **181**

OUR AUTHORS **196**

ISSN 2227-1538 (Print)
ISSN 2307-4590 (Online)

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-48608 выдано
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций

Адрес редакции и издателя: 428023,
Россия, Чувашская Республика,
г. Чебоксары, ул. Гражданская, 66, 7.

Тел. +7937 9539205.
E-mail: editor@politbook.online
<http://politbook.online>

ООО «НИИ общественных
и политических наук»

Подписано в печать 20.06.2025
Дата выхода в свет 08.07.2025

Формат 70x100/16.
Усл. печ. л. 12,0.
Тираж 500 экз.

Отпечатано с готового оригинал макета
ООО «НИИ общественных
и политических наук», 428023,
Россия, Чувашская Республика,
г. Чебоксары, ул. Гражданская, 66.
www.iorn.ru

Свободная цена

© НИИ общественных и политических
наук, 2025.

Published by:
Institute of Social and Political Sciences

Address: 66 – 7, Graghdanskay st.,
Cheboksary, Russia, 428023

E-mail: editor@politbook.online
<http://politbook.online>

© Institute of Social and Political
Sciences, 2025.